

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального
образования

«Российский государственный
гуманитарный университет»
(РГГУ)

Факультет истории,
политологии и права

Общероссийская
общественная организация

«Российская ассоциация
политической науки»
(РАПН)

Исследовательский комитет
по сравнительному изучению
партийных и избирательных систем

ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА И КОНТРЕФОРМА 2012–2014 ГОДОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ, ТЕНДЕНЦИИ

Москва
2015

ISBN 978-5-87317-582-21

Рецензенты:

зав. отделом политической науки ИНИОН РАН,
доктор политических наук *Е.Ю. Мелешкина*
директор Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН
по исследованию политических институтов и процессов, доктор политических наук, доцент
О.Б. Подвицнев

Обложка, дизайн, оригинал-макет: Л.А. Аникановой

Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунока, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой; Минобрнауки России, Российский гос. гуманитарный университет, факультет истории, политологии и права; Российская ассоциация политической науки, исслед. комитет по сравнительному изучению партийных и избирательных систем. Москва: Издательство «Товарищество научных изданий «КМК», ISBN 978-5-87317-582-21, 2015. – 200 с.

Монография посвящена влиянию «партийной реформы» 2012–2014 гг. на состояние институтов партий и выборов в Российской Федерации, конфигурацию партийной системы и электорального и политического пространства страны в целом.

Рассмотрены изменения, происходившие в последнее десятилетие с институтом политических партий в международном масштабе; предпосылки, содержание и ход «партийной реформы» (в первую очередь изменения в законодательстве), процесс регистрации новых политических партий и принципы их классификации; влияние реформы на итоги региональных выборов 2012–14 гг. (результаты новых и «старых» партий, изменение расстановки сил в заксобраниях, структура политических и электоральных размежеваний); влияние реформы на состояние региональных партийных систем.

Для преподавателей политической науки, аспирантов и студентов, всех интересующихся проблемами современных политических партий и избирательных систем.

Монография подготовлена в рамках реализации и при финансовой поддержке Программы стратегического развития РГГУ на 2012–2016 гг. (мероприятие 2.1.1).

Подписано в печать -----2015.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Объем 12,5 п.л.

Отпечатано в ООО «ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ». Москва, ул. 5-я Кабельная, 26.

Заказ № 338. Тираж ----- экз.

© Российский государственный гуманитарный университет, 2015
© Исследовательский комитет по сравнительному изучению партийных и избирательных систем Российской ассоциации политической науки, 2015

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
РАЗДЕЛ 1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ В ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
1.1. Современная социал-демократия: в поисках «третьего пути» (И.Н. Трофимова)	6
1.2. Интернет-партии как новый тип партийной организации (на примере Партии пиратов) (Ю.В. Ирхин)	13
1.3. Трансформация партийно-политической системы ФРГ: старые проблемы и новые вызовы (А.В. Белинский)	20
1.4. «Партии власти» на постсоветском пространстве: Россия и Казахстан (А.М. Гришина)	29
1.5. Институциональные новации в партийной и избирательной системах Украины в 2012–2014 гг. (Н.А. Борисов)	38
РАЗДЕЛ 2. ВЛИЯНИЕ ПАРТИЙНОЙ РЕФОРМЫ НА ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ	
2.1. Изменение институтов выборов и партий в трансформационном контексте (Г.М. Михалева)	49
2.2. Законодательство о выборах и партиях: четверть века метаний (А.Е. Любарев, Ю.Г. Коргунюк, Г.М. Михалева)	53
2.3. Партийное строительство в 2012–2014 гг. (А.Е. Любарев)	63
2.4. Классификация новых политических партий (А.Е. Любарев, М.В. Вольхина)	71
2.5. Особенности институциональной роли партий в Российской Федерации (Я.Ю. Шашкова, А.И. Девятирова)	78
РАЗДЕЛ 3. ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА И ИТОГИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ 2012–2014 гг.	
3.1. Партийная реформа и динамика межпартийной конкуренции на региональных выборах 2012–2014 гг. (А.Е. Любарев, С.А. Шпагин)	90
3.2. Партийная реформа и изменения в структуре электоральных размежеваний (Ю.Г. Коргунюк, М.Н. Грачев)	106
РАЗДЕЛ 4. ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ	
4.1. Выборы в Москве: между полной управляемостью и возвратом к конкурентности (Г.М. Михалева)	143
4.2. Свердловская область: нетипичная типичность (К.В. Киселев)	155
4.3. Выборы в Законодательное собрание Иркутской области 2013 г. (Ю.С. Перфильев)	165
4.4. Алтайский край: партии и выборы (Я.Ю. Шашкова)	175
4.5. Партии и выборы в Астраханской области (Н.В. Гришин)	183
4.6. Политические партии после региональных выборов 2013 г. в Республике Башкортостан (Н.А. Евдокимов)	190
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	197
ABSTRACT	200
CONTENTS	200

Предисловие

Партийная реформа 2012–2014 гг. и ее последствия актуализировали внимание политологов к теме взаимовлияния между формальными и неформальными институтами (законами, устоявшимися правилами игры и практиками), с одной стороны, и конфигурацией политического пространства, с другой.

Изменение институтов – «рукотворное» дело. Можно принять любой закон, «поправить» его или отменить, но это не значит, что таким образом удастся легко и быстро изменить политическую реальность. Развитие институтов имеет собственную логику. Их появление, трансформация и уход со сцены – следствие эволюции определенных «общественных договоров». Именно поэтому попытки перетасовывать законодательство ради извлечения краткосрочных выгод чреваты возникновением в будущем серьезных проблем для общества в целом. Даже если основная часть зрителей не выражает недовольства такой «ловкостью рук», это не означает, что новая юридическая норма рано или поздно не вступит в противоречие с глубинными принципами, лежащими в основе действующих «правил игры».

Вместе с тем само по себе изменение институтов – процесс естественный. Они по своей природе не могут не меняться, поскольку не только управляют отношениями между людьми, но и сами ими формируются. Изменение сути этих отношений неизбежно влечет за собой трансформацию институтов. Даже когда никто не перестраивает институты целенаправленно, они перерождаются стихийным образом – в качестве реакции на происходящие в обществе изменения.

Все это относится и к политическим партиям, равно как и их институциональной среде: выборам, органам власти, общественным и политическим практикам. Для обсуждения связанных с этим проблем 18 апреля 2014 г. была проведена конференция «Партии и их институциональная среда: новации, традиции, тенденции», организаторами которой выступили факультет истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, а также Исследовательский комитет по сравнительному изучению партийных и избирательных систем Российской ассоциации политической науки.

Данная монография является плодом коллективного труда участников конференции. В ней предпринята попытка обобщить различные аспекты взаимосвязей между реформой 2012–2014 гг. и изменениями в партийной системе страны. Под партийной реформой в данном случае понимается сложный комплекс мероприятий реформистской и контрреформистской направленности, включающие не только внесение поправок в закон о партиях, но и те изменения в избирательном законодательстве, которые

непосредственно повлияли на состояние партий и партийной системы (освобождение партий от сбора подписей на выборах 2012 г., возврат к сбору подписей в 2014 г., «закон Клишаса» и т.п.).

Первый раздел посвящен анализу изменений, произошедших с институтом политических партий в международном масштабе. В нем рассматриваются такие предметы, как влияние тенденций современного развития на идеологию и функции социал-демократических партий; проблемы стран Запада, связанные с выходом на сцену интернет-партий вообще и «пиратских» партий в частности; изменения политического пространства ФРГ в результате последних выборов в Бундестаг (2013) и задачи, поставленные тем самым перед партиями страны; направление эволюции партийных систем Казахстана и Российской Федерации, сходство и различия этих эволюций и т.п.; соотношение трансформации партийного и избирательного законодательства Украины и политической ситуации в стране.

Тема второго раздела – собственно партийная реформа 2012–2014 гг. и рост партстроительства как ее следствие. Его авторы проанализировали, как вписывается эволюция института выборов и партий в общий контекст режимной трансформации постсоветской России; как менялось партийное и избирательное законодательство на протяжении последних 25 лет вообще и трех последних лет в частности; как проходил процесс регистрации новых политических партий; по каким признакам следует классифицировать новые политические партии России; с какими препятствиями столкнулась «трансплантация» института партий на отечественную почву и как можно оценить результаты этого процесса.

В третьем разделе исследуется влияние партийной реформы на итоги региональных выборов 2012–2014 гг.: как появление новых игроков изменило электоральные результаты «старых» партий и расстановку сил в региональных собраниях, а также как оно отразилось на конфигурации политического и электорального пространства страны, точнее, на структуре ее политических и электоральных размежеваний.

Наконец, четвертый раздел посвящен трансформации региональных партийных систем после партийной реформы. Проанализированы ход избирательных кампаний, итоги выборов и изменение расстановки политических сил в шести субъектах Федерации: Москве, Башкортостане, Алтайском крае, Астраханской, Иркутской и Свердловской областях.

Раздел 1.

Институциональные новации в партийных системах зарубежных стран

Институциональные изменения партий и партийной системы происходили в последние годы не только в России, но и во многих других странах, включая как «старые» демократии, так и новые независимые государства. Менялось законодательство, исчезали старые и появлялись новые игроки, теряли власть правящие партии и приходили к власти оппозиционные.

Ведут ли эти изменения к появлению новых типов партий и партийных систем? Какие факторы влияют на данный процесс – особенности нормативно-правового регулирования, характер избирательных систем, специфика партийных стратегий, идеологические трансформации, внутренние структурные преобразования? Каковы причины расхождений в траекториях партийной эволюции? В данном разделе представлены попытки ответов на эти вопросы.

В этом ключе рассмотрены перспективы современной европейской социал-демократии; феномен интернет-партий; трансформация партийной системы в ФРГ после выборов в Бундестаг (2013); особенности развития партийных систем Казахстана, России и Украины в контексте трансформации политических режимов.

Выбор объектов анализа определялся необходимостью представить репрезентативные случаи: «старая» демократия ФРГ и новые независимые государства; конкурентная многопартийная система и системы с доминирующими партиями; традиционные европейские социал-демократические партии и интернет-партии как качественно новое явление. Иначе говоря, внимание уделено и трансформации партийных систем современной Европы в результате появления новых идеологических течений и типов партийных организаций, и анализу причин укрепления в Казахстане и России систем с доминирующей партией, и фрагментации украинской партийной системы, складывающейся на обломках распавшейся системы с протодоминирующей партией.

1.1. Современная социал-демократия: в поисках «третьего пути»

Предметом настоящего исследования является эволюция социал-демократической теории и практики в контексте изменения принципов, способов и форм демократического представительства и участия. Речь идет прежде всего о европейской социал-демократии, имеющей как что-то общее для всех стран, так и нечто особенное в каждой. Основное

внимание обращено на способ представительства интересов различных социальных групп. Более конкретно центральный вопрос исследования можно сформулировать следующим образом: насколько актуальны широкое представительство интересов и политическое участие в условиях экспансии современных технологий управления обществом.

Возникновение социал-демократии как самостоятельной политической силы относится ко временам «буржуазных» революций 50–60-х гг. XIX в. Именно тогда социал-демократия взяла на вооружение принцип свободы, являющийся, по сути, принципом «буржуазного» правового государства. Начиная с 1870-х гг. европейская социал-демократия развивалась как реформистская альтернатива революционному социализму. Важным было то, что она позиционировала себя не просто как выразитель интересов трудящихся, но и как способ их политической идентификации и политического участия. При этом социал-демократия воплощала взгляд на демократию как на эффективный способ движения к социализму¹.

Ключевыми моментами в развитии социал-демократии были Первая мировая война и революция в России; объединение различных политических сил в борьбе против фашизма; годы холодной войны, когда социал-демократия рассматривалась как альтернатива одновременно капитализму и социализму. Расцвет ее пришелся на 60–70-е гг. XX в.: именно тогда социал-демократические партии пользовались поддержкой большинства населения, например, в Австрии и Швеции.

Переломным периодом в дискуссии о перспективах социал-демократии стал рубеж 1980–1990-х гг., отмеченный падением популярности социалистических идей и отождествлением социализма с централизованным бюрократическим государством и тоталитарным режимом. Социал-демократы теряли доверие на фоне распространения философии свободного рынка и падения социалистических режимов в Восточной Европе и СССР. Хотя их позиции в Австрии, Бельгии, Германии, скандинавских странах были традиционно сильны, исследователи все чаще говорили о «болезни и смерти» социал-демократии, а дискуссии о ее будущем были отмечены печатью разочарования².

Однако на рубеже XX–XXI вв. произошел своего рода ренессанс социал-демократии, подтверждением чему стали победы соответствующих партий на парламентских выборах во Франции (1997), Германии (1998, 2002), Испании (2004, 2008), Болгарии (2005), Венгрии (2006), Португалии (2009), Греции (2009). Свою роль в этом сыграл и мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.: сокращение государственных расходов

---

¹Przeworski A. Capitalism and social democracy. Cambridge, 1986. P.16.

²Giddens A. The third way: the renewal of social democracy. Cambridge, 1998. С.154.

на социальную сферу вызвало широкую волну протестов. В 2009 г. во Франции восемь наиболее крупных профсоюзов организовали общенациональную забастовку, участники которой требовали принять меры для защиты наемных рабочих и служащих от последствий кризиса. Забастовки и общенациональные акции протеста против политики «затягивания поясов» прошли в Греции, Италии, Бельгии, Румынии и других странах.

В настоящее время идеи социал-демократии находят воплощение в деятельности многих общественных и политических движений. Наибольший интерес в этом смысле представляет концепция социальной демократии, интерес к которой обусловлен поиском путей преодоления слабых сторон общей демократической концепции. Как идеология и политическое движение социальная демократия наследует традиции социал-демократии и является альтернативой консерватизму и либерализму. В то же время она является теоретической моделью, представляющей картину того, как нормы и ценности демократии трансформируются в основные права человека и каким образом последние реализуются в различных странах. Даже ее критики признают, что сегодня социальная демократия является наиболее популярной разновидностью социализма, которая ставит целью выравнивание социальных возможностей³.

Современная социал-демократия подчеркивает свое отличие как от социализма и либерализма, так и от своих же более ранних версий. Основное внимание по-прежнему отводится партийной организации и сотрудничеству с профсоюзами, однако классические партии социал-демократии постепенно превращаются в «посреднические» структуры, агрегирующие интересы и ценности различных гражданских групп, ассоциаций и организаций. Такое посредничество помогает рационализировать и стабилизировать конфликты интересов и управлять ими в течение длительного времени.

Однако сегодня партии все меньше рассчитывают на построение новых устойчивых каналов коммуникации между гражданским обществом (в т.ч. профсоюзами) и политической системой. Структурные изменения в обществе и публичной политике оставляют все меньше возможностей для опоры на базовые демократические ценности, в том числе социальную справедливость, вынуждая партии не расширять социальную базу, а совершенствовать институциональные методы политической борьбы.

Растущая сложность современного общества и связанная с этим необходимость нового понимания демократии отмечена многими исследователями⁴. Скептическое отношение к перспективам демократии связано с

---

³Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., 2008. С.155–156.

⁴См. Кин Дж. Демократия и гражданское общество: о трудностях европейского социализма, перспективах демократии и проблеме контроля над социально-политической властью /

особенностями постиндустриальной парадигмы: усложнением социальной жизни, размыванием смысла основных ценностей демократии, диффузией идеологических постулатов. На смену твердым универсальным принципам общественного устройства приходит плюрализм социальных пространств, регулируемых достаточно условными критериями. Наряду с тенденцией к автономизации и индивидуализации социальной жизни растет взаимозависимость различных ее сторон, принимающая форму полицентризма. Иерархия сменяется диффузией.

Проблемы современного общества требуют адекватных их сложности решений, компетенции и ресурсов. Сегодня управление общественными процессами требует умения оперировать многими переменными, открытости управленческой среды, доступности информации. С одной стороны, это актуализирует элитистские подходы к демократии, с другой – современные теории публичного управления предполагают самое широкое участие граждан в принятии решений. Все это ставит на повестку дня вопрос об изменении подходов к реализации базовых ценностей демократии и основных гражданских прав.

Э. Гидденс в числе главных тем повестки дня современной социал-демократии упоминает глобализацию, индивидуализацию, взаимоотношения правых и левых, «политическое агентство», экологию. Э. Лавелль считает, что угрозы экологической катастрофы, войны, терроризма, нарастание неравенства между богатыми и бедными предъявляют к левым все более сложные требования: социал-демократия, отстаивая социальные права граждан, должна соединить свои традиционные ценности с ценностями современного общества. Исследователи говорят о новых социал-демократах, политическая программа которых подразумевает критику современного общества, создание концепции лучшего общества и, наконец, определение путей перехода от старого общества к новому, лучшему⁵.

Большинство авторов помещает современную социал-демократию в пространство между либерализмом и социализмом. Так, Дж. Кин подчеркивает взаимообусловленность демократии и социализма. Задачу соотношения демократии и новой социальной реальности он предлагает решать через разграничение сфер компетенции государства и гражданского общества и одновременно через взаимодействие между ними.

В понимании Д. Дзоло суть «постдемократии» заключается в уходе

Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2001; Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006; Дзоло Р. Демократия и сложность. М.: ГУ–ВШЭ, 2010; Крауч К. Постдемократия / Пер. с англ. М.: ГУ–ВШЭ, 2010 и др.

⁵Fitzpatrick T. After the new social democracy: social welfare for the twenty-first century. Manchester, 2003. P. 12.

от крайностей XX в. – этатистской модели социализма, с одной стороны, и синдикализма и иных форм либертаризма, с другой. Если Дж. Кин делает акцент на взаимодействии государства и гражданского общества, то центральной темой работ Д. Дзолло является взаимоотношение демократических институтов. Дзолло ставит под сомнение фундаментальные предпосылки демократической теории и ее основные постулаты – участие, представительство, конкурентный плюрализм. По его мнению, демократические процедуры абсолютно непригодны для сокращения экономического и социального неравенства. В связи с этим он предлагает вовсе отказаться от поиска общего блага. По мнению Д. Дзолло, представительские функции в современном обществе выполняются самим процессом разделения труда и функциональной дифференциацией. Реализация постдемократии, на его взгляд, возможна через конституционализацию политических партий, разделение властей и учреждение коммуникативной демократии.

Сегодня представители различных идеологических течений и направлений стремятся к обновлению традиционных постулатов. Например, П. Готфрид говорит о перспективах неомарксизма в контексте современного мультикультурализма. Ф.А. фон Хайек предлагает отказаться от крайнего рационализма в либерализме – «нетерпимого и неистового либерализма» – и видит его будущее в объединении с христианскими ценностями⁶.

Европейские социал-демократические партии уже не являются избирательными объединениями рабочего класса. Как отмечает П. Готфрид, они сохраняются скорее как часть более широкой группировки на левом фланге. То же можно сказать и о ближайших союзниках социал-демократии – профсоюзах. В 1990-е гг. их численность в Европе заметно снизилась, они оказывают все меньшее влияние на правительства своих стран. В результате политические различия между правыми и левыми размываются, сводятся к мелким деталям, становятся едва различимыми.

Таким образом, дискуссия выявила самые разные модели современной демократии – от технократических до предусматривающих активное политическое участие со стороны граждан. Обобщая эти подходы, можно сказать, что ключевой характеристикой демократии является способность правительства постоянно реагировать на предпочтения граждан, рассматривая их как равных себе в политическом отношении. Эта способность должна быть обеспечена правом граждан формулировать и выражать свои предпочтения и отсутствием дискриминации по признаку содержания или источника этих предпочтений.

Наиболее развернутое видение перспектив социал-демократии предложено Э. Гиденсом, сформулировавшим концепцию «третьего пути» в

---

⁶Хайек Ф. фон. Судьбы либерализма в XX веке / Пер. с англ. М., 2009. С. 291.

условиях глобализации⁷. Само понятие «третьего пути» между социализмом и капитализмом возникло после прихода к власти в Великобритании лейбористов во главе Т. Блэром (1992). Концепция «третьего пути» сохраняет в качестве стержня идею социальной справедливости. Равенство и свобода могут конфликтовать, но могут и содействовать друг другу. В понимании социал-демократов свобода подразумевает автономию действий широких социальных слоев. Отвергая коллективизм, «третий путь» ищет новые отношения между индивидом и обществом. Ключевым пунктом политики должна стать семья, которая, по мнению Э. Гидденса, является точкой пересечения основных тенденций в развитии общества в целом и отношений между личностью и обществом в частности. Что касается социальной базы, то сегодня социал-демократия борется за политический центр и голоса среднего класса.

Т. Фитцпатрик связывает развитие социал-демократии с активизацией социальных движений. Он формулирует парадокс взаимообусловленности демократизации и социального равенства, который должен решаться через различные формы коллективного действия и политическую мобилизацию, ориентированные на реформу социальной политики и системы благосостояния, – в результате это должно привести к тому, что равенство демократизируется, а демократия эгалитаризируется⁸. Аналогичного подхода придерживаются также Т. Мейер и Д. Хинчман, по мнению которых именно современная социал-демократия способна создать условия для эффективной демократии. В целом социал-демократическая концепция конвергенции капитализма и социализма носит пока достаточно формальный характер и не выходит за рамки известного парадокса Й. Шумпетера: рыночная система, будучи лучше всех прочих, тем не менее обречена, тогда как социализму, пока еще не способному выполнить свои обещания, принадлежит будущее.

Наиболее перспективным и компромиссным представляется концепт социальной демократии, конкретизирующий взаимосвязь и противоречия между основными демократическими моделями. С одной стороны, социализм и демократия не могут существовать друг без друга. Вместе с тем демократия остается слабой и нестабильной, если при формальном политическом равенстве сохраняется фактическое неравенство, а среди граждан нет согласия относительно того, что такое справедливость и как ее достичь. Теория социальной демократии предлагает объяснение сложных взаимосвязей между легитимностью, эффективностью и стабильностью⁹.

---

⁷Giddens A. The third way: the renewal of social democracy. Cambridge, 1998. P. 64.

⁸Fitzpatrick T. After the new social democracy: social welfare for the twenty-first century. Manchester, 2003. P. 92.

⁹Meyer T., Hinchman L.P. The theory of social democracy. Cambridge: Polity, 2007. P. 1.

Дело в том, что демократические права и нормы, в том числе зафиксированные в международных пактах и национальных конституциях, не всегда и не полностью могут быть реализованы в конкретных условиях каждой страны. Теория социальной демократии как раз и описывает условия, обеспечивающие легитимность, эффективность и стабильность современной демократии. Одним из этих условий являются государственные и общественные институты, основанные на универсальных базовых ценностях демократии. Демократия может потерять почву под ногами, если будет пониматься только как набор институтов и не предполагать гражданского участия. Делегативная демократия и пассивность граждан делают государство уязвимым и лишают его легитимности.

Теория социальной демократии тесно связана с либеральной концепцией. При прежних подходах демократия и фундаментальные политические права как бы отделялись от институтов рынка и частной собственности. Социальная демократия, напротив, настаивает на том, что гражданские права должны распространяться также на экономическую и социальную сферу. Если либеральная демократия делает акцент на экономической свободе, то социальная демократия – на социальной безопасности и справедливости. Социальный порядок, регулятивная и дистрибутивная политика современного демократического государства должны соответствовать как либерально-демократическим, так и социально-демократическим ценностям¹⁰.

Таким образом, социальная демократия связывает демократические нормы и ценности со способами их реализации – институтами, форумами, политиками, каналами участия и пр. – в условиях структурных рисков, свойственных современной экономической и социальной жизни, тогда как либеральная демократия рассматривает социальные права как переменные, не подлежащие законодательной фиксации. Отсюда и принципиальное различие между ними в понимании смысла демократического участия.

Связь между уровнем развития демократии и степенью социальной защищенности граждан является предметом многочисленных эмпирических исследований, ранжирующих страны и политические системы по степени их демократичности. Критерий социальной эффективности особенно важен для исследования режимов в новых демократиях. «Старые» демократии демонстрируют высокое качество жизни. Для нашей страны характерно сочетание недостаточного развития институциональных основ демократии и невысокого качества жизни. В рейтинге стран по индексу институциональных основ демократии Россия занимает 93 место (5,24 балла из 10 возможных), а в рейтинге качества жизни – 73-е (2,68 из 10)¹¹.

---

¹⁰Meyer T., Hinchman L.P. The theory of social democracy. Cambridge: Polity, 2007. P. 3.

¹¹Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М., 2007. С. 232–233.

Исследователи называют разные причины этого: историческое наследие, особенности современного государственного строительства, внешние вызовы и угрозы.

Итак, проблемы социал-демократии в современных условиях связаны прежде всего с идейно-организационной идентичностью. Усложнение общественной жизни, растущее разнообразие социальных проблем привели к росту неопределенности в понимании основных ценностей демократии, диффузии идеологических постулатов. Базовые принципы – свобода, равенство, братство – становятся все менее универсальными и устойчивыми и все более условными. Изменение социальной базы социал-демократических партий привело к расширению их посреднических функций, необходимости учета интересов и ценностей самых разных гражданских групп, ассоциаций и организаций. В свою очередь, многообразие и конкуренция социальных потребностей приводят к тому, что приоритет в организации демократического процесса и реализации базовых социальных прав граждан отдается государству.

Успехом социал-демократии можно считать то, что ее идеи выдержали проверку временем и в определенной мере были восприняты другими политическими движениями, в том числе либеральными и консервативными. Перспективы же ее, судя по всему, лежат в сфере институционализации партнерских отношений со всеми субъектами социальной политики – не только традиционными, такими как профсоюзы, но также и с государством, идеологическими оппонентами и широким спектром общественных организаций.

1.2. Интернет-партии как новый тип партийной организации (на примере Партии пиратов)

В современных условиях все более заметную роль в создании, развитии и функционировании политических партий играет интернет. Это связано прежде всего с расширением его аудитории, ростом политической активности пользователей, повышением значимости сетевых коммуникаций, возникновением новых проблем, способных сплотить пользователей. Общие подходы к решению этих проблем могут стать предпосылками активизации партийного строительства с использованием интернет-сетей. Этому в немалой степени способствует и упрощение процедуры регистрации политических партий, в том числе снижение требований к их численности.

Сегодня Россия занимает первое место в Европе по количеству интернет-пользователей (65 млн человек), с 2012 по 2014 г. их число увеличилось на 9% (более 5 млн), более 80% выходят в сеть каждый день, а 25% – более чем с трех интернет-устройств, в т.ч. мобильных. Люди моложе 35 лет

по-прежнему составляют более половины пользователей, но растет и доля старшего возраста.

В свое время один из основателей РСДРП В. Ленин указывал, что для создания политической партии необходима газета, выполняющая функции не только «коллективного пропагандиста, но и коллективного организатора». Применительно к современным условиям таким коллективным пропагандистом и организатором могут служить также электронные сетевые средства коммуникации.

Если раньше партии создавались на основе выражения интересов больших социальных групп, то сегодня актуализируется партийное строительство вокруг частных проблем, выдвигаемых «виртуальными» группами с активным и даже преимущественным использованием сетевых и иных информационных технологий, поскольку такие проблемы способны повлиять на развитие общества в целом¹².

На проектирование и трансформацию политических идеологий влияют дифференциация политических процессов, кризис общесоциологических подходов («макронаративов») и другие факторы. Эти идеологии могут проектироваться под определенную проблему или общественную организацию¹³ и эффективно использоваться в сетевых коммуникациях. К таковым относятся, в частности, концепты, связанные с различными аспектами свободы использования интернет-ресурсов – как ценностно-содержательным, так и правовым.

С этой точки зрения определенный интерес представляют идеологические и ценностные установки Интернет-партии Российской Федерации. ИПРФ декларирует приверженность идеям «электронной демократии»: «Цель Партии – при помощи Интернета объединить население, создав мощнейшую политическую силу в стране; направить весь потенциал пользователей Рунета на реальные, общественно-полезные дела; информатизировать Россию; защитить пользователей сети, их персональные данные и свободу в Интернете; дать возможность каждому быть услышанным»¹⁴.

Кроме того, Интернет-партия РФ выступает за разработку «адекватного и современного» законодательства об интернете, включение «права на свободу в Сети» в число конституционных гражданских прав, введение

---

¹²Ирхин Ю.В. Постмодернистская методология анализа и проектирования политики // Вестник РГГУ. Сер. Политология. Социально-коммуникативные науки. 2014, № 1. 23–42.

¹³Ирхин Ю.В. Методология анализа классических, проектируемых и манипулятивных политических идеологий // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: М-лы X Международной науч. конф. / редкол.: А.П. Логунов, О.В. Гаман-Голутвина, М.Н. Грачев, Ю.В. Ирхин, Н.А. Борисов. В 2 ч. Ч. 1. М., 2013. С. 57–65.

¹⁴Политическая партия «Интернет Партия Российской Федерации» (<http://minjust.ru/taxonomy/term/214?theme=minjust>).

электронного голосования, а также за то, чтобы сделать интернет-отчеты основной формой отчетности чиновников перед гражданами.

Среди прочих пунктов – включение в школьный курс информатики основ работы в интернете, предоставление массового доступа к сети воспитанникам детдомов и других социальных учреждений, обеспечение доступности и дешевизны высокоскоростного интернета в любой точке страны и пр.

Основными целями ИПРФ названы формирование общественного мнения; политическое образование и воспитание граждан; доведение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни до сведения широкой общественности и органов государственной власти; выдвижение кандидатов на выборах всех уровней.

Интернет-партия РФ получила регистрацию в Минюсте 12 ноября 2012 г., однако затем столкнулась с кадровым голодом на местах. Предполагаемые кандидаты в руководство региональных отделений не были готовы нести личные финансовые издержки по регистрации и ведению отчетности. За год региональные отделения ИПРФ были зарегистрированы только в четырех субъектах РФ: Алтайском крае, Башкортостане, Тверской области и Республике Коми. Из-за нехватки зарегистрированных региональных отделений партия не была допущена к выборам 2013 г. После этого ИПРФ подала в Минюст документы на самороспуск, и 31 августа 2013 г. была ликвидирована. В настоящее время она действует как сетевая общественная организация.

Другой разновидностью интернет-партий являются т.н. пиратские партии.

Первая Партия пиратов была создана в 2006 г. в Швеции. Она выступает против существующего законодательства в области интеллектуальной собственности (патентов, копирайта) и за неучастие страны в международных организациях по защите авторских прав (ВОИС и ВТО). Причем партия не против авторских прав как таковых, но считает, что нужно разрешить неограниченный некоммерческий обмен объектами авторских прав, сохранив запрет на обмен коммерческий. Также она выступает за защиту приватности в интернете и повседневной жизни. В своей программе партия не касается иных тем, поэтому ее сложно однозначно классифицировать как левую либо правую. Сама она декларирует приверженность «идеологии интеллектуальной собственности», входит в Пиратский Интернационал, близка к «зеленым» и Европейскому свободному альянсу.

Идею пиратской партии высказал Рикард Фальквинге в 2005 г. во время дебатов о законодательных изменениях в области авторского права. Несмотря на немалый общественный резонанс, дискуссия по этому поводу не привела к существенным результатам. О создании партии было сообщено

1 января 2006 г. – в этот день открылся ее сайт; появление новой партии с оригинальным названием широко обсуждалось в интернете. На сайте Партии пиратов был представлен план дальнейшего строительства ПП. Прежде всего она должна была собрать 2 тыс. подписей для регистрации в Шведской избирательной комиссии, причем сделать это уже к 4 февраля – чтобы успеть получить право на участие в ближайших парламентских выборах (27 сентября 2006 г.).

За первые несколько дней сайт партии посетило более 3 млн пользователей; сообщения о ней были опубликованы более чем в 500 англоязычных и 600 испаноязычных СМИ. Поддержку партии выразили многие потенциальные избиратели, в том числе, что особенно важно, более 3% мужского населения Швеции, впервые принимающего участие в выборах. Буквально за неделю было собрано 4725 виртуальных подписей (при том, что обязательным условием было предоставление личных данных), в течение месяца необходимое число подписей было собрано и на бумаге. 10 февраля 2006 г. все было готово для подачи заявки на участие в выборах. Интересно, что членский взнос (5 шведских крон – примерно 22 рубля) можно было внести с помощью SMS. Значительный вклад в популяризацию партии и ее политической концепции за пределами Швеции сделал сайт Slasilot.

В дальнейшем партия должна была собрать средства на избирательную кампанию (с этой целью была организована кампания по сбору 1 миллион крон пожертвований – около 4 млн 400 тыс. рублей), выдвинуть кандидатов в парламент, создать отделения во всех городах Швеции с населением более 50 тыс., купить бюллетени¹⁵ и т.д.

31 мая 2006 г. шведская полиция провела проверку серверов хостинга The Pirate Bay, дав партии повод для первого публичного выступления. 3 июня ПП организовала в Стокгольме и Гётеборге массовые акции протеста против действий полиции, впоследствии названные пиратскими демонстрациями. Кроме Партии пиратов в выступлениях участвовали молодежные организации Партии зеленых, Либеральной партии илевой партии. На несколько дней основной темой дискуссий в Швеции стала проблема авторского права и принципов распространения информации. После этого численность ПП выросла почти вдвое и составила около 4 тыс. человек.

Основными пунктами предвыборной платформы ПП стали право на свободную информацию и формирование правового государства.

На парламентских выборах 17 сентября 2006 г. Партия пиратов не преодолела проходного барьера, получив около 35 тыс. голосов (0,63%) и заняв 9 место (если бы партия набрала как минимум 1%, государство

---

¹⁵Если партия не зарегистрирована в Центральном избирательном управлении Швеции, она имеет право участвовать в выборах, заказав в ЦИУ бюллетени.

компенсировало бы ей затраты на печать бюллетеней, а в случае получения 2,5-процентной поддержки выделило бы средства на следующую избирательную кампанию).

После выборов деятельность партии активизировалась, в частности, было создано молодежное крыло (Ung Pirat – Молодые пираты), оказавшееся крупнейшей молодежной политической организацией Швеции (22 тыс. членов). В новой версии программы партии (2008) больше внимания уделялось демократизации общества, формированию свободного рынка, гражданского общества и реализации права на информационную приватность. Все это способствовало росту популярности ПП.

В феврале 2009 г. Партия пиратов активно поддержала владельцев хостинга The Pirate Bay, обвиненных в нарушении авторских прав на музыкальные произведения и подстрекательстве к противозаконным действиям других лиц и организаций. Четверо основателей и владельцев файлообменника (торрент-трекера) The Pirate Bay были приговорены к тюремному заключению и выплате материального ущерба на общую сумму 30 млн крон (3 млн евро)¹⁶. После начала процесса число членов партии превысило 10 тыс. человек, и вскоре ПП вошла в тройку крупнейших партий страны. Правда, затем ее численность уменьшилась.

На прошедших 4–7 июня 2009 г. выборах в Европарламент Пиратская партия набрала в Швеции 7,1% голосов, которые обеспечили ей одно депутатское место.

После подписания в ноябре 2009 г. «эрзац-конституции» Евросоюза – Лиссабонского договора – шведская Пиратская партия получила в Европарламенте второе место. Его заняла 22-летняя Амелия Андерсдоттер, став самым молодым депутатом Европарламента.

Основным электоратом партии являются интернет-пользователи, составляющие около 70% населения Швеции, в том числе студенты и пользователи пиринговых (децентрализованных) сетей. Большинство членов партии составляют мужчины в возрасте от 20 до 30 лет. Лидеры партии – Анна Троберг (переводчик, специалист по авторским правам), Кристиан Энгстрем, Фредрике Лантц, Бальдер Лингегорд, Мика Шёман, Йоаким Лундборг.

Кроме шведской Партии пиратов в европейских выборах 2009 г. участвовала также Пиратская партия Германии (лидер – Йенс Зайпенбуш), набравшая 0,9% голосов. На региональных выборах в Гессене (2008) она получила 0,3% голосов; на выборах в парламент земли Шлезвиг-Гольштейн (2009) – 1,8%; на выборах в Бундестаг 27 сентября 2009 г. – 2%.

---

¹⁶Один из обвиняемых, Питер Сунде, приговоренный к восьми годам тюремного заключения, но скрывавшийся от правосудия, был арестован только в 2014 г.

На тот момент партия была крупнейшей из не вошедших в парламент ФРГ. В июне 2009 г. свои услуги ей предложил вышедший из СДПГ депутат Бундестага Йорг Таусс, чье присутствие в партийных рядах и обеспечило «пиратам» место в немецком парламенте. Кроме того, 18 сентября 2011 г. Пиратская партия Германии набрала 8,9% голосов на выборах в городской парламент Берлина, получив в нем представительство.

Аналогичные партии имеются более чем в 30 странах. Официально зарегистрированы пиратские партии в Австрии, Болгарии, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Люксембурге, Нидерландах, Польше, США, Финляндии, Франции, Чехии, Швейцарии, Швеции. Активно действуют, но не зарегистрированы – в Австралии, Аргентине, Бельгии, Белоруссии, Бразилии, Ирландии, Италии, Казахстане, Канаде, на Кипре, в Португалии, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Турции, Уругвае, Украине, Чили, Эстонии. В России Пиратская партия официально не зарегистрирована – ввиду отказа со стороны Минюста. В ее группе в сети «ВКонтакте» (http://vk.com/pp_ru) зарегистрировано 14 тыс. человек (сайт партии закрыт или недоступен).

В 2006 г. пиратские партии объединились в Пиратский Интернационал (Pirate Parties International), зарегистрированный в октябре 2009 г. в качестве неправительственной организации (NGO) в Бельгии. PPI поддерживает и координирует создание национальных пиратских партий, а также осуществляют внутреннюю связь между ними.

Основная цель пиратских партий всего мира – реформирование законодательства в области авторского права и патентов. Как правило, в программах пиратских партий содержится пункт об усилении защиты приватности как в интернете, так и в повседневной жизни, а также о прозрачности государственного аппарата. В Европе они предпочитают выступать единым независимым блоком. Кроме того, пиратские партии не возражают против нетрадиционной сексуальной ориентации.

Своя интернет-партия была создана в 2010 г. на Украине. Ее лидер Д.А. Голубов еще в 2008 г. зарегистрировал Всеукраинскую общественную организацию «Интернет Парламент», а 26 марта 2010 г., учредил и возглавил Интернет-партию Украины. В ее программе отмечается: «Осознав перспективы Электронной Украины 21 века, Интернет партия Украины будет принимать активное участие в процессе формирования государства и общества нового времени – интерактивных компьютерных возможностей»¹⁷. 1 августа 2011 г. партия была официально зарегистрирована Министерством юстиции Украины, однако не смогла выполнить требование закона о создании необходимого количества отделений и 23 января 2013 г. была лишена регистрации.

---

¹⁷Программа Интернет-партии Украины (<http://ipu.com.ua/page/Programma>).

Интернет-партия Украины пыталась участвовать в президентской кампании 2014 г. Кандидатом от нее был выдвинут замглавы ИПУ Дарт Алексеевич Вейдер (в миру Виктор Алексеевич Шевченко, 1956 г.р., образование среднее, электромонтер, место работы – Национальный университет пищевых технологий, проживает в Киеве). 26 марта партия внесла в ЦИК избирательный залог в размере 2,5 млн гривен (7,5 млн руб.). ЦИК отказала кандидату от ИПУ в регистрации по причине недостоверности его декларации об имуществе, доходах и расходах за 2013 г., непредставления им документов о месте проведения съезда партии, его рекомендовавшего, и т.п. Кандидат, использовавший имя персонажа фильма «Звездные войны», постоянно скрывал лицо под «космическим шлемом», что не давало возможности его идентифицировать. Некоторые депутаты Верховной Рады Украины предположили, что данная шоу-акция имела целью дискредитировать президентскую кампанию.

Итак, в последнее десятилетие появился новый, неклассический (или постклассический), тип партий, еще не воспринятый политологией. Это флеш-партии и политические сетевые организации с неопределенной структурой. Они быстро собираются и распускаются, легко трансформируются и даже иногда участвуют в выборах (хотя пока таких случаев немного). Эти образования являются скорее группами информационного давления, нежели партиями в традиционном понимании. Неслучайно большинство интернет-партий или не зарегистрированы, или не могут зарегистрировать на выборах своих кандидатов.

Интернет-партии формируются в основном вокруг вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью, файлообменом, патентным правом и т.п. Многие члены этих партий придерживаются позиций инфоанархизма, игнорируют законы об авторских правах, выступают за отмену последних и абсолютную свободу интеллектуальной собственности и т.п.

В силу ряда причин интернет-партии не стали ни массовыми, ни сколько-нибудь признанными. Они выполняют иную функцию – субъектов современной инфополитики, которыми, в свою очередь, манипулируют лидеры и теневые спонсоры. Задачи таких партий – хаотизация и театрализация политического пространства, выполнение мягко артикулируемых указаний лидеров «общественного мнения». Примечательно, что попытки распространить нормы закона о СМИ на активных блоггеров, имеющих ежедневную аудиторию более тысячи пользователей и по сути являющихся средствами массовой информации, вызвали резкие возражения представителей интернет-партий.

1.3. Трансформация партийно-политической системы ФРГ: старые проблемы и новые вызовы

Центральное место в политической системе ФРГ наряду с канцлером занимают партии. Их роль ясно и недвусмысленно обозначена в Основном законе страны: «Партии содействуют формированию политической воли народа»¹⁸. Именно партии, избирая канцлера, депутатов Бундестага и глав земельных правительств, определяют направление внутренней и внешней политики. Поэтому изменения в партийной системе имеют огромное значение для Германии.

Выборы в Бундестаг 22 сентября 2013 г. стали своеобразным водоразделом в политической истории ФРГ. Не будет преувеличением сказать, что происходит переход от одной партийно-политической системы к другой, контуры которой только начинают обозначаться. Наша основная цель – дать ответ на вопрос, что послужило «спусковым крючком» данной трансформации и каковы черты новой партийной системы.

Методология исследования основана на концепции «всеядных партий» (catch-all-party). В качестве материала для сравнительного анализа деятельности партий ФРГ во время парламентской кампании 2013 г. выбраны положение партий до и после выборов, их отношения с электоратом, программные установки, особенности избирательной кампании, коалиционный менеджмент, перспективы дальнейшего развития.

Прежде чем перейти к анализу выборов в Бундестаг, необходимо сказать несколько слов о партийной системе ФРГ и ее избирательном законодательстве. Большинство исследователей полагает, что к настоящему времени в Германии сложилась система умеренного плюрализма, основу которой составляют пять политических сил: блок консерваторов (Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз), левоцентристская Социал-демократическая партия Германии, либеральная Свободная демократическая партия, либертарно-экологистский «Союз 90/Зеленые» и прокоммунистическая партия «Левые». Выборы в парламент осуществляются по смешанной, мажоритарно-пропорциональной, системе: половина депутатов избирается в одномандатных округах, другая по партийным спискам. Немецкая избирательная система имеет такую особенность, как «избыточные» мандаты: ««Избыточные» мандаты появляются в тех случаях, когда земельный список партии должен получить по результатам пропорционального распределения меньше мандатов, чем партия выиграла в одномандатных округах. В этом случае все выигранные в одномандатных округах мандаты остаются у победителей, а недостаток мандатов покрывается за счет увеличения числа депутатов в Бундестаге»¹⁹.

¹⁸Основной закон ФРГ. М., 2003 С. 9

¹⁹Любарев А. Сравнение германской и российской избирательных систем (http://e-notabene.ru/lr/article_10131.html).

1.3.1. ХДС/ХСС: победа «неустойчивого большинства»

Сентябрьские (2013) выборы в Бундестаг, без сомнения, стали триумфом для блока ХДС/ХСС и лично канцлера А. Меркель. После череды не слишком удачных избирательных кампаний христианские демократы сумели преодолеть кризис доверия и набрать «исторические» 41,5%. В последний раз партия демонстрировала такой результат в 1994 г. Чем же объясняется это достижение и насколько прочным его можно считать?

Своей победой ХДС/ХСС обязан в первую очередь Ангеле Меркель. «У успеха одно имя. Победа ХДС/ХСС на выборах в Бундестаг в необычайно высокой степени объясняется популярностью Ангелы Меркель», – резюмировал «Кёльнер Штадт Анцайгер»²⁰. И действительно, согласно социологическим опросам, действующий канцлер намного опережала по рейтингу своего основного оппонента Пеера Штайнбрюка (СДПГ) – ей отдавали предпочтение 50% граждан, в то время как кандидату от социал-демократов – лишь 27%²¹. Неслучайно один из лозунгов христианских демократов во время этой кампании прямо утверждал: «Второй голос – это голос за Меркель»²².

Секрет успеха канцлера кроется прежде всего в стиле управления – предельно прагматичном, надпартийном, гибком. «Ее председательский, кажущийся надпартийным стиль ярко проявился при поиске необходимого большинства (в парламенте. – *Прим. пер.*) в ходе кризиса еврозоны... Но как показали парламентские выборы 2013 г., большинство граждан приветствуют именно такой политический стиль, основанный на постоянной заботе»²³.

Другим фактором является хорошо организованная работа с общественностью и СМИ. Как отмечает Г. Ланггут, Меркель активно использует масс-медиа, в т.ч. интернет, для поддержания своего благоприятного имиджа²⁴. Даже скандалы вокруг членов ее кабинета Карла-Теодора цу Гуттенберга и Анетты Шаван²⁵ не повредили репутации канцлера. Некоторые политологи не без оснований окрестили ее «тефлоновой».

Далее, что очень важно, за время существования христианско-либе-

---

²⁰Kölnner Stadt Anzeiger. Der Erfolg trägt den Namen Merkel. 22.09.2013 (<http://www.ksta.de/bundestagswahl-2013/wahl-analyse-der-erfolg-traegt-den-namen-merkel,23500486,24404788,view,asTicker.html>).

²¹Umfrage Kanzlerwahl 50 Prozent für Merkel, 27 Prozent für Steinbrück (<http://www.finanzen.net/nachricht/aktien/Umfrage-c-50-Prozent-fuer-Merkel-27-Prozent-fuer-Steinbrueck-2669598>).

²²Листовка ХДС «Zweitstimme ist Merkel-Stimme» (http://www.cdu.de/sites/default/files/media/dokumente/flugbl_wahlrecht_090913_0.pdf).

²³Korte K-R., Switek N. Regierungsbilanz: Politikwechsel und Krisenentscheidungen // *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament*, 2013, № 63 (48-49). S. 8.

²⁴Langguth G. Angela Merkel. Biografie. München, 2007. S. 435.

²⁵Они были вынуждены были оставить свои посты после того, как их обвинили в плагиате.

ральной коалиции позиция ХДС по ряду вопросов подверглась существенному пересмотру, в том числе благодаря усилиям Меркель. Изменения коснулись в первую очередь трех ключевых для ФРГ проблем: атомной энергетики, рынка труда и мигрантов.

Как отмечает С. Погорельская, «атомная энергетика изначально, с момента своего возникновения, получала мощную политическую поддержку ХДС»²⁶. Именно христианские демократы были самыми стойкими противниками закрытия атомных электростанций. Однако после катастрофы на Фукусиме (2011) А. Меркель поменяла свою позицию на диаметрально противоположную, и в итоге «черно-желтая» коалиция приняла решение закрыть к 2022 г. все АЭС.

Отход от традиционной для консервативной партии программы проявился и в вопросе о минимальной заработной плате (Mindestlohn). До недавнего времени эта тема была визитной карточкой социал-демократов, но канцлер сумела перехватить у них инициативу, приняв решение о введении Mindestlohn²⁷.

Однако главным индикатором перемен в ХДС стала новая политика в отношении мигрантов. Если во времена Г. Коля консерваторы настаивали на ограничении миграции (особенно из мусульманских стран) и сохранении гомогенности немецкого общества, то в период канцлерства А. Меркель ситуация начала меняться. Игнорировать мнение 10,9 млн мигрантов и их потомков, многие из которых являются гражданами Германии и вносят немалый вклад в развитие экономики и науки, означает потерять их электоральную поддержку. Именно этим можно объяснить, почему даже такие консерваторы, как, например, Вольфганг Шойбле, заговорили о налаживании диалога с диаспорами²⁸.

Результаты подобного «переформатирования» представляются неоднозначными. С одной стороны, отказ ХДС от основополагающих консервативных установок чреват потерей традиционных избирателей: «Немало убежденных христианских демократов из так называемых старых земель, в первую очередь из тех, где преобладают католики, покинули партию, чтобы продемонстрировать свой протест по отношению к позиции канцлера в вопросах христианской составляющей ХДС»²⁹. Однако стремление

---

²⁶Погорельская С. Христианская партия для всех немцев (<http://expert.ru/expert/2012/37/hristianskaya-partiya-dlya-vseh-nemtsev>).

²⁷Закон о минимальной заработной плате был принят бундестагом 3 июля 2014 г. и должен вступить в силу в 2015 г.

²⁸Lau M. Die letzte Volkspartei. Angela Merkel und die Modernisierung der CDU. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2009. S. 133.

²⁹Погорельская С. Христианская партия для всех немцев (<http://expert.ru/expert/2012/37/hristianskaya-partiya-dlya-vseh-nemtsev>).

сохранить традиционные принципы и ценности любой ценой грозит еще большими потерями, поскольку доля консерваторов внутри ХДС не превышает 15–20%.

Парефразируя Л. Кэрролла, можно сказать, что христианским демократам придется кардинально пересмотреть свою политику по многим вопросам, чтобы сохранить за собой звание партии центра (Partei der Mitte), а для того, чтобы удержать власть, – «бежать вдвое быстрее». Пока Меркель и ее партии это вполне удастся. Как свидетельствует статистика, на прошедших выборах консерваторы сумели улучшить свои позиции среди рабочих, женщин и жителей Восточной Германии³⁰. Кроме того, блок ХДС/ХСС смог в целом сохранить поддержку в юго-западных регионах (Бавария, Рейнланд-Пфальц, Баден-Вюртемберг), традиционно являющихся оплотом консерваторов.

Нельзя также не учитывать достаточно благоприятную экономическую конъюнктуру (сокращение безработицы, экономический рост), которая в купе со стабилизацией еврозоны усилила позиции правящей партии.

Наконец, основные конкуренты ХДС/ХСС – СДПГ и «зеленые» – пребывают в затяжном кризисе и фактически не имеют альтернативной программы, что безусловно негативно отражается на их электоральных перспективах.

Указанные факторы и определили стратегию избирательной кампании ХДС/ХСС, стержнем которой стали ставка на популярность канцлера и отказ от серьезной дискуссии с оппонентами.

Вместе с тем положение христианских демократов остается шатким, поскольку нынешняя внутривнутриполитическая ситуация в корне отличается от 1980-х годов, когда консерваторы на любых выборах могли рассчитывать как минимум на 40%. Успех была достигнут за счет объединения вокруг ХДС/ХСС различных социальных слоев, интересы которых подчас противоположны друг другу. При этом у ХДС по-прежнему имеются проблемы в крупных городах. Как заметил генеральный секретарь ХДС Петер Таубер, в партии слишком мало женщин, молодежи и мигрантов³¹. От того, удастся ли ХДС/ХСС и А. Меркель сохранить баланс между разными странами, зависит результат консерваторов на следующих выборах. Кроме того, нужно учитывать такие факторы, как «текучесть» электората и снижение общей явки на выборы. Неясна также судьба основного союзника ХДС – Свободной демократической партии, не сумевшей на этот раз пройти в парламент. Впрочем, на ближайшее будущее проблема решена созданием «большой коалиции» с СДПГ.

---

³⁰Jung M., Schroth Y., Wolf A. Angela Merks Sieg in der Mitte // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament, 2013, № 63 (48-49). S. 18.

³¹TAZ. Pragmatischer Fundamentalist. 06.09.2014 (<http://www.taz.de/!145461>).

Гораздо большую опасность для христианских демократов представляет недавно образованная правопопулистская «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland), которая едва не преодолела 5-процентный барьер на выборах в Бундестаг, отняв у ХДС около 290 тыс. голосов. Таким образом, перед А. Меркель и генеральным секретарем ХДС Петером Таубером стоит достаточно сложная задача: не допустить дальнейшего усиления евроскептиков, избегнув при этом популистской риторики, на которую не скупятся лидеры «Альтернативы для Германии».

Однако главным для христианских демократов является вопрос, кто станет преемником Ангелы Меркель на посту лидера партии. Уход лидеров (Конрада Аденауэра и Гельмута Коля) в отсутствие достойной замены уже дважды ввергал ХДС в затяжной кризис. В качестве потенциальных преемников А. Меркель обычно называют министра обороны Урсулу фон дер Ляйн и премьер-министра земли Саар Аннегрет Крамп-Карренбауэр. Однако ни та ни другая пока не обладают ни популярностью Меркель в обществе, ни достаточным авторитетом внутри партии.

1.3.2. СДПГ: в поисках утраченной идентичности

Итоги выборов в Бундестаг 2013 г. еще раз подтвердили, что Социал-демократическая партия Германии находится в глубоком кризисе. И дело не столько в слабости избирательной кампании или в отсутствии ярких кандидатов (хотя и то и другое имело место), сколько в структурных изменениях, которые произошли в немецком обществе за последние 15–20 лет и к которым СДПГ была не готова.

Серьезные трансформации в экономике, в частности развитие сферы услуг и перевод производственных мощностей в развивающиеся страны, привели к сокращению рабочего класса в Западной Европе и США. Следствием этого стал глубокий кризис классической социал-демократии, вызвавший затяжные дискуссии внутри левых партий. «Бывшая социальная база их партий стала ассоциироваться с упадком, уходом в оборону и поражением, перестав служить надежным отправным пунктом...»³² Перед СДПГ, так же как и перед ее главным соперником ХДС, встала дилемма: сохранять ли верность принципам, лишаясь шансов на возвращение во власть, или пытаться идти в ногу со временем.

Нет ничего удивительного в том, что социал-демократические партии начали праветь. Появление новых лейбористов с их идеей «третьего пути», новых демократов в США в 1990-е гг. или «reformisti» в Италии было логичным ответом на вызов времени. В ФРГ попытку преодолеть кризис предпринял Г. Шрёдер, выдвинувший в 1998 г. концепцию «новой

---

³²Крауч К. Постдемократия / Пер. с англ. Эдельмана Н.В. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 86.

середины» (Neue Mitte), которая должна была привлечь на сторону партии малый и средний бизнес. Однако проводимые «красно-зеленой» коалицией неolibеральные реформы оттолкнули традиционных сторонников, в первую очередь профсоюзы, и в то же время не смогли привлечь новые группы избирателей. После отставки Г. Шрёдера с поста бундесканцлера в партии усилились разногласия между «модернизаторами» и «традиционалистами».

Новая программа СДПГ (2007), провозгласившая курс на построение «демократического социализма», не помогла ни определению стратегического курса, ни восстановлению единства партии. В ходе избирательной кампании 2013 г. социал-демократы не сумели найти тем, которые привлекли бы к ним симпатии граждан: «Все время прослеживалось стремление основательно раскритиковать европейскую политику Меркель, хотя с 1950-х гг. было известно, что партия, предлагающая серьезную альтернативную внешнеполитическую программу, не может выиграть выборы»³³. Более того, по многим вопросам (повышение пенсионного возраста, антикризисные меры) позиция СДПГ не сильно отличалась от той, которую занимали христианские демократы. «На деле, особенно после дрейфа при Шрёдере к «новой середине» и четырехлетнего правления «большой коалиции», – отмечает В.П. Иерусалимский, – линии ценностных и идейных расхождений и смыканий между партиями и внутри них гораздо более неопределенные, противоречивые, подчас с глубоким вторжением на «чужую территорию»³⁴. Это сделало профиль СДПГ неотчетливым и мало понятным рядовому избирателю и поэтому существенно уменьшило шансы социал-демократов на победу. Таким образом, главной проблемой партии, как и в случае с ХДС, стала необходимость выработки новой концепции, способной объединить различные группы населения.

Второй не менее сложной проблемой партии явилось отсутствие ярких политиков, пользующихся доверием однопартийцев и могущих бросить вызов действующему канцлеру. Это обстоятельство отчетливо проявилось в ходе избирательной кампании в Бундестаг и особенно в послевыборный период. Если А. Меркель поддерживали более 90% однопартийцев, то представителя СДПГ П. Штайнбрюка – лишь 60%. Причина такого отчуждения заключалась не в некомпетентности или недостаточном политическом опыте Штайнбрюка, а в существенных расхождениях между основной массой членов партии и ее лидерами по ряду важных вопросов: «Он (Штайнбрюк. – *Прим. пер.*) агитирует за то, что ему очевидно не

---

³³Tils R., Raschke J. Strategie zählt // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament, 2013, № 63 (48–49). S. 23.

³⁴Иерусалимский В.П. Правоцентристский сегмент партийно-политической системы ФРГ в процессе ее общей трансформации // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010, № 2. С. 4.

подходит. Его программа, нет, программа СДПГ представляет собой план создания государства, чье вмешательство будет сильнее, чем прежде...»³⁵

Не будет преувеличением сказать, что правому кандидату от СДПГ противостоял левый электорат партии. Напряженность в отношениях верхов и низов в СДПГ дала о себе знать и после выборов, когда партийное руководство вынесло на обсуждение вопрос о создании «большой коалиции» с ХДС/ХСС. «Принятие решения членами СДПГ становится непредсказуемым риском. По всей стране противники союза ХДС и СДПГ проводят мобилизацию. «Большая коалиция» может потерпеть поражение на старте из-за нескольких тысяч разъяренных «товарищей»»³⁶, – отмечал «Шпигель». Хотя в конечном итоге партийцы и одобрили создание «черно-красного» правительства, над социал-демократами по-прежнему дамокловым мечом висит проблема отсутствия харизматичных лидеров.

Третьей до сих пор нерешенной проблемой СДПГ является поиск новых союзников, которые помогли бы партии вернуть себе пост канцлера. Сложившийся в 1998 г. «красно-зеленый» альянс уже не способен завоевать парламентское большинство, поскольку «Союз 90/зеленые» постепенно сдает свои позиции. Неутешительные результаты выборов 2009 и 2013 гг. вынуждают некоторых лидеров СДПГ обратить взоры в сторону партии «Левые». Однако возможному созданию «красно-красно-зеленой» коалиции мешает ряд объективных обстоятельств. Во-первых, СДПГ и «Левым» придется искать консенсус по многим экономическим и социальным вопросам. Во-вторых, камнем преткновения в ходе возможных переговоров может стать отрицательное отношение сторонников Г. Гизи к НАТО и военным операциям бундесвера за границей.

Таким образом, в начале XXI века германская социал-демократия оказалась в состоянии глубокого кризиса, выхода из которого пока не видно.

1.3.3. СвДП: смерть демиурга

Если 2009-й был в ФРГ годом «малых» партий, то в 2013-м маятник качнулся в обратную сторону. По сравнению с предыдущими парламентскими выборами все три «малые» партии понесли существенные потери. Самой громкой сенсацией выборов-2013 стал провал Свободной демократической партии – одной из старейших партий страны, получившей прозвище «делательница королей». Если в 2009 г. партия сумела добиться рекордных 14%, то четырем годами позже она впервые в истории не смогла преодолеть 5-процентный барьер и пройти в парламент. В чем же причины упадка некогда могущественной либеральной партии?

---

³⁵Der Spiegel. Steinbrück. 2013, № 38. S. 32.

³⁶Der Spiegel. Der Basis – Effekt. 2013, № 48. S.20.

Прежде всего, своим успехом в 2009 г. свободные демократы были обязаны двум вещам: обещанию провести радикальную налоговую реформу в интересах бизнеса и поддержке части сторонников ХДС, разочаровавшихся в своей партии. Однако в условиях нарастающего экономического кризиса обещание снизить налоги было невыполнимо, и, разумеется, это вызвало массовое возмущение поверивших ему. Опрос социологического центра Infratest-Dimarp отчетливо зафиксировал недовольство избирателей руководством СвДП. Около 90% респондентов заявили: 1) «Партия много обещала, но почти ничего не выполнила из обещанного», 2) «Слишком сильно заботится об интересах определенных групп», 3) «За последние годы ничего не достигла»³⁷. Нужно также учесть, что сторонники СвДП весьма прохладно отнеслись к политике христианско-либеральной коалиции по спасению еврозоны, т.е. к финансовой помощи пострадавшим от кризиса странам.

Невыполнение предвыборных обещаний и отсутствие свежих идей СвДП пыталась исправить путем радикальных кадровых перестановок. Вместо Г. Вестервелле председателем партии был избран Ф. Реслер. Однако ни ему, ни возглавившему избирательную кампанию СвДП Р. Брудерле не удалось предотвратить катастрофу.

И без того удручающее положение партии осложняется еще двумя обстоятельствами: ухудшением отношений с ХДС/ХСС, который в настоящее время все более склоняется к союзу с СДПГ или «зелеными», и появлением серьезного конкурента в лице «Альтернативы для Германии». Последняя вполне может стать альтернативой СвДП. В данном контексте будущее либералов выглядит довольно печальным³⁸.

1.3.4. «Союз 90/зеленые» и «Левые»: между стагнацией и модернизацией

Неудача «зеленых», набравших вместо ожидаемых 15% всего лишь 8,4%, можно объяснить множеством причин. Требование отказаться от ядерной энергетики, составлявшее основу идейного багажа экологистов, было «украдено» А. Меркель. Новых идей, способных мобилизовать электорат, у партийного руководства не нашлось. Предложение ввести «вегетарианский день» (отказ от продажи в ресторанах и барах мясных блюд), а также обвинения в адрес партийных лидеров в поддержке педофилии еще более уронили имидж партии в глазах избирателя. Как и СДПГ, «зеленым» необходимо серьезно обновить свою программу, а также методы работы с населением.

---

³⁷Dohms H.-R. Warum die FDP scheiterte? (<http://www.tagesschau.de/wahl/fdp820.html>).

³⁸Итоги выборов в Европарламент, на которых СвДП получила лишь 3,4%, в очередной раз подтверждают этот вывод.

Чуть в лучшем положении партия «Левые», которая, несмотря на потерю голосов, стала крупнейшей представительницей оппозиции в парламенте. Причина проста: у партии есть стабильный электорат на востоке страны, готовый проголосовать за нее при любой политической погоде.

1.3.5. «Альтернатива для Германии»: «калиф на час» или могильщик либералов?

«Альтернатива для Германии», получившая на выборах в Бундестаг 4,7%, буквально ворвалась в политическую жизнь ФРГ, спутав карты многим игрокам, а заодно заставив экспертов и журналистов изрядно поломать головы относительно причин своего неожиданного успеха. Какова же природа этой созданной буквально за несколько месяцев до выборов партии и насколько длинной будет ее политическая жизнь?

Триумф партии стоит на двух «китах»: острый экономический кризис, охвативший юг Евросоюза, и разочарование части избирателей в политике христианско-либеральной коалиции. Именно нежелание среднего класса оплачивать из своего кармана спасение Греции и других стран-банкротов, недовольство финансовой и миграционной политикой правительства вкупе с его неспособностью обратить внимание на консервативный электорат и вдохнули жизнь в «партию евроскептиков».

Кроме того, «Альтернатива для Германии», в отличие, скажем, от Партии пиратов, располагает достаточно привлекательной программой, в основу которой положены такие предложения, как выход страны из зоны евро и возвращение к национальной валюте, ужесточение миграционной политики, экономический либерализм. Все это делает партию весьма опасным конкурентом не только для СвДП, но и для ХДС/ХСС. Неудивительно поэтому, что после успехов евроскептиков на выборах в ландтаги Саксонии и Тюрингии³⁹ снисходительное отношение христианских демократов к политическим новичкам сменилось замешательством и даже тревогой.

1.3.6. Партийная система ФРГ: quo vadis?

Исходя из описанной картины, можно сделать следующие выводы.

В новой политической истории Германии начинается третий по счету цикл. Первый, охватывающий период с 1949 по 1982 г., характеризовался соперничеством между ХДС/ХСС и СДПГ, исход которого зачастую решали свободные демократы (система «двух с половиной партий»). Второй (1982–2005) был отмечен противостоянием двух лагерей – ХДС/ХСС/СвДП и СДПГ/«Зеленые».

Прежде всего, в новой партийной системе может увеличиться число

---

³⁹На этих выборах «Альтернатива для Германии» получила соответственно 9,7 и 10%.

партий, представленных в Бундестаге, – в этом плане весьма показателен прорыв «Альтернативы для Германии». В то же время не следует ожидать резкого усиления радикальных партий обоютого толка. Успехи Национального фронта во Франции, «СИРИЗЫ» в Греции, Партии независимости в Великобритании вызваны в первую очередь экономическим спадом, ростом безработицы, неспособностью правящих элит удержать контроль над ситуацией. По сравнению с погрязшей в кризисе южной частью еврозоны Германия являет собой образец стабильности: экономика развивается, а А. Меркель сохраняет популярность.

Вместе с тем наблюдается постепенный пересмотр традиционных союзов и соглашений. Этому способствует сглаживание различий между партиями и невозможность прийти к власти в рамках «традиционных» коалиций. Однако складывающиеся союзы, скорее всего, будут неустойчивы и краткосрочны. Если для предыдущих периодов было характерно достаточно длительное существование коалиций («социал-либеральная» коалиция 1969–82 гг., коалиция ХДС/ХСС и СвДП 1982–1998 гг.), то сейчас ситуация иная. Выборы 2005, 2009 и 2013 гг. неизменно приводили к обновлению правящей коалиции, и есть все основания полагать, что в 2017 г. будет то же самое. На это работает не только увеличение количества борющихся за власть партий, но и рост числа граждан, не имеющих устойчивых политических предпочтений, а также эволюционные процессы внутри самих партий.

Практически все партии обречены на внутреннюю модернизацию и, как следствие, изменение партийных программ. При этом основной водораздел будет проходить не по идеологической линии, а по организационной, касающейся методов реализации выбранной политики. Во многом этому способствует сложившийся внутри политического класса либерально-консервативный консенсус, предполагающий проведение (нео)либеральных реформ в социально-экономической сфере.

1.4. «Партии власти» на постсоветском пространстве: Россия и Казахстан

После распада Советского Союза практически во всех постсоветских странах прошел так называемый парад многопартийности. В частности, в Российской Федерации в начале 1990-х гг. действовало около 120 партий. Однако спустя десятилетие их количество значительно уменьшилось, и на политической арене ряда постсоветских государств, в том числе России и Казахстана, появились «партии власти».

Суть этого феномена заключается в том, что в законодательном процессе «партии власти» проводят решения правящей элиты, выполняя роль

«машины для голосования». Как отметил А. Дегтярев, хотя «партия власти» может вносить коррективы в правительственные законопроекты, участвовать в формировании правительства и контроле над ним она не может⁴⁰.

Развитие партийных систем Российской Федерации и Казахстана привлекает внимание политологов многих стран. В фокусе научного интереса находятся прежде всего обстоятельства создания и институционализации партий, их электоральная активность, становление определенного типа партийной системы, возникновение «партий власти» и др.⁴¹

Казахстанский политолог Д. Сатпаев, описывая политические процессы двух стран, заметил, что в некоторых отношениях, в том числе в области формирования многопартийности, они похожи как близнецы⁴². Близость и однонаправленность векторов развития этих процессов отмечают и российские исследователи⁴³.

Задачей данного исследования является сравнительный анализ становления, развития и перспектив «партий власти» в России и Казахстане в 2000-х гг. Эти государства имеют не только общее прошлое, но и схожие траектории партийного развития. Мы сделаем попытку выделить как общие тенденции, так и специфику институционализации «партий власти» в двух странах.

Начнем с российского случая. «Единая Россия» была создана в 2001 г. путем объединения двух противоборствовавших участников парламентских выборов 1999 г. – Межрегионального движения «Единство» и «Отечества – Всей России»⁴⁴. Соединение их в одну партию ознаменовало победу федерального центра. Благодаря патронажу президента, сделавшего ее элементом конструкции властной вертикали⁴⁵, «Единая Россия» и состоя-

---

⁴⁰Дегтярев А.А. Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998. С. 165.

⁴¹Bowyer A. Parliament and political parties in Kazakhstan. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008; Junisbai B. Democratic choice of Kazakhstan: A case study in economic liberalization, Intra-elite cleavage, and the political opposition // *Demokratizatsiya*. Washington, D.C., 2005. Vol. 13, N 3; Reuter O., Remington T. Dominant party regimes and the commitment problem: The Case of united Russia // *Comparative political studies*. Beverly Hills, Calif., 2009. Vol. 42, N 4; Smyth R. Building state capacity from the inside out: Parties of power and the success of the president's reform agenda in Russia // *Politics & Society*. Los Altos, Calif., 2002. Vol. 30, N 4.

⁴²Сатпаев Д. Пока президенты России и Казахстана запускают интеграционные проекты на постсоветском пространстве, их партийные фавориты наводят мосты в своем формате. М., 2008 (<http://www.zakon.kz/kazakhstan/60713-poka-prezidenty-rossii-i-kazakhstana.html>).

⁴³Макаренко Б. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // *Полития*, 2008, № 3; Фурман Д. Постсоветский политический режим Казахстана. М.: Огни, 2004; Фурман Д. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010.

⁴⁴Коргунок Ю. Уничтожение субъектности. «Единая Россия» как партийная организация: становление и инволюция // *Полития*, 2009, № 1. С. 124.

⁴⁵Становая Т. Что такое «партия власти» в России? РИА «Новости», 8 июня 2005 г. (<http://www.rian.ru/analytics/20050608/40488891.html>).

лась как «партия власти». Получив в 2003 г. конституционное большинство в Думе, «Единая Россия» стала самой крупной политической партией за всю современную историю РФ⁴⁶.

В январе 2010 г. один из основателей блока «Отечество – Вся Россия» Е. Примаков заявил: «Успех модернизации экономики в России во многом зависит от создания такой партийно-политической системы, которая помогала бы властям избегать ошибочных решений. Характерная черта такой системы – партийный плюрализм. Его нормальному развитию в России препятствуют два обстоятельства: жесткий контроль сверху, направляющий процессы партийного строительства, и административный ресурс, которым в несравнимо большей степени, чем другие партии, пользуется самая сильная из них, «Единая Россия»... Создание моноцентристской партийно-государственной системы даже при наличии на политическом поле многих партий блокирует демократический процесс»⁴⁷. Эта констатация четко описывает институциональную роль «Единой России» в российской партийной системе⁴⁸.

Крупнейшая партия Казахстана – «Нур Отан» – основана по инициативе президента Н. Назарбаева. Ее созданию предшествовало формирование партии «Отан», объединившей Партию национального единства Казахстана, Демократическую партию Казахстана, Либеральное движение Казахстана и движение «За Казахстан-2030». Это было сделано во избежание возможного «размывания» голосов между пропрезидентскими партиями в преддверии выборов главы государства 1999 г. («Отан» создавалась на базе республиканского общественного штаба в поддержку Н. Назарбаева). Партия изначально имела явные преимущества перед соперниками в виде организационного, материального, кадрового, интеллектуального, информационного и пр. ресурсов. В дальнейшем она была публично поддержана Н. Назарбаевым, который с 1991 г. не отдавал особого предпочтения ни одной из действовавших в стране политических структур. В 1999 г. он стал членом этой партии и ее председателем, после чего «Отан» приобрела статус «партии власти».

На выборах 1999 г. «Отан» серьезно опередила соперников по количеству полученных мандатов. Однако ее реальная институционализация началась с перерегистрации в соответствии с требованиями нового закона о политических партиях⁴⁹. Как отмечает И. Искаков, «ужесточение тре-

---

⁴⁶Кармазина Л. Сравнительный анализ институционализации партийных систем Казахстана и России. Часть 2 // Центральная Азия и Кавказ, 2009, № 1. С. 133.

⁴⁷Примаков Е. Россия перед выбором (http://nvsaratov.ru/nvgrubr/?ELEMENT_ID=1255).

⁴⁸Макаренко Б. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис, 2011, № 1. С. 54.

⁴⁹Он сохранил основные положения закона 1996 г., однако ввел ряд существенных

бований к структуре и численности партий преследовало цель изменить партийный ландшафт в сторону партий, действительно поддерживаемых населением»⁵⁰. Проведя глубокую ревизию своего состава, партия, несмотря на присоединение Народно-кооперативной партии Казахстана и Республиканской политической партии труда, потеряла в численности, однако стала более сплоченной. Успех был закреплен триумфальной победой на выборах 2004 г., в основе которой лежали три фактора: стабильное развитие государства, поддержка со стороны президента и достаточно эффективные действия предвыборного штаба⁵¹.

После того как Н. Назарбаев инициировал в 2006 г. укрупнение пропрезидентского блока, поддержка «Отан» властью сменилась патронажем. В единую партию кроме «Отан» вошли Республиканская партия «Асар», Аграрная партия Казахстана и Гражданская партия Казахстана. Обновленная структура была переименована в Народно-демократическую партию «Нур Отан», а ее численность достигла почти 1 млн человек (при численности населения страны в 15 млн). Включив в свою фракцию депутатов объединившихся партий, «Нур Отан» получила в парламенте конституционное большинство⁵².

Таким образом, в 2003–2004 гг. в обоих государствах обозначилась тенденция к формированию системы с «партией власти», в которой, несмотря на формальное наличие демократических процедур и конкуренции, одна и та же партия регулярно побеждает на выборах и доминирует во властных структурах.

Общим для развития многопартийности в Российской Федерации и Казахстане является также переход на пропорциональную систему на выборах в нижние палаты парламентов – Государственную Думу и Мажилис, утвержденный внесением изменений в закон о выборах депутатов Госдумы (2005) в России и конституционной реформой (2007) в Казахстане. Сходство подкрепляется установлением 7-процентного заградительного барьера и отменой порога явки. Также в обоих государствах было запрещено создание предвыборных блоков⁵³.

новаций: партия должна была насчитывать не менее 50 тыс. членов и иметь отделения во всех областях страны численностью не менее 700 человек каждое; суд получал право ликвидировать политическую партию, если она в течение десяти лет или двух парламентских кампаний подряд не принимала участия в выборах.

⁵⁰Искаков И. Электоральные процессы и особенности развития политических партий в Казахстане // Теория и практика общественного развития, 2011, № 3. С.231.

⁵¹Ашимбаев Д. Политические итоги парламентских выборов. ЦКТ «Репутация», 6 октября 2004 г. (<http://www.kazbio.info/?S=35>).

⁵²Кармазина Л. Сравнительный анализ институционализации партийных систем Казахстана и России. Часть 2 // Центральная Азия и Кавказ, 2009, № 1. С. 133.

⁵³Конституционный закон «О выборах в Республике Казахстан» от 28 сентября 1995 года

В Казахстане необходимость этих изменений объяснялась желанием усилить роль партий и повысить репрезентативность парламента (президент Казахстана обещал при этом, что «партия большинства» будет нести ответственность за действия правительства)⁵⁴, а в России – необходимостью развивать межпартийную конкуренцию и ограничить применение административного ресурса и влияние на кандидатов лоббистских группировок. Президент РФ заявил также, что депутаты-одномандатники не учитывают общенациональных интересов, ориентируясь на интересы своего округа⁵⁵.

В результате в обеих странах произошло существенное укрепление позиций «партий власти». В политической жизни Казахстана изменений в среднесрочной перспективе ожидать не приходится, поскольку, несмотря на формальное представительство в парламенте оппозиционных сил, их влияние на политический процесс невысоко. КНПК и «Ак Жол» не представляют угрозы для монополии доминирующей партии, и «Нур Отан» будет следовать прежнему курсу без учета их мнения.

Что касается России, то здесь также нет недостатка в системных препятствиях на пути развития многопартийности, в первую очередь это усиление президентских полномочий и отсутствие работающего механизма разделения властей. Введение пропорциональной системы на федеральном уровне и смешанной на уровне субъектов РФ уменьшило влияние региональных элит на законодательный процесс, доведя установление контроля центральной власти над ним до логического конца.

Можно констатировать, что в обоих случаях введение пропорциональной системы при формально заявленной цели способствовать развитию многопартийности исказило суть политических партий и избирательного процесса. Несмотря на официально продекларированное намерение демократизировать и модернизировать систему, оно привело к ужесточению цензов и усилению контроля над партийной конкуренцией.

Законодательные новации ознаменовали новый этап в развитии «партий власти» в России и Казахстане, институционализовав многопартийную систему с доминирующим актором. В обеих странах этот процесс имел свою специфику.

Конституционная реформа 2007 г. в Казахстане закрепила президентско-парламентскую форму правления. Была введена норма, в соответствии

№ 2464; Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ.

⁵⁴Официальный сайт Президента Республики Казахстан (http://www.akorda.kz/ru/page/page_memleket-basshysy-nursultan-nazarbaev-parlament-palatalarynyn-birleskenotyrysyn_1348723528).

⁵⁵Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 года (http://archive.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml).

с которой президент назначает премьер-министра только после консультаций с парламентскими фракциями и с согласия большинства депутатов; премьер-министр представляет «партию большинства», а правительство должно реализовывать ее программу. В России подобная законодательная норма отсутствует, и формальное правление ЕР обставлено иначе. На состоявшемся в апреле 2008 г. съезде «Единой России» в устав партии были внесены поправки, разводящие посты председателя партии и председателя ее Высшего совета, которые в то время совмещал Б. Грызлов, а также разрешавшие занимать пост председателя партии беспартийному (им стал В. Путин, несколько позже возглавивший правительство страны)⁵⁶.

Весьма важны для сравнительного анализа «партий власти» России и Казахстана их отношения с другими партиями.

Одни исследователи называют в качестве главного конкурента «Нур Отан» Общенациональную социал-демократическую партию (как олицетворение внепарламентского большинства), другие – Национально-демократическую партию, третьи же не исключают появления второй «партии власти»⁵⁷ (отношения НО с Демократической партией Казахстана «Ак Жол» и Коммунистической народной партией Казахстана считаются достаточно «мирными»).

Чтобы сгладить негативные последствия доминирования одного игрока, в 2007 г. при Мажилисе была учреждена Общественная палата, призванная давать рекомендации парламенту по рассматриваемым законопроектам. В нее были приглашены представители политических партий и общественных организаций, но практически все оппозиционные партии приглашение проигнорировали. По инициативе Общенациональной социал-демократической партии и под ее эгидой в противовес ОП была создана неформальная структура – народный парламент («Халык кенеси»), в который вошли представители партий, общественных объединений, НПО, профсоюзов и пр. Однако совместная работа оппозиционных организаций не задалась.

В России создание «Справедливой России» (октябрь 2006 г.) в некоторых кругах было воспринято как появление оппозиционной «партии власти»⁵⁸. Впрочем, спустя недолгое время всем стало ясно, что это не оппозиция, а сателлит «Единой России»⁵⁹. Единственной, на наш взгляд,

---

⁵⁶Морякова Т. Путин возглавит «Единую Россию» (<http://www.utro.ru/articles/2008/04/15/730941.shtml>).

⁵⁷Кармазина Л. Сравнительный анализ институционализации партийных систем Казахстана и России. Часть 2 // Центральная Азия и Кавказ, 2009, № 1. С. 136.

⁵⁸Справедливая Россия. Российская политическая партия (<http://lenta.ru/lib/14167480>).

⁵⁹Мартыанов В. Многопартийная партия власти // Неприкосновенный запас, 2007, № 3. С. 19.

оппозиционной партией в стране является КПРФ, однако и она не имеет возможности сколько-нибудь серьезно конкурировать с «партией власти».

Таким образом, рассматривая взаимоотношения «партий власти» РФ и РК с другими партиями, можно констатировать, что и там и здесь у них нет равных по силе оппонентов, но есть своеобразные симулякры оппозиции, не способные (и не желающие) реально противостоять доминирующей линии.

Характерной особенностью «Единой России» и «Нур Отан» является то, что, будучи опорой бюрократии, они нацелены главным образом на сохранение статус-кво, а не на развитие институтов.

Таким образом, можно отметить, что с начала 2000-х гг. в развитии партийных систем обоих государств возникло определенное сходство (в период после распада Советского Союза такового не наблюдалось). Как в России, так и в Казахстане реализована модель партийной системы с «партией власти», обладающей конституционным большинством и не имеющей серьезных конкурентов.

Однако если в Казахстане пропорциональная система на парламентских выборах исправно служит интересам власти и ее партии, то в России кампания 2011 г. оказалась для «Единой России» менее удачной: партия набрала всего 49,3% голосов и едва обеспечила себе простое большинство – 238 мест. Если падение популярности «Единой России» продолжится, то на следующих парламентских выборах она может не получить и этого. Перед лицом этой угрозы руководство страны вновь сделало ставку на одномандатников, вернув смешанную систему выборов в Госдуму. Как и в 2003 г., такой подход может обеспечить «Единой России» не только простое, но и конституционное большинство – независимо от результатов выборов по партийным спискам⁶⁰.

Особенности взаимоотношений исполнительной и законодательной властей оказывают существенное влияние на развитие политических партий и партийную конкуренцию. «Партия власти» в этих отношениях играет роль приводного механизма, обеспечивающего управление политическим процессом. Личная популярность президентов России и Казахстана не только способствовала укреплению властных институтов в целом, но и помогла «партиям власти» сохранить доминантное положение.

Роль президента как гаранта успеха «партии власти» очевидна. Однако если в Казахстане Н. Назарбаев является одновременно главой государства и лидером «Нур Отан», то в России сложилась традиция беспартийности президента. «Конституция не запрещает президенту быть членом какой-

---

⁶⁰Кому выгодна реформа избирательной системы? – Центр научной политической мысли и идеологии (<http://rusrand.ru/actuals/komu-vygodna-reforma-izbiratelnoj-sistemy>).

либо партии, но по духу того, что у нас сложилось в политической жизни, все-таки президент – это консолидирующая фигура для всех политических сил, для всех граждан страны», – заявил в свое время В. Путин⁶¹. Президенты России и Казахстана – харизматичные политические лидеры, а оказываемая ими поддержка – определяющий фактор в победе «партий власти» на выборах. Такой тандем выгоден как главам государств, так и партиям. Связка «лидер–партия» позволяет президентам проводить через законодательные органы свою политическую линию, экстраполируя на партии свой рейтинг.

Каковы перспективы «партий власти» России и Казахстана?

По данным Левада-центра, в 2013 г. «Единая Россия» заметно утратила популярность у населения. Число граждан, считавших «Единую Россию» реальной политической силой, снизилось с 74% в июле 2011 г. до 34% к июню 2013 г. За тот же период с 17 до 47% выросло число россиян, видящих в ЕР не более чем «марионеточную структуру, управляемую из Кремля». Относительное большинство (47%; в 2011 г. – 22%) считает, что партия неспособна на свежие идеи⁶².

Конечно, рейтинг – не абсолютный показатель перспектив партии, но его изменения все же указывают на некую тенденцию. На наш взгляд, российской «партии власти» будет непросто набирать более 50% голосов в следующем избирательном цикле. Нельзя также исключать появления конкурентоспособной структуры, каковой, например, может стать Общероссийский народный фронт (ОНФ). В мае 2011 г. В. Путин назвал целью этой организации формирование «широкой коалиции общественных сил для выработки и реализации долгосрочной программы развития общества». ОНФ создавался не на базе «Единой России», хоть и по инициативе ее председателя – В. Путина (тогда еще премьер-министра). Его пресс-секретарь Д. Песков тогда же отметил: «Это надпартийная [структура], это не на базе партии, это скорее вокруг Путина – автора этой идеи. Талантливые люди из других политических сил, общественных объединений, которые не имеют отношения к «Единой России», тоже должны иметь возможность принимать непосредственное участие в жизни страны, в руководстве страной. В рамках Народного фронта они смогут использовать тот властный инструментарий, который есть у «Единой России»»⁶³.

---

⁶¹Кречетников А. Лидер без партии: «царь», «символ» или «гарант»? (http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/05/120502_russia_parties_putin.shtml).

⁶²Левада-центр: «Единая Россия» – марионеточная структура (<http://www.baltinfo.ru/2013/07/09/Levada-tcentr-Edinaya-Rossiya-marionetochnaya-struktura-365815>).

⁶³Песков: Народный фронт задумывается как объединение «вокруг Путина» (<http://ria.ru/politics/20110506/371593502.html#14006912680933&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>).

Некоторые аналитики считают ОНФ клоном «Единой России», создаваемым В. Путиным на случай ее окончательной дискредитации⁶⁴. Однако превращение ОНФ в очередную «партию власти» пока представляется маловероятным. В частности, Т. Становая отмечает: «Во-первых, даже намеки на попытку построения на основе ОНФ новой партии спровоцирует быструю и необратимую эрозию «Единой России». А она обеспечивает власти большинство в парламенте. Может ли Кремль сейчас брать на себя такие риски и разрушать собственную «вертикаль»? Во-вторых, партия – относительно жесткая структура, требующая принятия программы, избрания лидеров, формирования аппарата и т. д. Кого звать в ОНФ в качестве первых лиц? Отбирать лучших из ЕР? Но какой же это будет пример для остальных лояльных единороссов, которые будут попросту «слиты» в угоду новым политическим запросам власти? Создание партии – слишком рискованный и опасный вариант для Кремля, при котором можно очень быстро разрушить уже имеющиеся ресурсы. А новые инструменты не обязательно окажутся более эффективными для управления политическим пространством. Да и ОНФ в такой ситуации рискует превратиться во вторую «Единую Россию» – со всеми вытекающими имиджевыми последствиями»⁶⁵.

Таким образом, очевидно, что российская «партия власти» постепенно утрачивает политическое значение. Если в середине 2000-х гг. можно было хотя бы надеяться, что «Единая Россия» когда-нибудь станет правящей партией и ее роль в проведении политического курса будет более определенной, то сегодня уже ясно, что эта мечта неосуществима.

Что касается перспектив «Нур Отан», то в партийной системе Казахстана серьезных сдвигов в обозримом будущем не предвидится. Поддерживая правительственные реформы, партия утрачивает право и возможность позиционироваться в качестве выразителя интересов всего народа. А это неизбежно ведет к значительному снижению общественной поддержки. Но при отсутствии реальной конкуренции «Нур Отан» и на следующих парламентских выборах без труда сохранит конституционное большинство в Мажилисе. Однако в условиях мирового экономического кризиса правительство рано или поздно будет вынуждено пойти на непопулярные реформы, следствием чего станет поляризация социальных интересов. И в такой ситуации «партии власти» будет сложно демонстрировать идейный плюрализм, чтобы удержать под контролем все сегменты электората.

---

⁶⁴Филин В. ОНФ. Клон «Единой России» 2.0 (часть 1) (http://communitarian.ru/publikacii/politika/onf_klon_edinoj_rossii_20_chast_1_18062013).

⁶⁵Становая Т. ОНФ: фантом новой партии власти (<http://www.imrussia.org/ru/politics/430-arpf-phantom-of-a-new-ruling-party>).

Соответственно, появятся и будут расти шансы на появление сильной оппозиционной партии, вооруженной лозунгами справедливости. Пока же, в условиях доминирования одной партии и практического отсутствия оппозиции, полемику с властями о справедливости ведут главным образом неправительственные организации.

1.5. Институциональные новации в партийной и избирательной системе Украины в 2012–2014 гг.

Для социумов, переживающих становление новых политических институтов, исключительно важны институциональные новации, в том числе в области партийного и избирательного законодательства. Сужая круг имеющихся альтернатив, институциональный выбор определяет «коридор» возможного развития. Не менее важно при этом, во-первых, кто является субъектом институционального выбора, а во-вторых, какой характер этот выбор придает политической конкуренции.

Опираясь на положения исторического неинституционализма, мы попытаемся проанализировать, как новации в партийной и избирательной системе повлияли на трансформацию политического режима Украины в 2010–2014 гг. Случай этой страны интересен помимо всего прочего тем, что выборы 2012 и 2014 г., проводимые в условиях одной и той же институциональной среды, но в совершенно разных политических условиях, привели к абсолютно несхожим результатам.

1.5.1. Общий политический контекст

На протяжении последних 15 лет украинский политический процесс представлял собой серию внутриэлитных пактов, каждый из которых, по замыслу, должен был способствовать переходу от «игры с нулевой суммой» к «борьбе по правилам». Однако постоянное стремление одной из сторон вернуться к статус-кво приводило к возобновлению конфликта и в итоге – к новому внутриэлитному соглашению. Получив власть, элитные группировки использовали для ее удержания как формальные, так и неформальные институты. Конституционная реформа 2004 г., ограничившая полномочия президента⁶⁶, не повлекла за собой ожидаемого рассредоточения власти между конкурирующими группировками. Правительство «большой коалиции» («Наша Украина» + Партия регионов) развалилось, после чего «бело-голубая» часть элиты начала монополизировать власть, шаг за шагом отбирая у президента значимые полномочия.

---

⁶⁶Реформа была результатом «пакетного соглашения», предусматривавшего проведение «третьего тура» президентских выборов 2004 г. в обмен на сокращение с января 2006 г. полномочий вновь избранного главы государства.

В сентябре 2010 г., через несколько месяцев после победы В. Януковича на президентских выборах, Конституционный суд страны отменил закон 2004 г. о политической реформе⁶⁷. Он вызывал раздражение и у предыдущего президента, однако В. Ющенко отменить его не мог – прежде всего из-за отсутствия общественной поддержки. Но В. Янукович, добившись формирования парламентской коалиции, а затем и коалиционного правительства во главе с Партией регионов, немедленно восстановил Конституцию 1996 г., заявив, что изменения 2004 г. вносились в Основной закон «поспешно, в угоду политическому моменту» и «были причинами постоянных конфликтов во власти»⁶⁸. Таким образом, Украина вновь стала президентализированной президентско-парламентской республикой, в которой парламент лишен права формировать правительство.

1.5.2. Общий институциональный контекст

Деятельность украинских политических партий долгое время регулировалась законами об общественных организациях. До определенного момента элита не видела в партиях сколько-нибудь важных субъектов политического процесса. Нормативная база, позволяющая партиям стать такими субъектами, формировалась крайне медленно.

Украинский закон о политических партиях был принят, как и в России, в 2001 г., однако накладывал на их деятельность гораздо меньше ограничений и не предоставлял им государственного финансирования. Причиной тому была невозможность установить выгодные доминирующему актору правила без согласия других участников игры – в силу отсутствия парламентского большинства. После того же, как в 2007 г. Конституционный суд страны отменил положение о необходимости сбора 10 тыс. подписей в поддержку создания партий⁶⁹, исчезли последние ограничения на их минимальную численность.

Полицентризм украинского политического режима не дал сложиться институциональным предпосылкам для возникновения доминирующей партии. Закон о партиях не способствовал также консолидации партийной системы и уменьшению числа политических партий, которых к 2014 г. стало 228 (табл. 1).

---

⁶⁷Рішення Конституційного Суду України от 30 вересня 2010 року № 20-рп/2010 // Офіційний веб-портал Верховної Ради України (<http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=v020p710-10>).

⁶⁸Звернення Президента України до народу 01.10.2010 // Президент України Віктор Янукович: офіційне Інтернет-представництво (<http://www.president.gov.ua/news/18335.html>).

⁶⁹Рішення Конституційного Суду України 12 червня 2007 року № 2-рп/2007 // Законодавство України: Офіційний веб-портал Верховної Ради України (<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v002p710-07>).

Таблица 1. Количество политических партий Украины в 1999–2014 гг.⁷⁰

Год	Количество политических партий
1999	40
2002	65
2006	126
2011	188
2012	202
2014	228

1.5.3. Реформа избирательной системы 2011 г. и результаты выборов 2012 г.

Другим направлением институциональных трансформаций в электоральной сфере стала реформа избирательной системы: в стране был осуществлен переход от смешанной несвязанной системы (пропорционально-мажоритарной системы относительного большинства) к пропорциональной.

Этот феномен следует рассматривать в контексте конституционной реформы 2004–2006 гг., которая была результатом неформальной сделки двух групп элиты, заключенной с многочисленными нарушениями действующего законодательства. Переход к выборам полностью по партийным спискам должен был способствовать развитию политической конкуренции и препятствовать концентрации административного ресурса в руках правящей элиты – считалось, что кандидаты-одномандатники подконтрольны прежде всего губернаторам, которые, в свою очередь, назначались президентом. После реформы 2006 г. правящая элита утратила контроль над округами, что позволило оппозиционной Партии регионов получить большинство мест в парламенте.

С избранием В. Януковича на президентский пост (2010) наметился поворот к ограничению политической конкуренции. В 2011 г. было принято решение о возвращении к смешанной несвязанной (мажоритарно-пропорциональной) системе, при которой одна половина Верховной Рады формировалась по партийным спискам, а другая избиралась в одномандатных округах. Свою роль в этом сыграло стремление Партии регионов компенсировать возможное уменьшение своего парламентского представительства за счет одномандатников (ситуация напоминала 2002 год, когда парламентское большинство также было сформировано благодаря депутатам, избранным по мажоритарной системе⁷¹).

⁷⁰Політичні партії // Державна реєстраційна служба України (<http://www.drsu.gov.ua/party>).

⁷¹Подробнее об этом на примере российских выборов см. Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис, 2005, № 1. С.

Оппозиция настаивала на внесении в законопроект ряда поправок. В частности, она добивалась, чтобы 300 депутатов избирались по пропорциональной системе, а 150 – по мажоритарной, а также требовала сохранить возможность создания избирательных блоков и снизить как минимум на 1% заградительный барьер. В целом же оппозиция выступала за сохранение прежнего закона о выборах, который «был проверен на выборах 2006–2007 гг. и был признан демократическим как в стране, так и международной общественностью» (Р. Князевич)⁷². Однако после согласительных процедур в специальной временной комиссии ее представители согласились голосовать за законопроект, аргументируя свое решение следующим образом: «Оппозиция оказалась перед ограниченным выбором: либо смешанная система с масштабными фальсификациями, как это планировала власть, либо закон, который дает обществу шанс на демократические выборы. Мы выбираем второй вариант» (Н. Мартыненко)⁷³.

При этом представители оппозиции подчеркивали, что смешанная система, включающая пропорциональную с закрытыми списками, – это «наихудший вариант, о котором можно было думать. Она сохранила унаследованные от предыдущей системы негативные стороны, коррупцию в партийных структурах. Она сохранила власть денег. Она фактически прекратила партийное строительство...»⁷⁴ (И. Заяц).

Из других важных новаций в избирательном законодательстве следует упомянуть запрет на создание избирательных блоков и повышение с 3 до 5% голосов порога прохождения партий в Верховную Раду. При формировании участковых избирательных комиссий Партия регионов активно вводила в них представителей малых партий, не являющихся реальными субъектами избирательного процесса, но поддерживающих правящую партию. Эти меры также были направлены на ограничение политической конкуренции и консолидацию партийной системы.

По итогам выборов 2012 г. Партия регионов получила 30% голосов по партийным спискам (72 депутатских места, или 16%). При этом в одномандатных округах она завоевала почти вдвое больше мандатов – 113. Кроме того, во фракцию Партии регионов вошли 22 самовыдвиженца (из 42), бывших на тот момент беспартийными или представлявших другие партии.

108–119; Любарев А.Е. Пропорциональная и смешанная избирательные системы на региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации: проблемы «сфабрированного большинства» // Вопросы права и политики, 2013, № 8. С. 65–118.

⁷²Стенограммы пленарных заседаний Верховной Рады Украины. Дев'ята сесія Верховної Ради України шостого скликання (вересень 2011 – січень 2012 року), засідання тридцять третє, 17 листопада 2011 року // Офіційний веб-портал Верховної Ради України (http://static.rada.gov.ua/zakon/skl6/9session/STENOGR/17111109_33.htm).

⁷³Там же.

⁷⁴Там же.

Всего во фракцию Партии регионов вошло 207 депутатов (46%). Оппозиционная партия «Батькивщина» получила 25% голосов по спискам (62 места) и вместе с одномандатниками сформировала фракцию из 101 депутата (22% мест в Верховной Раде; в 2013 г. фракция уменьшилась до 90 депутатов, т.е. до 20%)⁷⁵. Кроме того, в Верховную Раду прошли Коммунистическая партия, «УДАР» и «Свобода».

Итоги выборов укрепили позиции коалиции Партии регионов и Коммунистической партии Украины, созданной в Верховной Раде еще в 2010 г. и обеспечившей правящей элите «контрольный пакет» (что касается правительства, то де-факто оно сменилось сразу после президентских выборов, хотя Конституция в редакции 2004 г. предполагала отставку кабинета только после парламентской кампании). В противовес ей была сформирована неустойчивая оппозиционная коалиция «Батькивщины», «УДАРа» и «Свободы».

В целом представительство Партии регионов в парламенте оказалось очевидно завышенным, а оппозиции – наоборот, заниженным. Индекс диспропорциональности Рэя по сравнению с выборами 2007 г. вырос почти в три раза – с 2,28 до 6,4 (табл. 2).

Таблица 2. Соотношение голосов и депутатских мест, полученных партиями по итогам парламентских выборов 2012 г.⁷⁶

Политическая партия	Доля голосов, полученных по партийным спискам (%)	Доля мест в парламенте (%)
Партия регионов	30	46
Всеукраинское объединение «Батькивщина»	25,6	22
«УДАР (Украинский Демократический Альянс за Реформы) Виталия Кличко»	14	8,9
Коммунистическая партия Украины	13,2	7,1
Всеукраинское объединение «Свобода»	10,4	8,4

⁷⁵Составлено по: Народні депутати України // Офіційний веб-портал Верховної Ради України (http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/site2/p_deputat_list).

⁷⁶Відомості про підрахунок голосів виборців по загальнодержавному багатомандатному

Таким образом, Партия регионов полностью монополизировала политическое поле, не оставив оппозиции шансов на значимые посты. Институциональные новации закона о выборах депутатов Рады, инициированного в 2011 г. Партией регионов, полностью выполнили свою функцию, закрепив доминирование правящей партии.

Избирательный цикл 2010–2012 гг. стал переходным от многопартийности к системе с «протодоминирующей» партией. Важнейшее отличие от прежнего состояния заключалось в том, что впервые в парламенте доминировала не оппозиционная, а правящая партия (табл. 3). В результате парламент перестал ограничивать деятельность исполнительной власти.

Таблица 3. Доля голосов, полученных победителем парламентских выборов в 1994–2014 гг.⁷⁷

Год	Победившая партия	Доля голосов (%)
1994	Коммунистическая партия Украины (оппозиционная)	18,9
1998	Коммунистическая партия Украины (оппозиционная)	24,7
2002	Наша Украина (оппозиционная)	23,6
2006	Партия Регионов (оппозиционная)	32,1
2007	Партия регионов (оппозиционная)	34,4
2012	Партия регионов (правящая)	30
2014	Народный фронт / «Блок Порошенко» (правящая)	22,1 / 21,8

1.5.4. Трансформация избирательной и партийной систем в 2014 г.

После событий февраля 2014 г. актуализировался вопрос о трансформации избирательной и партийной системы. Будучи кандидатом в президенты, П. Порошенко обещал приложить все усилия, чтобы «провести в 2014 г. парламентские выборы исключительно на пропорциональной основе с открытыми списками»⁷⁸. Став президентом, он в августе 2014 г. распустил парламент с очевидной целью создать новое, пропрезидентское, парламентское большинство.

виборчому округу Вибори народних депутатів України 28 жовтня 2012 року // Центральна виборча комісія України (<http://cvk.gov.ua/pls/vnd2012/wp300ad94.html?PT001F01=900>); Народні депутати України // Офіційний веб-портал Верховної Ради України (http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/site2/p_deputat_list).

⁷⁷Составлено по данным Центральной избирательной комиссии Украины (<http://www.cvk.gov.ua>).

⁷⁸Жити по-новому! Передвиборна програма кандидата на пост Президента України Петра Порошенка // Центральна виборча комісія України (<http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2014/wp001>).

В ходе обсуждения в Раде нового избирательного закона предлагались разные варианты: возвращение к полной пропорциональности, изменение соотношения пропорциональной и мажоритарной частей избирательной системы, переход к пропорциональной системе с открытыми списками. Ни один из них не получил поддержки большинства. Преобразование избирательной системы, которое могло бы реально повысить конкурентность и легитимность выборов, не было реализовано. Выборы в Верховную Раду восьмого созыва проходили по той же схеме, что и в 2012 г. (смешанная несвязанная система с закрытыми списками).

При этом институциональные рамки партийной и избирательной систем остались практически неизменными. Законы о партиях и о выборах подверглись лишь технической правке.

Характерно, что почти сразу после победы на президентских выборах П. Порошенко воссоздал партию «Солидарность», долгое время существовавшую лишь формально. Партия была образована при его участии в 2000 г. и вошла в блок В. Ющенко «Наша Украина», после 2004 г. фактически бездействовала, не принимая участия в выборах. В августе 2014 г. она переименовалась в «Блок Порошенко», а ее председателем был избран Ю. Луценко⁷⁹.

Таким образом, дала о себе знать традиция наполнять пустые партийные «оболочки» представителями правящей элиты и превращать полученный продукт в претендента на роль «партии власти». После смены власти такая партия, как правило, утрачивает свой статус, целиком зависящий от патронажа главы государства⁸⁰. Новое название партии подчеркнуло, что это не институционализируемая политическая сила, а личная клиентела президента – наподобие «Нашей Украины» В. Ющенко и Партии регионов В. Януковича. Следует обратить внимание, что в названиях и многих других партий содержатся имена лидеров: партия «УДАР» Виталия Кличко, Партия Сергея Тигипко «Сильная Украина», «Радикальная партия Олега Ляшко» и др., что свидетельствует о низкой идеологической составляющей предвыборной борьбы.

Значимым событием, повлиявшим на парламентскую кампанию 2014 г., явился роспуск фракции КПУ в Верховной Раде, что существенно ограничило представительство партии в окружных избирательных комиссиях. Партия регионов в выборах не участвовала, однако ряд ее бывших лидеров в качестве беспартийных кандидатов вошли в список Оппозиционного блока, а С. Тигипко возглавил список «Сильной Украины» (кроме того, многие члены ПР баллотировались в качестве самовыдвиженцев в одномандатных округах).

---

⁷⁹Партия «Солидарность» приняла решение о переименовании в «Блок Петра Порошенко» (<http://interfax.com.ua/news/political/220197.html>).

⁸⁰Подтверждением этому являются политические биографии В. Пустовойтенко, В. Медведчука, В. Литвина и В. Януковича и истории возглавляемых ими партий: НДПУ, СДПУ(о) и Партии регионов Украины.

Среди других особенностей этой кампании, не связанных с институциональным дизайном, следует упомянуть образование Народного фронта во главе с А. Яценюком, в который вошли многие представители действующего кабинета министров и руководства Верховной Рады (ранее большинство из них принадлежали к «Батькивщине» Ю. Тимошенко), и, конечно, неучастие в выборах почти 4 млн избирателей в Донецкой и Луганской областях, а также в Крыму – регионах, многие годы служивших основной электоральной базой Партии регионов и Компартии.

По итогам парламентских выборов 2014 г. в Верховную Раду прошли шесть партий. При этом три из них еще полугодом ранее либо вообще не существовали (Народный фронт), либо существовали лишь на бумаге («Блок Петра Порошенко» и «Самопомощь»); в сумме они набрали почти 55% голосов⁸¹. Существенной особенностью выборов-2014 стало примерно равное количество голосов, полученное списками Народного фронта и «Блока Петра Порошенко», а также поражение КПУ и радикально-националистической «Свободы» О. Тягнибока⁸². Во второй раз в новой истории Украины парламентское большинство было сформировано не оппозицией, а правящей коалицией (Народный фронт, «Блок Петра Порошенко», «Самопомощь», «Батькивщина» и Радикальная партия Олега Ляшко; всего 344 депутата, т.е. конституционное большинство)⁸³.

По сравнению с предыдущими циклами ослабел электоральный раскол по регионам, а по сравнению с майскими президентскими выборами усилились протестные настроения: в пяти областях юго-востока страны победил Оппозиционный блок, еще в двух он занял второе место. В некоторых округах (например, в Мариуполе), число голосов, отданных за оппозицию, достигло 61%⁸⁴.

Выборы 2014 г. проходили в условиях фрагментации партийной системы. Резко возросло (по сравнению с 2012 г.) число участников выборов и доля голосов, отданных за партии, не прошедшие в парламент, что говорит о неконсолидированном характере партийной системы. О том же свидетельствует и существенное уменьшение числа партийных

---

⁸¹Відомості про підрахунок голосів виборців по загальнодержавному багатомандатному виборчому округу. Позачергові вибори народних депутатів України 26 жовтня 2014 року // Центральна виборча комісія України (<http://cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp300pt001f01=910.html>).

⁸²Отметим, что при прежнем, 3%-ном, электоральном пороге и «Свобода», и КПУ получили бы места по партийным спискам.

⁸³Офіційний веб-портал Верховної Ради України (<http://iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/5719.html>).

⁸⁴Відомості про підрахунок голосів виборців по загальнодержавному багатомандатному виборчому округу в межах округів регіону України. Донецька область. Позачергові вибори народних депутатів України 26 жовтня 2014 року // Центральна виборча комісія України (<http://cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp303pt001f01=910pf7171=199pid100=14.html>).

кандидатов-одномандатников. С другой стороны, значительно снизился индекс диспропорциональности Рэя, что говорит о более справедливой конвертации голосов в депутатские мандаты.

Эффективное число парламентских партий по формуле М. Лааксо и Р. Таагеперы⁸⁵ было максимальным за всю историю выборов начиная с 1998 г. Предыдущий максимум был достигнут в 2002 г. (табл. 4).

1.5.5. Результаты трансформации партийной системы (2012–2014 гг.)

В этот период партийная система Украины эволюционировала от многопартийности с протодоминирующей партией к фрагментированной многопартийности без доминирующей партии (табл. 5).

Таблица 4. Эффективное число парламентских партий на Украине⁸⁶

Год	Число
1998	4,01
2002	5,17
2006	3,41
2007	3,3
2012	3,55
2014	6,22

Партийная система, после выборов 2012 г. тяготевшая к консолидированности, вновь претерпела трансформацию: появился ряд новых важных игроков, а ряд прежних, напротив, утратил субъектность. Главную роль в этом сыграли институциональные новации 2011–2012 гг. и смена президента в 2014 г. В 2012–2014 гг. правящая элита Украины стремилась ограничить политическую конкуренцию методами институциональной инженерии, причем постоянно меняя правила игры. Последние пересматривались перед каждым выборами, а новый закон о выборах в Верховную Раду был принят менее чем за год до начала избирательной кампании.

Возврат в 2012 г. к смешанной системе лишил партии статуса исключительных субъектов политического процесса и создал нормативную базу для деятельности беспартийных и внефракционных депутатов. Кроме того, выборы 2007 г. показали, что в условиях неконсолидированной партийной системы полный переход на голосование по спискам ведет к усилению коррупционной составляющей в избирательном процессе и повышению «стоимости» депутатского мандата (неслучайно в Верховной Раде заседает много миллионов и даже несколько миллиардеров). Иными словами, пропорциональная система резко повышает значение партий-клиентел,

⁸⁵См., например, Laakso M., Taagepera R. «Effective number» of parties: a measure with application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12, № 1.

⁸⁶Рассчитано автором по формуле М. Лааксо–Р. Таагеперы.

Таблица 5. Характеристики избирательной и партийной систем Украины в 2007–2014 гг.

	2007	2012	2014
Количество мест в парламенте	450	450	450
Тип избирательной системы	Пропорциональная	Смешанная несвязанная (225+225)	Смешанная несвязанная (225+225)
Общее количество политических партий	128	188	228
Количество политических партий, принимавших участие в выборах	20	22	44
Количество политических партий, сформировавших фракции в парламенте	5	5	6
Число голосов, полученных победившей партией (%)	34,4	30	22,1
Число мест в парламенте, полученных победившей партией (%)	38,9	46	18,44 ⁸⁷
Число голосов, отданных за партии, не прошедшие в парламент (%)	11,4	6,9	22,5
Конкурентность в одномандатных округах (среднее количество кандидатов на 1 мандат)	0	11,8	14,8
Доля кандидатов в одномандатных округах, выдвинутых политическими партиями (%)	0	56,6	39,2
Проходной барьер (%)	3	5	5
Эффективное число парламентских политических партий	3,3	3,55	6,22
Индекс диспропорциональности Рэя	2,28	6,4	3,75

⁸⁷Имеется в виду Народный фронт, набравший больше всех голосов по пропорциональной системе. «Блок Порошенко», занявший второе место на выборах по партийным спискам, сформировал тем не менее крупнейшую фракцию – 32,2% от общего количества мест.

не имеющих собственной субъектности. Важный статус таких партий в сочетании с известным качеством их «содержимого» очень плохо соответствует принципам демократической конкуренции.

Украинской правящей элите так и не удалось создать систему с доминирующей партией по типу российской, и помешал этому не мифический «демократизм» властной элиты, а ее сильная фрагментированность и глубокие размежевания в украинском обществе (в том числе по региональному признаку), которые невозможно отменить политическими решениями. Именно поэтому власти приходится договариваться с другими участниками политического процесса (чаще всего неформально), что препятствует установлению политического моноцентризма.

1.5.6. Заключение

В 2012–2014 гг. избирательная система Украины не претерпела существенных изменений, менялась только политическая ситуация. Трансформация режима и ослабление административного давления при сохранении прежней электоральной формулы привели к более адекватной конвертации голосов в депутатские мандаты.

Консолидация партийной системы в 2010–12 гг., в результате которой на доминирующие позиции выдвинулась коалиция Партии регионов и Компартии, была прервана в результате событий 2014 г. и радикального переструктурирования партийного спектра. В результате партийная система стала более конкурентной, конвертация голосов в мандаты – более адекватной; эффективное число парламентских партий возросло почти в два раза. С другой стороны, налицо тенденция к фрагментации и деинституционализации партийной системы и, как следствие, отказ кандидатов от партийной идентификации и рост числа «потерянных» голосов, т.е. отданных за не прошедшие в парламент партии.

Таким образом, можно констатировать, что партийная система Украины вступила в период новой нестабильности, который, не исключено, закончится новой трансформацией. Коалиционная политика партий в Верховной Раде может как способствовать, так и препятствовать консолидации партийной системы, а результаты всего этого могут быть самыми неожиданными – вплоть до роспуска парламента.

Шагом вперед к консолидации партийной системы могло бы стать введение пропорциональной системы с открытыми списками.

Наконец, серьезным фактором трансформации партийной системы остается ситуация в Донецкой и Луганской областях. В случае возвращения под контроль украинской власти территорий самопровозглашенных ДНР и ЛНР электоральная база ряда политических партий существенно увеличится.

РАЗДЕЛ 2.

Влияние партийной реформы на институт политических партий

Реформа 2012 г. и «контрреформа» 2014 г. имели своей целью «переформатирование» партийной системы страны. В данном разделе рассмотрены их результаты, а также предыстория, политический, институциональный и системный контекст.

В первой главе раздела анализируется эволюция выборов и партий как институтов в общем контексте режимной трансформации постсоветской России, во второй – изменения партийного и избирательного законодательства за последние 25 лет. Третья глава посвящена итогам партстроительства в «постреформенный» период (2012–2014). В четвертой представлена попытка классификации новых политических партий. Наконец, в пятой главе рассмотрена институциональная роль партий в РФ.

2.1. Изменение институтов выборов и партий в трансформационном контексте

Режимная трансформация – переход от автократии к демократии или, через состояние неопределенности, к автократии другого типа, – как правило, осуществляется посредством определенных формальных демократических процедур (учредительных выборов) и завершается системной институционализацией (в том числе через принятие конституции)⁸⁸.

В этой трансформации следует различать этапы либерализации, т.е. частичных изменений старой системы, и демократизации, т.е. введения новых институтов и консолидации демократии.

Постсоциалистические трансформации 1990-х гг. показали, что новые институты способны «портиться» – и в случае авторитарного рецидива превращаются в имитации, сохраняющие демократическую форму, но не содержание. Это в полной мере относится и к избирательной и партийной системам современной России.

Одной из особенностей постсоветского партогенеза является отсутствие четкой границы между этапами либерализации и демократизации.

Российская трансформация была порождена кризисом легитимности экономически неэффективной системы. В начальный, либерализационный, период импульсы изменений исходили от реформаторов внутри самой

---

⁸⁸См., например, Merkel W. Systemtransformation. Opladen, 1999; Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economical Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge, 1991.

КПСС. Возникновение общественных организаций и политических клубов играло здесь второстепенную роль.

Период демократизации в России оказался продолжительным, а нерешенность ключевых вопросов институционального выбора привела к жесткому силовому конфликту между ключевыми акторами. Выборы народных депутатов СССР (1989) и советов всех уровней (1990) институционализировали внутриэлитный раскол, однако не стали учредительными: политическая система не претерпела кардинального реформирования и продолжала сочетать как старые, так и новые институты. Размытость границы между этапами либерализации и демократизации стимулировала появление широких коалиций «демократизаторов» и «реставраторов», объединявших в своих составах представителей власти, протопартии и общественные движения.

После 1991 г. институциональные изменения новой российской государственности также осуществлялись непоследовательно. Не было внятного проекта преобразования партийной и избирательной системы, равно как и ясного представления о желаемом институциональном дизайне. Решения принимались *ad hoc* – в качестве ответа на внешние и внутренние вызовы – и в соответствии с уровнем компетентности законодателей. Со-существование институтов однопартийного государства, в первую очередь советов, с новоучрежденным институтом президентства сделало неизбежным конституционный конфликт 1993 г. и затормозило демократизацию, во многом предопределив последующий возврат к авторитаризму⁸⁹.

События сентября–октября 1993 г. привели к вынесению на референдум не вполне доработанного проекта Конституции, имевшего множество недостатков. Новый Основной закон закреплял за президентом максимум полномочий, в том числе принадлежащих к компетенции законодательной и судебной власти, и разрешал ему создавать неподконтрольные парламенту органы (администрация президента, Совет безопасности и др.). Как известно, институциональный выбор в пользу президентализма⁹⁰ «не способствует укреплению формальных демократических институтов и выводит процесс принятия решений в неконституционные органы, укрепляя неформальные сети»⁹¹.

В новой Конституции отсутствовали также понятие политических партий и определение основных параметров избирательной системы.

---

⁸⁹См. Шевцова Л. Посткоммунистическая Россия: логика трансформации и перспективы. М., 1995.

⁹⁰См. Luchterhandt O. Neue Regierungssysteme in Osteuropa und in der GUS. Berlin, 1996. S. 223–274.

⁹¹Merkel W. Demokratie in Ost und West. F/M, 1999. S. 375.

Для выборов в Государственную Думу была избрана смешанная (двойная несвязанная) избирательная система, сочетавшая недостатки мажоритарной и пропорциональной. С одной стороны, партии получили право участвовать в выборах, с другой, они долгое время действовали в «серой» правовой зоне, не являясь исключительными субъектами избирательного процесса. Смешанная несвязанная избирательная система стабилизировала партийную систему на федеральном уровне, сохранив при этом непартийный статус большинства кандидатов-одномандатников.

Мажоритарный характер президентализма предполагает формирование широких коалиций вокруг наиболее успешных кандидатов. В этих условиях партиям сложно сформулировать эффективную политическую стратегию – это под силу только исполнительной власти. Подобный тип электоральной формулы приводит при президентализме к «удвоению» эффекта Дюверже: избиратель ориентируется на победителя, а малые партии обречены всегда оставаться в меньшинстве. В результате ряд социальных страт и групп интересов оказываются не представленными в органах власти, а политики теряют стимулы к созданию новых партий. Это лишает политическую систему гибкости и способности быстро реагировать на внешние и внутренние вызовы.

Только со временем бюрократия увидела в партиях важный политический инструмент. В партийном строительстве начали участвовать представители не только законодательной, но и исполнительной власти. Изменился социальный состав партий, в политику пришли предприниматели, в том числе путем создания собственных проектов. Постепенно партии превратились в часть политической реальности, а их участие в выборах стало восприниматься как норма. Они не только обозначали идеологическую принадлежность кандидата, но и служили организационным ресурсом, позволявшим экономить на проведении избирательной кампании.

При этом в выборах участвовали как «настоящие» партии – с реальной организационной структурой и относительно массовым членством, – так и «фасадные» административные образования, созданные с целью укрепить позиции определенных элитных группировок или перехватить голоса у соперников (партии-спойлеры, от английского *to spoil* – «отравлять», «портить»). Пропорциональная система способствовала развитию и того и другого типа партий.

После принятия в 2001 г. закона о партиях⁹² и соответствующих изменений в избирательном законодательстве партии стали единственным субъектом избирательного процесса на федеральном и региональном уровнях. Однако постепенный отказ от конкурентности, выхолащивание

---

⁹²Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

демократических институтов, широкое использование административных партий как для самоорганизации элитных групп, так и для контроля за региональной элитой, последовательное ослабление оппозиционных партий привели к формированию системы, характерной для авторитарных режимов.

В период стабилизации режима – с конца первого президентского срока В. Путина (2004) до думских выборов 2011 г. – возможности оппозиционных политических партий существенно сузились. Часть из них потеряли партийный статус и превратились в неформальные объединения. Поскольку возможности создания новых партий блокировались, система законсервировалась и долгое время включала лишь семь партий – четыре парламентские и три непарламентские, причем всего две – КПРФ и «ЯБЛОКО» – можно было признать гражданскими в полном смысле. Вновь возникающие секторальные группы оставались без парламентского представительства, а политические объединения, которые в условиях демократии могли бы стать партиями, маргинализировались.

С другой стороны, активизировалось взаимодействие между оппозиционными гражданскими партиями и неформальными гражданскими инициативами, развивавшимися вне институционального поля⁹³. Одновременно давала знать о себе действующая вне каких-либо институциональных рамок радикальная несистемная оппозиция. Выборы утратили признаки конкурентности, превратившись в имитацию. Все это происходило на фоне режимных изменений, переводивших политическую систему страны в режим «ручного управления».

Массовые протесты зимы 2011–2012 гг. против фальсификаций на выборах завершили период «путинской стабильности», вынудив власть заняться разработкой новых проектов партийного и электорального законодательства. При этом оба направления политического проектирования оказались плохо согласованы друг с другом.

Переход от политики ограничения числа партий к минимализации институциональных требований к ним породил феномен «мелкопартийности»⁹⁴ и дал толчок распространению спойлерских практик. Так, сделались обыкновением продажи партий «под ключ» – для участия в выборах без

---

⁹³Под неформальными институтами в данном случае понимаются укоренившиеся вне официальных структур правила. Подробнее об этом см. Helmke, G. and Levitsky, S. *Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. Perspectives on Politics*, 2004, 2(4), P. 725–740.

⁹⁴См. Новые политические партии на старте первой сентябрьской избирательной кампании. Справочник-путеводитель (<http://www.votas.ru/putevod.htm>); Политические партии в Российской Федерации. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Министерство юстиции Российской Федерации. 2013 год (http://cikrf.ru/news/relevant/2013/05/29/sprav_pp.pdf).

сбора подписей. Все это имело целью сохранить преимущества доминирующей партии.

Реформа, ограничивающая гражданские права и свободы, осуществлялась в условиях практического единодушия всех фракций Госдумы. Их позиции стали почти неразличимы, парламентская оппозиция исчезла как вид.

В области избирательного законодательства произошел возврат к старой электоральной формуле – двойной несвязанной системе с 5-процентным проходным барьером. На региональных выборах минимальная доля мандатов, распределяемых по пропорциональной системе, снизилась с 50 до 25%. В Москве был сделан выбор в пользу мажоритарной системы, затрудняющей участие в выборах оппозиционных кандидатов, не имеющих достаточных ресурсов для сбора подписей в свою поддержку.

Консервативный откат 2013–2014 гг., усугубленный обострением украинского конфликта и введением санкций против российского руководства, обозначил курс на изоляцию страны, эскалацию борьбы против внешних и внутренних врагов, отмену ряда еще сохранившихся прав и свобод. К авторитарным характеристикам режима добавились стремление к контролю за всеми сферами жизни, раскручивание пропагандистской машины, преследование активных критиков режима, массовая мобилизация электората. Изменения коснулись также избирательной и партийной системы, был принят ряд новых ограничений.

Ряд депутатов призвал вообще отказаться от выборов. Поскольку выборы выполняют функцию легитимизации режима даже в автократиях, отказ от них означает окончательный переход к диктатуре и способен породить новый виток режимной трансформации.

2.2. Законодательство о выборах и партиях: четверть века метаний

Формирование институциональной среды, в которой действуют политические партии современной России, – прежде всего избирательного и партийного законодательства – проходило в несколько этапов.

В области избирательного законодательства постсоветская Россия двигалась от мажоритарной системы выборов к смешанной (двойной несвязанной, мажоритарно-пропорциональной), затем к пропорциональной и, наконец, возвратилась к смешанной несвязанной. Это касалось в первую очередь федеральных выборов, однако то же самое в общих чертах повторилось и на региональном уровне.

В области партийного законодательства этап минимального регулирования деятельности политических партий (1990-е гг.) сменился максимальным ужесточением требований (2001–2010), затем их новым ослаблением (2012–2013) и новой «подморозкой» (2013–2014).

У этих эволюций, выглядевших своего рода «законодательными метаниями», имелась, тем не менее, внутренняя логика⁹⁵.

История современных российских выборов берет начало в 1989 г., когда после 70-летней однопартийной диктатуры состоялись первые более-менее конкурентные выборы. Помимо 750 человек, делегированных на Съезд народных депутатов СССР общественными организациями, 1500 депутатов (646 из них – в РСФСР) в большинстве округов были избраны на альтернативной основе.

Выборы проводились по мажоритарной системе абсолютного большинства – в одномандатных территориальных и национально-территориальных округах. Кандидатов могли выдвигать трудовые коллективы, общественные организации и собрания избирателей. В действительности же в роли главных субъектов выдвижения выступали трудовые коллективы. Роль общественных организаций в этом процессе была невелика, а применительно к собраниям избирателей закон предусматривал столько ограничений, что воспользоваться этой возможностью удалось очень немногим.

Деятельность общественных организаций в тот период регулировалась Положением о добровольных обществах и союзах (1932), в соответствии с которым создавать подобные объединения можно было лишь для «активного участия в социалистическом строительстве» и «содействия укреплению обороны страны». При этом решение о целесообразности создания той или иной общественной организации принималось государством. Никаких легальных политических партий, кроме КПСС, в стране не было. Правда, к тому времени уже действовал провозгласивший себя оппозиционной партией Демократический союз, но он не был зарегистрирован и к тому же бойкотировал выборы.

Выдвинутые кандидаты проходили через фильтр окружных предвыборных собраний, решавших, кого включить в избирательный бюллетень. После этого число кандидатов значительно уменьшилось, количество безальтернативных округов выросло до 399, а конкуренция составила в среднем 1,9 кандидата на один мандат.

Проходившие год спустя, в 1990-м, выборы народных депутатов РСФСР и местных советов были более демократичными: процедура их проведения не предусматривала окружных предвыборных собраний и квот для общественных организаций. Безальтернативных округов оказалось всего 33 (из 1068), а средняя конкуренция составляла 6,3 кандидата на мандат.

---

⁹⁵Более подробно об истории выборов и партий с 1989 г. см. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М., 2007; Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. М., 2009; Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволуция. М., 2011.

Однако основным субъектом выдвижения кандидатов по-прежнему оставались трудовые коллективы. Легальных оппозиционных партий все еще не было: 6 статья Конституции СССР (о руководящей роли КПСС) была отменена только 15 марта 1990 г., то есть после первого тура выборов (4 марта).

Уже после выдвижения кандидаты объединялись в неформальные коалиции – блок общественно-патриотических движений России «За политику народного согласия и российского возрождения», блок «Демократическая Россия» и «блок ЦК КПСС», каждый из которых имел собственную предвыборную платформу⁹⁶.

Лишь 9 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об общественных объединениях», который легитимизировал свободное создание общественных объединений и заявительный порядок регистрации их уставов. Среди упомянутых в законе видов общественных объединений фигурировали политические партии и массовые общественно-политические движения, к которым, однако, предъявлялся ряд дополнительных требований. В частности, общесоюзные политические партии должны были насчитывать не менее 5 тыс. членов (применительно к общероссийским партиям эта норма не действовала). Вместе с тем избирательное законодательство не делало особых различий между партиями и иными общественными объединениями – во всяком случае, партии никаких преимуществ на выборах не имели.

В сентябре 1993 г. началась избирательная реформа, оформленная сначала рядом президентских указов, а затем законом «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» (1994) и законами о президентских и парламентских выборах (1995).

Авторам реформы, В. Шейнису и его единомышленникам, удалось убедить президента РФ Б. Ельцина, что введение пропорциональной системы будет способствовать успеху реформаторов. Однако они преследовали и более системные цели: превращение выборов в соревнование политических программ, преобладание на выборах общенациональной повестки, политическое структурирование парламента⁹⁷. В общем и целом эти цели были достигнуты.

Новым законодательством вводилась смешанная несвязанная система выборов в Государственную Думу: половина депутатов избиралась в

---

⁹⁶Подробнее об этом см. Любаров А.Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 98–103; Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России... С. 204–208.

⁹⁷Шейнис В.Л. взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). Том 2. М., 2005. С. 578–628.

одномандатных округах по системе относительного большинства, вторая половина – по пропорциональной системе в едином округе с закрытыми списками и 5%-ным заградительным барьером. Субъекты Федерации получили право самостоятельно определять избирательную систему для региональных выборов. Вплоть до 2003 г. на выборах этого уровня доминировала мажоритарная система относительного большинства⁹⁸.

Из избирательного процесса были исключены трудовые коллективы. Субъектами выдвижения стали избирательные объединения и блоки, а также группы избирателей; было закреплено и право граждан на самовыдвижение. Универсальным условием регистрации кандидатов и партийных списков стал сбор подписей избирателей.

После выборов 1993 г. Б.Ельцин разочаровался в пропорциональной системе и неоднократно пытался отказаться от нее либо хотя бы снизить долю избираемых по ней депутатов, в чем его полностью поддерживал Совет Федерации. Негативное отношение президентской администрации и глав регионов не позволило на тот момент внедрить пропорциональную систему на региональных выборах (исключение составили лишь отдельные субъекты РФ). Тем не менее Государственной Думе удалось отстоять смешанную систему с формулой 225:225 на выборах в нижнюю палату федерального парламента⁹⁹.

В 1994–1995 гг. в Госдуме первого созыва шла интенсивная работа над избирательным законодательством, однако основные положения избирательной реформы 1993 г. остались неизменными.

Более существенными были новации, касающиеся партийной системы. Если в 1993 г. избирательными объединениями считались только партии и политические движения, то уже в следующем году к числу таковых было отнесено любое общественное объединение, устав которого предусматривал выдвижение кандидатов на выборах и которое было зарегистрировано не позднее чем за шесть месяцев до объявления дня голосования. Таким образом, политические партии оказались в юридически ущемленном положении, поскольку к ним в соответствии с нормами закона СССР «Об общественных объединениях» предъявлялись повышенные требования, но при этом они не имели никаких дополнительных прав. Итогом подобного «либерализма» явилось участие в думских выборах 1995 г. 43 партийных списков (среди них были такие абсолютно неполитические образования,

---

⁹⁸Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб., 2006. С. 219–220.

⁹⁹Подробно об этом см. Гельман В.Я. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода. – Полис. 1997, № 4; Кынев А.Е., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволуция. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

как Союз работников жилищно-коммунального хозяйства), большинство из которых получило менее 1% голосов.

В конце 1995 г. Государственная Дума приняла закон о политических партиях, который, однако, был отклонен Советом Федерации и «завис» в неработающей согласительной комиссии¹⁰⁰.

Принятый в 1997 г. закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» дал новое определение избирательного объединения: «политическое общественное объединение (политическая партия, политическая организация, политическое движение), основными закрепленными в уставе целями которого являются: участие в политической жизни общества посредством влияния на формирование политической воли граждан, участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления посредством выдвижения кандидатов и организации их предвыборной агитации, участие в организации и деятельности указанных органов».

В 1998 г. в законе «Об общественных объединениях» (принят в 1995 г.) появилось понятие «политическое общественное объединение», которое определялось как «общественное объединение, в уставе которого в числе основных целей должны быть закреплены участие в политической жизни общества посредством влияния на формирование политической воли граждан, участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления посредством выдвижения кандидатов и организации их предвыборной агитации, участие в организации и деятельности указанных органов». После принятия этой поправки желающие участвовать в выборах должны были перерегистрировать свои уставы. В результате количество потенциальных избирательных объединений заметно сократилось.

В целом поправки, внесенные в 1997–1998 гг. в законодательство о выборах и в закон «Об общественных объединениях», сделали из политического общественного объединения некий аналог политической партии (в широком смысле), в то время как собственно партии так и не получили никаких преимуществ перед иными видами политических общественных объединений.

Оппозиционный характер Государственной Думы второго созыва способствовал улучшению избирательного законодательства. Депутаты, в первую очередь от КПРФ и «ЯБЛОКА», стремились ограничить применение на выборах административного ресурса. Во многом это стремление разделяла и президентская администрация, желавшая обуздать всевластие региональных руководителей. Неслучайно основные препоны на пути демократизации избирательного законодательства ставил в тот период Совет

---

¹⁰⁰Лапаева В.В. Право и многопартийность в современной России. М., 1999. С. 138–146.

Федерации, однако совместными усилиями его сопротивление удавалось преодолевать. Эта тенденция сохранялась и в первые годы президентства В.В. Путина, для которого перехват полномочий у региональных лидеров был одним из приоритетных направлений деятельности.

Коренной перелом в развитии партийного законодательства произошел после принятия в 2001 г. закона «О политических партиях», наделившего эти общественные объединения исключительным правом выдвигать кандидатов на федеральных и региональных выборах¹⁰¹. Партии могли быть только общероссийскими, они должны были иметь не менее 10 тыс. членов и отделения не менее чем в половине субъектов РФ. Устанавливался сложный бюрократический порядок регистрации партий. Все партии должны были создаваться заново – либо через проведение учредительного съезда, либо путем преобразования общественного объединения.

Вводилось также государственное финансирование политических партий. Начиная с 2004 г. каждая партия, набравшая на федеральных выборах не менее 3% голосов избирателей, получала фиксированные выплаты за каждый голос. Поначалу их размер был не очень велик – 50 коп., однако с 2006 г. он был увеличен до 5 руб., в 2009 г. – до 20 руб., в 2012-м – до 50 руб., с 2015 г. – до 110 руб. В итоге в настоящее время государственные субсидии составляют подавляющую часть бюджетов как четырех парламентских партий, так и РОДП «ЯБЛОКО», получившей на думских выборах 2011 г. 3,4% голосов¹⁰².

В ходе обсуждения закона высказывались опасения, что он позволит исполнительной власти ликвидировать нежелательные партии, затруднит появление новых политических игроков и что все это в итоге приведет к резкому сокращению общего числа субъектов политики, а следовательно, к монополизации политического пространства исполнительной властью. В первые годы действия закона эти опасения казались напрасными: так, в 2004 г. полный цикл регистрации прошли 46 партий.

В 2002 г. ряд важных изменений был внесен и в избирательное законодательство. По некоторым сведениям¹⁰³, В. Путин поначалу был сто-

---

¹⁰¹Положение вступило в силу через два года.

¹⁰²Подробнее о проблемах финансирования политических партий в России см. Коргунюк Ю.Г. Финансирование партий в постсоветской России: между бизнесом и властью. – Полития, 2010, № 3/4 (58/59); Korgunyuk Yu. Party funding in the Russian Federation: a tool of bureaucratic control // *Paying for Politics: political funding in South Africa and the global South*. Ed. by A. Butler. Johannesburg; Jacana, 2010; Korgunyuk Yu. Party Funding in the Russian Federation: Between Business and State. – *Transitions, Special issue «Le financement des partis politiques dans l'espace postcommuniste. Impacts sur les organisations et systèmes partisans*. 2012. Vol. 52. #1.

¹⁰³См. стенограмму общественных слушаний 26 сентября 2006 г. «Тенденции и противоречия в правоприменении Федерального закона «О политических партиях»» (<http://www.vibory.ru/ArxSobit/st260906-1.htm#Dubrovina>).

ронником мажоритарной системы, но затем его убедили, что при жестком партийном законодательстве пропорциональная система даст больше возможностей для контроля над политическим процессом. В итоге по предложению Б. Надеждина (СПС), которое поддержали как парламентские партии, так и президентская администрация, не менее половины мандатов на региональных выборах было решено распределять по пропорциональной системе.

Кроме того, полноценной альтернативой сбору подписей стал избирательный залог, введенный в 1999 г. в качестве факультативного варианта (начиная с 2004 г. парламентские партии были освобождены и от того и от другого). Было также отменено выдвижение кандидатов группами избирателей. Единственным вариантом для независимых претендентов на депутатский мандат осталось самовыдвижение.

В целом реформы 2001–2002 гг. не имели однонаправленного характера и в той или иной мере способствовали развитию политической конкуренции, особенно на региональном уровне. Однако после создания «Единой России» и вступления в нее большей части губернаторов ситуация стала меняться. После того как сильные региональные лидеры (Ю. Лужков в Москве, М. Шаймиев в Татарстане, М. Рахимов в Башкортостане, А. Тулеев в Кемеровской области) признали доминирующую роль федерального центра, для последнего отпала необходимость ограничивать применение на выборах административного ресурса. А когда «Единая Россия» (декабрь 2003 г.) получила большинство в Государственной Думе, исчезли всякие препятствия для законодательного ограничения политической конкуренции.

Уже в 2004–2005 гг. появился ряд законов, укладывающихся в эту тенденцию. В 2004 г. была в пять раз увеличена минимальная численность политических партий – с 10 до 50 тыс. человек, причем на выполнение этого требования был отведен всего год. В результате в полную силу раскрылся антидемократический потенциал закона о политических партиях. К середине 2007 г. число зарегистрированных партий сократилось до 15, к 2009 г. – до семи.

Ужесточение коснулось и избирательного законодательства. В 2004 г. были отменены губернаторские выборы, в 2005 г. выборы в Государственную Думу полностью переведены на пропорциональную систему, а заградительный барьер вырос до 7%. В дальнейшем к выборам исключительно по пропорциональной системе стали переходить отдельные регионы и даже муниципальные образования (вплоть до сельских поселений). Почти повсеместно заградительный барьер на выборах в региональные собрания повысился до 7%.

В 2005 г. были отменены избирательные блоки, непартийные обще-

ственные объединения лишились права направлять наблюдателей на избирательные участки, значительно ужесточились правила регистрации по подписям (в связи с чем резко возросла доля отказов), введены единые дни голосования (два раза в год – в марте и октябре).

В 2006 г. были отменены графа «против всех» и нижний порог явки, запрещены выдвижение членов одних партий по списку других и критика соперников в телеэфире, введены дополнительные ограничения пассивного избирательного права. В 2009 г. был отменен избирательный залог, а непартийные общественные объединения потеряли право выдвигать списки кандидатов на муниципальных выборах.

Вполне возможно, что ряд шагов, предпринятых в 2004–2005 гг., был обусловлен «проблемой-2008». Путин, не решившийся остаться в президентском кресле на третий срок подряд, тем не менее желал сохранить рычаги управления. Для этого ему нужно было усилить личный контроль за главами регионов и депутатским корпусом. Отсюда отмена губернаторских выборов и перевод думских выборов полностью на пропорциональную систему. Отмена голосования «против всех» и порога явки могли быть продиктованы преувеличенным опасением протестного поведения избирателей на президентских выборах, предстоявших в 2008 г.¹⁰⁴

Однако в любом случае эти решения вполне органично вписывались в логику централизации административного ресурса и построения властной вертикали: Путин видел противников не только в политической оппозиции, но и во вполне лояльных руководителях регионов, в случае если те, на его взгляд, проявляли слишком большую самостоятельность. Таким образом, отмена губернаторских выборов лишала глав субъектов Федерации главного источника легитимности, а распространение пропорциональной системы на выборы всех уровней давало президентской администрации дополнительные инструменты контроля над органами представительной власти в регионах и муниципалитетах.

Вместе с тем дальнейшее развитие событий показало, что централизация административного ресурса имеет некий предел, переход за который чреват нежелательными последствиями. После того как Путин возглавил «Единую Россию» (апрель 2008 г.), успехи партии на региональных выборах, обеспеченные в первую очередь форсированным применением административного ресурса, стали превращаться в дестабилизирующий фактор. На октябрьских региональных выборах 2009 г. ЛДПР и «Справедливая Россия» смогли провести депутатов лишь в одно заксобрание из трех, причем ни та ни другая не получила представительства в Московской

---

¹⁰⁴Бузин А.Ю., Любарев А.Е. Преступление без наказания: административные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 30–42.

городской думе. В знак протеста обе партии вместе с поддержавшей их КПРФ устроили демарш в Государственной Думе. На повестку дня встал вопрос о «стабилизации» партийной системы.

В 2010 г. начались «ослабления», улучшившие положение парламентских (и в какой-то степени непарламентских) партий. В частности, при формальном сохранении 7-процентного барьера появилась норма, обязывающая давать как минимум один мандат партиям, получившим больше 5% голосов.

Вместе с тем смешанная система продолжала внедряться на выборы все более низкого уровня: в 2011 г. требование избирать не менее половины депутатского корпуса по партийным спискам было распространено на муниципальные представительные органы не менее чем с 20 депутатами. В то же время тенденция к полному переводу региональных и муниципальных выборов на пропорциональную систему постепенно менялась на противоположную. В частности, в том же 2011 г. Конституционный суд РФ запретил использовать пропорциональную систему в небольших сельских поселениях.

Свою роль в отказе от повсеместного внедрения пропорциональной системы сыграло и обозначившееся в 2011 г. снижение электоральной поддержки «Единой России», обусловленное как последствиями экономического кризиса, так и психологической усталостью населения от длительного правления одной партии. Кроме того, многие из назначенных губернаторов, не пройдя через выборы, просто не умели эффективно применять административный ресурс. Определенную роль сыграли также отсутствие графы «против всех» и скудость выбора, оставленного избирателю, что создало благодатную почву для кампании «Голосуй за любую партию, кроме...». Дополнительным стимулом для реформы стало массовое протестное движение, порожденное масштабом злоупотреблений на выборах.

На все это власти надо было отреагировать. В итоге в 2012 г. минимальное число членов политической партии было снижено сразу до 500 человек¹⁰⁵. Одновременно все без исключения зарегистрированные партии были освобождены от сбора подписей избирателей. Были восстановлены губернаторские выборы, правда, с ограничениями (муниципальный «фильтр» и почти повсеместный отказ от самовыдвижения), которые существенно снижали шансы оппозиционных кандидатов попасть в бюллетень для голосования.

В 2013 г. президент внес законопроект, возвращающий на выборах в Государственную Думу смешанную несвязанную систему с 5-процентным-

---

¹⁰⁵К этому времени планка численности политических партий уже была снижена с 50 до 40 тыс., что не оказало никакого влияния на партийную систему.

ным барьером, а группа членов Совета Федерации во главе с председателем СФ – законопроект о возвращении голосования «против всех». В 2014 г. оба закона были приняты, правда, графа «против всех» вернулась только на муниципальные выборы, только с 2015 г. и только в тех субъектах РФ, где на это согласятся региональные законодатели.

Реформа 2012 г. привела к появлению новых сильных игроков и снижению административной управляемости выборами, однако оказалась весьма непоследовательной.

Падение популярности «Единой России» удалось остановить – в том числе за счет перехвата властью «левопатриотической» политической повестки (запрет на усыновление американцами российских детей, присоединение Крыма, неприятие всего исходящего от Запада), протестное движение пошло на спад, а парламентская оппозиция, напуганная приходом новых, зачастую гораздо более радикальных, игроков, стала еще более послушной. Поэтому у власти возникло желание скорректировать некоторые положения реформы, что она и сделала, пойдя в одних вопросах (ограничение числа партий, участвующих в выборах; резкое увеличение госфинансирования) навстречу парламентским партиям, а в других (отмена пропорциональной системы в крупных городах) заботясь исключительно об интересах «Единой России».

Еще раньше, в качестве ответа на волну протестной активности, был принят ряд законов, ограничивающих деятельность некоммерческих организаций и свободу проведения митингов. В 2012 г. в избирательном законодательстве появились новые ограничения пассивного избирательного права, а два единых дня голосования были заменены одним, в сентябре – в расчете на низкую явку.

В ноябре 2013 г. было решено отказаться от введенного всего двумя годами ранее обязательного использования пропорциональной системы на муниципальных выборах. Москве и Санкт-Петербургу было разрешено полностью отказаться от голосования по партийным спискам; для других регионов минимальная доля депутатов, избираемых по пропорциональной системе, была снижена с половины до четверти.

В 2014 г. законодатели отменили и введенное в 2012-м освобождение партий от сбора подписей. При этом число партий-«льготников» по сравнению с 2004–2011 гг. несколько увеличилось: на выборах в Госдуму – до 12, в большинстве регионов и муниципалитетов – до 5 (к четырем парламентским партиям добавилось «ЯБЛОКО»), а в отдельных местах – до 6–8, за счет ряда других партий¹⁰⁶.

---

¹⁰⁶Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: от партизации к персонализации. М., 2014. С. 6–10.

Таким образом, нестабильность избирательного законодательства приобрела новое качество: изменения коснулись правил, действовавших всего два года, то есть только половину электорального цикла.

Очевидно, что, если политическая ситуация будет меняться, уже в ближайшем будущем избирательное и партийное законодательство подвергнется новым переделкам.

2.3. Партийное строительство в 2012–2014 гг.

Реформа 2012 г. привела к резкому подъему партийного строительства – четвертому за последние 25 лет. Первый имел место в 1990 г., после отмены 6 статьи Конституции СССР, второй – в 1993 г., после введения смешанной системы на парламентских выборах; третий – в 2001–2003 гг., после принятия закона «О политических партиях»¹⁰⁷.

«Партийный бум» 2012 г. оказался самым интенсивным, чему способствовал ряд институциональных факторов.

Во-первых, в стране действовало всего семь партий, причем все три непарламентские (особенно «Правое дело») пребывали не в лучшем состоянии.

Во-вторых, партии занимали исключительное положение в избирательной системе. По пропорциональной системе избирались не только Государственная Дума и региональные парламенты, но и представительные органы крупных муниципальных образований. При этом списки на муниципальных выборах с 2009 г. могли выдвигать только партии.

В-третьих, кандидаты от партий, в том числе и новых, были освобождены от сбора подписей избирателей. В условиях, когда регистрация по подписям являлась для оппозиции практически непреодолимым препятствием, такая льгота превращала партии в поставщиков услуг по выдвижению кандидатов¹⁰⁸. Правда, впоследствии оказалось, что предложение на этом рынке значительно превышает спрос.

Еще одно отличие от периода 2001–2003 гг. заключалось в том, что в то время процесс партийного строительства был растянут. Закон о партиях

---

¹⁰⁷Подробнее о процессах партийного строительства в 1990-х и 2000-х гг. см. Коргунок Ю.Г. Современная российская многопартийность. М., 1999; Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М., 2007; Кынев А.В., Любарев А.Е. Выборы и партии в современной России: Эволюция и деволуция. М., 2011.

¹⁰⁸Любарев А.Е. Перспективы развития партийной системы в свете политических реформ 2012 г. // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Ю.Г. Коргунока и Г.М. Михалевой. М.: КМК, 2012. С. 131–138; Любарев А.Е. Проблемы законодательного регулирования участия политических партий в выборах // Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2012 г. / Под. ред. В.Д. Зорькина. М., 2013. С. 166–172.

приняли летом 2001 г., но положение об исключительном праве партий выдвигать кандидатов на федеральных и региональных выборах вступило в силу только через два года. Кроме того, на региональных выборах пропорциональная система сделалась обязательной только в 2003 г. Ближайшие выборы в Государственную Думу проходили тоже только в 2003-м. Поэтому создателям партий можно было особо не спешить.

На этот раз регистрацию необходимо было пройти уже к июлю 2012 г., чтобы успеть принять участие в едином дне голосования 14 октября. Те, кому это не удалось, стремились успеть к следующему, назначенному на март (в октябре 2012 г. был отменен, а единый день назначен на 8 сентября 2013 г.).

В итоге если в 2001–2003 гг. полный цикл регистрации смогли пройти 44 партии (половина из них преобразовалась из ранее существовавших объединений), то к началу июля 2013 г., через 15 месяцев после вступления поправок в силу, право участвовать в выборах имели 46 новых партий, через два года после реформы их число выросло до 59, а к началу избирательной кампании 2014 г. (4 июня) – до 61.

2.3.1. Этапы партийной регистрации

В соответствии с законодательством процесс создания и регистрации партии проходит в несколько этапов. На первом формируется оргкомитет по подготовке учредительного съезда (о чем уведомляется Минюст). Если партия создается путем преобразования общественного объединения, подготовку съезда осуществляет его руководящий орган. Учредительный или преобразовательный съезд должен быть проведен в течение года после уведомления.

Второй этап – проведение учредительного или преобразовательного съезда, собраний или конференций региональных отделений, подготовка документов для регистрации партии. На все это выделяется не более полугода.

Третий этап – подача документов в Министерство юстиции и их проверка, по результатам которой Минюст может либо отказать в регистрации, либо приостановить ее, дав время на устранение недостатков, либо зарегистрировать партию. В последнем случае документы направляются в Федеральную налоговую службу, которая вносит соответствующую запись в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ). На это отводится месяц.

Последний, четвертый, этап – регистрация региональных отделений партии не менее чем в половине субъектов РФ. На это дается полгода, не считая месяца, выделяемого на пересылку документов в Минюст. Если регистрация регионального отделения приостанавливается или отказ в

регистрации оспаривается в суде, срок продлевается. Если партия успевает зарегистрировать необходимое число региональных отделений, она становится полноценной партией и получает право участвовать в выборах – после этого ее уже так просто не ликвидировать. Если не успевает, то теряет регистрацию.

2.3.2. Партийное строительство в первой половине 2012 г.

Оживление партийного строительства наблюдалось уже во время прохождения соответствующего закона через Государственную Думу. О реформе было объявлено в президентском Послании Д.А. Медведева Федеральному Собранию 22 декабря 2011 г. На следующий день проект закона уже был внесен в Госдуму, 28 февраля 2012 г. принят в первом чтении, 20 марта – во втором, 23 марта – в третьем. 28 марта его одобрил Совет Федерации, а 2 апреля подписал президент.

Следует отметить, что попытки создания новых партий имели место и в 2005–11 гг.: только с мая по ноябрь 2011 г. учреждены 17 оргкомитетов. Однако получить регистрацию не удалось ни одной новой партии (правда, в 2009 г. было зарегистрировано «Правое дело», но его никак нельзя отнести к «новичкам»).

В декабре 2011 г. появилось еще четыре оргкомитета (из них два – после 22 декабря), в январе 2012 г. – шесть. «Вертикальный взлет» начался в феврале 2012 г. – за этот месяц было создано 34 оргкомитета, в марте – 52, в апреле – 70¹⁰⁹. Затем интенсивность появления оргкомитетов снизилась, так как у созданных позже не было шансов успеть к октябрьским выборам. Тем не менее в мае–июле 2012 г. был создан 61 оргкомитет, в августе–декабре – еще 57, а всего за 2012 г. – 280.

В отличие от создания оргкомитета, не требующего серьезных усилий, проведение учредительного съезда связано со значительными организационными и финансовыми издержками. Неудивительно, что большинство заявок на создание партии не преодолело стадию намерений. Из тех оргкомитетов, которые были созданы в 2012 г., съезды сумели провести не более ста, остальные прекратили «деятельность» по истечении годичного срока.

Случаев преобразования общественного объединения в партию было значительно меньше, регистрацию как партий получили только семь объединений: Российский общенародный союз (преобразовательный съезд прошел еще 17 декабря 2011 г.), Российская экологическая партия «Зеленые», «Коммунисты России», «Гражданская сила», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Демократическая правовая Россия» и «Отчизна» (две последние зарегистрированы уже в 2013 г.).

---

¹⁰⁹На самом деле, по-видимому, их было немного больше: информация о некоторых оргкомитетах, быстро прошедших съезды, оказалась недоступной.

Процесс регистрации партий (май–июль 2012 г.) поражал своей скоростью. В мае регистрацию получили 8 партий, в июне – 15, в июле – 6; итого 29¹¹⁰. Из них 19 в период с 5 по 16 июля получили право участия в выборах. С учетом семи «старых» партий и восстановленной РПР-ПАРНАС число потенциальных участников октябрьских выборов достигло 27.

После проведения съезда партия должна провести собрания или конференции региональных отделений и подготовить большой массив документов. На это требуется как минимум несколько дней, а в реальности около двух недель. После этого в течение месяца Минюст должен зарегистрировать партию. Однако были случаи, когда между съездом и внесением записи в ЕГРЮЛ проходило не более 20 дней: «Новая Россия» (12 дней), «Молодая Россия» (15), «Города России» (17), Партия свободных граждан (19), «Гражданская платформа» (19), Партия пенсионеров России (20)¹¹¹. Такое возможно только при крайне доброжелательном отношении со стороны Министерства юстиции.

Почти молниеносной была и регистрация региональных отделений ряда партий (территориальным органам Минюста на это тоже отведен месяц). У 9 партий между внесением записи в ЕГРЮЛ и получением права участия в выборах прошло меньше 30 дней: у «Умной России» – 19, у «Коммунистов России» – 22, у «Партии за справедливость!» – 23, у Аграрной партии России – 25, у РЭП «Зеленые» – 27, у Политической партии социальной защиты – 27, у «Молодой России» – 28, у «Новой России» – 29, у «Городов России» – 29.

В наиболее короткий срок дистанцию от проведения съезда до получения права участия в выборах прошла «Новая Россия» – всего за 41 день. У «Молодой России» этот показатель составил 43 дня, у «Городов России» – 46, у «Партии за справедливость!» – 51, у Партии пенсионеров России и Партии свободных граждан – 52, у Аграрной партии России – 53, у «Умной России» – 54. Впоследствии никто подобных рекордов уже не ставил: после сентября 2012 г. быстрее всех дистанцию прошли Российская партия садоводов (86 дней) и Казачья партия РФ (117), у остальных это заняло гораздо больше времени.

Что же за партии оказались самыми «шустрыми»? Шесть из них – Демократическая партия России, Народная партия России, Социал-демократическая партия России, Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС), «Союз горожан», Партия социальных сетей (впоследствии переименована в «Гражданскую позицию») – были созданы «Центром Андрея

---

¹¹⁰Дата регистрации фиксируется по внесению записи в ЕГРЮЛ.

¹¹¹Информация о датах проведения съезда и внесения записи о партии в ЕГРЮЛ взята с сайта Минюста (<http://minjust.ru/nko/gosreg/partii>).

Богданова», их принадлежность к одному пулу четко дала о себе знать на выборах 14 октября 2012 г. и 8 сентября 2013 г. Это ярко выраженные политтехнологические партии. Свойственные этому типу признаки – краткая и невятная программа, неизвестные лица в лидерах – наличествуют также у Партии свободных граждан и у Политической партии социальной защиты (подробнее о политтехнологических партиях см. в главе 4).

Пять партий были созданы на базе неполитических общественных объединений: Партия пенсионеров России (Союз пенсионеров России), «Города России» (Федеральный совет городов), «Новая Россия» (Союз «Чернобыль»), Аграрная партия России (АККОР), «Молодая Россия» (Ассоциация юристов России). Понятно, что создать партию с необходимым числом региональных отделений легче на базе уже имеющейся региональной сети. Важнее то, что эти общественные объединения имели и имеют явный провластный характер, а некоторые из них объявили о своем вхождении в Общероссийский народный фронт. Иными словами, это сателлиты «Единой России». К ним примыкает и «Умная Россия», созданная бывшим лидером движения «Наши». Неудивительно, что эти партии оказались рекорсменами по скорости регистрации.

Еще две партии можно отнести к спойлерам – «Коммунистов России» (спойлер КПРФ) и «Партию за справедливость!» (спойлер «Справедливой России»). Хотя создавшие их люди не скрывали собственных политических амбиций, власть оказывала им поддержку именно в расчете на спойлерские услуги.

Таким образом, из 19 партий, получивших к концу июля 2012 г. право участвовать в выборах, лишь три можно считать относительно самостоятельными – РЭП «Зеленые», «Альянс зеленых – Народная партия» и Народная партия «За женщин России».

Следует отметить, что многие из этих партий не отличались высокой электоральной активностью. Аграрная партия России вообще не участвовала в кампании 2012 г., да и в последующих была не особо активна. «Новая Россия» за три года выдвинула на выборах в заксобрания и представительные органы региональных центров всего один список и двух кандидатов-одномандатников, Партия свободных граждан – три списка и 14 кандидатов по мажоритарной системе. Не проявили особой активности также «Молодая Россия», «Умная Россия», «Города России», Политическая партия социальной защиты. В 2013 г. заметно снизила интенсивность деятельности Народная партия «За женщин России». Партии «богдановского пула» во многих регионах и городах выдвигали одинаковые списки «варягов» и почти не выставляли кандидатов в одномандатных округах. Наиболее активны были спойлеры – «Коммунисты России» и «Партия за справедливость!», – а также обе «зеленые» партии.

Кроме того, для данного этапа характерна тенденция восстановления ранее существовавших партий или использования их брендов. Так, прежними лидерами были восстановлены Демократическая партия России, РЭП «Зеленые», «Гражданская сила», Российский общенародный союз, Партия мира и единства (три последние были зарегистрированы в июне–июле, но право участвовать в выборах получили позже). В 2013 г. была восстановлена Партия возрождения России.

За некоторые бренды шла ожесточенная борьба. Возникло, в частности, сразу несколько оргкомитетов Аграрной партии России, победу среди которых одержал наиболее провластный. Партия пенсионеров России в скорости регистрации опередила Российскую партию пенсионеров за справедливость, созданную бывшим лидером Российской партии пенсионеров И. Зотовым. Популярностью пользовалось также название «Против всех». Проверенные бренды были взяты на вооружение Социал-демократической партией России, Народной партией России, отчасти Народной партией «За женщин России». Особенно же удачным оказалось использование аббревиатуры КПСС.

2.3.3. Партийное строительство с осени 2012 по июнь 2014 г.

В сентябре–декабре 2012 г. были зарегистрированы 17 партий, в январе–марте 2013 г. – 10, в апреле–июне 2013 г. – 11, в августе–декабре 2013 г. и в январе–июне 2014 г. – по 7, а всего с мая 2012 по июнь 2014 г. – 81. Из них 14 утратили статус, не сумев в установленный срок зарегистрировать региональные отделения.

С августа 2012 г. по май 2013 г. право участия в выборах получила 21 партия, в результате в выборах, назначенных в конце мая – начале июня, могли участвовать 48 партий. К 19 июня 2013 г. к ним прибавились еще 6 партий, и в выборах, назначенных после этой даты, могли участвовать 54 партии. За последующий год право участия в выборах получили еще 15 партий, и в кампании 2014 г. могли участвовать 69 партий.

Среди партий, получивших во второй половине 2012 – первой половине 2013 г. право участвовать в выборах, были такие претенденты на самостоятельную роль, как «Гражданская платформа», Российская партия пенсионеров за справедливость и «Родина», проявившие самую высокую среди новых партий электоральную активность и достигшие наибольших успехов на выборах 2013 г.

Первое время Минюст не сообщал об отказах в регистрации. В октябре 2012 г. выяснилось, что их получили шесть партий. К началу апреля 2013 г. число отказов, по нашим данным, достигло 16. Затем соотношение регистраций и отказов существенно изменилось: с апреля 2013 по октябрь 2014 г. было зарегистрировано 25 партий, 37 получили отказ.

Такой резкий перепад в пропорциях трудно объяснить чем-либо иным, кроме как изменением подхода власти к регистрации партий. Об этом же свидетельствует и увеличение сроков прохождения регистрации. Если для партий, зарегистрированных в 2012 г., среднее время от съезда до получения права участвовать в выборах составляло 100 дней, то для тех, кто получил право участвовать в выборах 2013 г., – уже 241.

О том, с какими проблемами сталкивались партии при регистрации региональных отделений, в марте 2013 г. писал лидер «Демократического выбора» В.С. Милов (у ДВ от проведения съезда до получения права участвовать в выборах прошло 312 дней): «Основная составляющая бодрания с региональными управлениями Минюста по регистрации региональных отделений – вовсе не внутренние документы отделения (протокол собрания, список членов партии), а некий внутренний минюстовский формуляр, который нужно заполнить для подачи заявления о регистрации, – так называемая «форма РН-0001». Это толстая пачка документов, которую нужно заполнить и частично нотариально заверить, и основные претензии обычно предъявляются именно к заполнению этой самой «формы РН-0001». Избежать этих претензий практически невозможно, поскольку, увы, у Минюста не существует единых требований к регионам по ее заполнению, и в разных регионах мы сталкивались с совершенно взаимоисключающими и противоположными требованиями – кто должен быть заявителем (местное лицо или представитель федерального руководства партии), заявление должно быть подписано председателем или исполнительным директором партии, как называть отделение – Вологодское региональное отделение политической партии «Демократический выбор» или региональное отделение политической партии «Демократический выбор» в Вологодской области. В разных регионах требовали все это сделать по-разному и отвечали: «Нас это не волнует» на отсылки к противоположным требованиям других регионов. Были постоянные нестыковки в требованиях о том, что нужно заверять нотариально, на Камчатке, например, с нас потребовали нотариально заверить всю стопку подаваемых документов. Кстати, когда нашу партию регистрировали прошлым летом – и тоже приостанавливали регистрацию из-за придинок – то большинство замечаний (4 из 7) были не к документам партии, а к той самой пресловутой «форме РН-0001»¹¹².

При этом в п. 2 ст. 18 федерального закона «О политических партиях» четко прописано: «Территориальный орган не вправе требовать от политической партии представления документов, не предусмотренных

---

¹¹²В. Милов. Про регистрацию региональных отделений партии «Демократический выбор». 11 марта 2013 г. (<http://demvybor.livejournal.com/481197.html> – режим доступа: 25.11.2014).

пунктом 1 настоящей статьи для государственной регистрации регионального отделения политической партии». Поскольку «форма РН-0001» в число этих документов не входит, получается, что Минюст игнорирует требования закона.

Отметим, что в июне–июле 2012 г. территориальные органы Минюста зарегистрировали не менее 800 региональных отделений партий – в среднем по 10 отделений на ТО, по три рабочих дня на регистрацию одного отделения. Понятно, что в тот период не было физической возможности тщательно проверять все документы, однако изменение подхода к регистрации нарушает конституционный принцип равенства перед законом.

Но дело не только в чисто бюрократических проблемах. Напомним, что среди партий, которые регистрировались в первые месяцы после реформы, преобладали провластные объединения. Оппозиционные партии в основной своей массе проходили подготовительные этапы медленнее и в результате попали в «волну придинок».

Примечателен список партий, получивших отказ в регистрации. Среди них есть организации с экзотическими названиями и малоизвестными лидерами (Нетократическая партия России, Метагалактическая гражданская конфедерация России), а также партии, названия которых дублируют названия уже зарегистрированных. Однако немало и таких, которые связаны с протестным движением и/или возглавляются известными оппозиционными политиками: «Народный альянс» (партия сторонников А.А. Навального)¹¹³, Партия 5 декабря (лидер – член Координационного совета оппозиции С.К. Давидис), Национально-демократическая партия (лидеры – члены Координационного совета оппозиции К.А. Крылов и В. Тор), «Новая сила», Пиратская партия России, «Свобода и народовластие» (лидер – бывший мэр Владивостока, бывший депутат Госдумы В.И. Черепков). До февраля 2014 г. не была зарегистрирована ни одна партия, напрямую связанная с Координационным советом оппозиции; в феврале 2014 г. зарегистрирована Партия прогресса, но она и на конец октября 2014 г. не получила права участвовать в выборах.

При этом регистрацию прошло немало партий, почти не участвующих в выборах (или не способных получить более 1% голосов) и не проявляющих какой-либо иной активности.

Еще в 2012 г. мы указывали на то, что широкие и нечетко сформулиро-

---

¹¹³После того как «Народному альянсу» дважды отказали в регистрации, партию возглавил сам А.А. Навальный, незадолго до этого получивший 28% голосов на выборах мэра Москвы. Однако Минюст оперативно удовлетворил просьбу партии «Родная страна» («богдановский пул») изменить ее название на «Народный альянс»; соответствующие документы, скорее всего, были оформлены задним числом. Сторонникам Навального пришлось заново собирать съезд и переименовываться в Партию прогресса.

ванные основания для отказа в регистрации создают широкие же возможности для произвола и дискриминации. В связи с этим мы прогнозировали, что значимым политическим проектам по-прежнему будут ставиться препоны¹¹⁴. Сегодня можно констатировать, что наш прогноз сбылся.

2.4. Классификация новых политических партий

В данной главе делается попытка классификации партий, зарегистрированных с мая 2012 по июнь 2014 г.¹¹⁵ Всего таких было 61.

2.4.1. Подходы к классификации

Любая классификация производится по определенным критериям. В отношении партий в качестве таковых обычно выступают численность, характер социальной базы, способы организации, представительство в системе власти, содержание программы и т.п. Но к новым российским партиям применение некоторых из этих критериев лишено смысла – прежде всего потому, что бо́льшая часть новых партий еще *не институционализировалась*¹¹⁶, то есть не приобрела устойчивого места в политической системе, новые партии, как правило, не слишком активно участвуют в выборах и еще реже добиваются на них успехов. Не вполне ясны также их социальная база и идеологическая ориентация.

Многие из появившихся в 2012–2014 гг. партий не имеют внятной идеологии. Часть из них носит очевидный политехнологический характер (то есть их создатели руководствовались прежде всего коммерческими целями), другие создавались как спойлеры либо дублиеры «партии власти». Во всех этих случаях идеологический критерий просто не к чему приложить.

Если партии не борются за власть, не ориентируются на электоральный успех, не стремятся к политической и институциональной самоидентификации, их трудно отнести к какому-либо идеологическому направлению.

В связи с этим было решено отказаться от традиционного деления партий по идеологическому признаку, а обратиться, в частности, к способу мобилизации электората, точнее, к тому, какого свойства этот способ:

---

¹¹⁴Любарев А.Е. Перспективы развития партийной системы в свете политических реформ 2012 г. // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Ю.Г. Коргунока и Г.М. Михайловой. М.: КМК, 2012. С. 131–138.

¹¹⁵Подробно о новых партиях см. Политические партии в Российской Федерации. 2014 год. Выпуск 3, июнь 2014 (<http://www.cikrf.ru/news/relevant/2014/06/05/polit-party-03.pdf>); Новые политические партии. Справочник-путеводитель. Выпуск 3. Июнь 2014 (<http://komitetgi.ru/upload/iblock/87a/87a6a0ac97c54d4cb16e7e4f491f1263.pdf>).

¹¹⁶Об институционализации партий см. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволуция. М., 2011. С. 34–38.

идеологического или иного (корпоративный, административный, персоналистский и т.п.). В соответствии с этим было выделено три типа партий: идеологические, корпоративно-лоббистские и политтехнологические.

При классификации учитывались следующие параметры: название партии, программа, лидеры, происхождение, наличие и содержательность интернет-сайта, участие в выборах.

Главная роль отводилась партийной программе. У идеологических партий она достаточно четкая, у корпоративно-лоббистских – расплывчатая и популистская, у политтехнологических – краткая и чаще всего невнятная.

Название партии имело меньшее значение.

Важную роль для классификации играла личность лидера (лидеров). Во главе идеологических партий стоят в основном известные политики. Корпоративно-лоббистские и политтехнологические проекты чаще всего возглавляются людьми, которые прежде политикой не занимались и своих кандидатур на выборах не выдвигали. Причем среди лидеров политтехнологических партий встречаются достаточно известные специалисты в области PR.

В отдельных случаях принималось во внимание происхождение партии. Так, ряд партий были созданы еще до реформы и в свое время получили отказ в регистрации. Этот факт расценивался как аргумент в пользу их «идеологичности». Значительная часть корпоративно-лоббистских партий была создана на базе неполитических общественных объединений.

У большинства политтехнологических партий на начальном этапе не было собственного сайта, что свидетельствовало об отсутствии у них потребности в массовом привлечении сторонников. Позднее некоторые из них завели сайты, но, как правило, редко обновляющиеся и малосодержательные.

Разумеется, есть партии, которые по разным критериям могут быть отнесены к разным типам. Эти случаи оговорены отдельно.

2.4.2. Идеологические партии

Идеологические партии можно разделить на четыре группы, три из них вполне традиционны – консервативно-патриотическая, левая и либеральная. Консервативно-патриотические партии делают акцент на защите нравственности и традиционных ценностей (в т.ч. религиозных); левые – на равенстве прав, расширении государственного сектора производства и собственности, социальной защите (обычно широкомасштабной); либералы – на снижении вмешательства государства в экономику, защите прав и свобод граждан. Четвертая группа – «проблемные» партии, или «партии одного вопроса». Их идеологии – это не столько логичные, законченные системы, сколько наборы идей, касающиеся узкой темы.

К консервативно-патриотическим отнесены восемь партий: Российский общенародный союз, Монархическая партия, Партия национальной безопасности России, «Родина», партия «Великое Отечество», «Национальный курс», Партия духовного преображения России, Народная партия «За женщин России». Последняя открыто подчеркивает в программе свою неоконсервативную ориентацию: «Мы привержены традиционным устоям, таким как праведность, духовность, семья, соборность, патриотизм»¹¹⁷.

Нередко в отдельную группу выделяют националистические партии, разделяя ее на три подгруппы: патриотов-государственников, радикальных националистов и национал-демократов¹¹⁸. Однако Минюст не зарегистрировал ни одной партии, которую можно назвать национал-демократической (Партия прогресса, имеющая ряд соответствующих признаков, на момент подготовки монографии к публикации не получила права участвовать в выборах), регистрация же радикально-националистических партий вообще маловероятна. Таким образом, в настоящее время на политической сцене присутствуют только патриоты-государственники, которых мы включили в более широкую группу консервативно-патриотических партий.

Девять партий отнесены к категории левых: «Коммунисты России», Партия мира и единства, «Рожденные в СССР», «Партия за справедливость!», Российская партия пенсионеров за справедливость, Российский объединенный трудовой фронт, Партия возрождения России, «Воля», Альянс зеленых и социал-демократов.

В либеральный пул включены шесть партий: «Демократический выбор», «Гражданская платформа», «Гражданская инициатива», «Гражданская сила», «Демократическая правовая Россия», «Достоинство».

К «партиям одного вопроса» отнесены пять партий: Российская экологическая партия «Зеленые», Российская партия народного управления, «Народ против коррупции», Партия налогоплательщиков России, Партия дела.

Таким образом, идеологическая группа включает 28 партий, три из которых не лишены также признаков политтехнологических проектов.

Так, «Гражданская сила» имеет четкую либеральную программу, но ее поведение на выборах носит выраженный политтехнологический характер. В частности, большинство выдвинутых ею в 2013 г. списков состояли из одних и тех же людей, не имевших отношения к регионам, в которых они баллотировались.

---

¹¹⁷Следует отметить также, что, по некоторым сведениям, большинство членов руководящего органа партии – Политбюро – составляют отнюдь не женщины, а мужчины. К сожалению, найти в открытом доступе списки членов ПБ так и не удалось.

¹¹⁸Верховский А.М., Струкова Е.Н. Партийное строительство на крайнем правом фланге российского политического спектра // ПОЛИС, 2014. № 4. С. 131–151.

Партия дела имеет краткую программу без четкой идеологии. В выборах ПД участвует редко, но если участвует, то успешно, поскольку вводит в свои списки представителей местной элиты. Такой образ действий характерен скорее для политтехнологической партии. Однако она создавалась еще до партийной реформы, а ее лидер К.А. Бабкин демонстрирует четкую политическую позицию (в частности, он противник членства России в ВТО).

У Монархической партии едва ли не самая короткая программа, а ее лидер А.А. Баков известен не столько как политик, сколько как политтехнолог. Однако название партии и ее основные идеи скорее отталкивают электорат, потенциальных спонсоров и кандидатов, а это не согласуется с предназначением политтехнологических партий, которые обычно стараются привлекать, а не отпугивать сторонников.

Разная степень электоральной активности идеологических партий позволяет разделить их еще на две подгруппы. Подлинно политическими, т.е. нацеленными на представительство интересов избирателей, можно считать партии, активно участвующие в выборах: «Родину», «Коммунистов России», Российскую партию пенсионеров за справедливость, Альянс зеленых и социал-демократов, «Партию за справедливость!», «Гражданскую платформу», РЭП «Зеленые».

«Коммунистов России», Российскую партию пенсионеров за справедливость и «Партию за справедливость!» часто причисляют к спойлерам. Однако в отношении первых двух это верно лишь отчасти. В одних регионах они ведут себя как чистые спойлеры, в других реально борются за мандаты. Что касается «Партии за справедливость!», то до настоящего времени ПзС выступала исключительно как спойлер, однако она создана политиками, покинувшими «Справедливую Россию», и, возможно, первоначально ее лидеры стремились играть более серьезную роль.

Остальные партии идеологической группы не часто участвуют в выборах, и это позволяет считать их созданными для удовлетворения политических амбиций их лидеров. Эти партии можно было бы выделить в отдельную группу, назвав, к примеру, персоналистскими. Типологически они более близки к корпоративным, так как представляют собой прежде всего клиентелы (корпорации) влиятельных людей, для которых идеологические мотивы играют вторичную роль. Однако в реальности их лидеры – С.Н. Бабурин, С.З. Умалатова, Г.Н. Селезнев, А.М. Федулов, И.Л. Трунов и др. – не очень популярны, поэтому вынуждены дополнять персоналистский имидж идеологическими «виньетками».

2.4.3. Корпоративно-лоббистские партии

К данному типу отнесены 17 партий, ориентирующихся на защиту интересов определенных социальных слоев. Они используют не столько

идеологический, сколько корпоративный инструментарий мобилизации сторонников, да и тот скорее потенциально, нежели реально, поскольку почти не проявляют электоральной активности.

Три партии ориентированы на защиту аграрного сектора: Аграрная партия России, Партия возрождения села и Объединенная аграрно-промышленная партия России. Две последние имеют заметный левый уклон, поскольку созданы известными политиками соответствующих взглядов: лидер Партии возрождения села – бывший вице-премьер А.Х. Заверюха, Объединенную аграрно-промышленную партию России возглавляют бывший народный депутат СССР А.С. Ручкин и бывший депутат Госдумы Н.В. Губский. Аграрная партия России создана на базе Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР), вошедшей в Общероссийский народный фронт (ОНФ); лидер – не занимавшаяся ранее политикой дочь основателя АККОР О.В. Башмачникова.

Три партии представляют ветеранов и пенсионеров: Партия пенсионеров России, Партия ветеранов России и партия «Защитники Отечества». Две последние демонстрируют явный патриотический уклон, причем у Партии ветеранов России он проявился только после смены программы в ноябре 2013 г. (ранее в ней говорилось, что партия «берет из каждой мировой идеологии – либерализма, консерватизма, социализма и их современных разновидностей – позитивные центральные моменты (ядра), отсекая при этом несовместимые крайности»).

В данную группу не включена Российская партия пенсионеров за справедливость – из-за более выраженной идеологической направленности, о чем свидетельствуют как название партии, так и личность ее лидера депутата Госдумы И.Л. Зотова.

Две партии созданы на базе профсоюзов – «Союз труда» (на базе ФНПР, заявившей ранее о вхождении в ОНФ) и Трудовая партия России (на базе объединения СОЦПРОФ). Исторически на тред-юнионистской основе создавались левые партии, но теперь другая эпоха, и профсоюзы современной России мало похожи на таковые начала XX в. Активность Трудовой партии России на выборах несколько выше, чем у других партий данной группы, но не слишком.

Логично отнести к корпоративно-лоббистскому типу также Казачью партию РФ, Российскую партию садоводов, Спортивную партию России «Здоровые силы» и партию «Автомобильная Россия», поскольку все они ориентируются на определенные социальные группы.

Сюда же можно включить еще ряд партий. Партия «Женский диалог» создана на базе одноименной общественной организации, партия «Развитие России» – на базе саморегулируемой организации оценщиков «Экспертный

совет»; «Родная партия» ратует за интересы людей, стремящихся завести родовые поместья; «Новая Россия» создана на базе Союза «Чернобыль» (ранее заявил о вхождении в ОНФ).

Особняком стоит партия «Города России», сочетающая признаки всех основных типов. У партии довольно развернутая, но в основном популистская программа. В выборах она участвует мало, но удачно выступила в ряде муниципалитетов за счет привлечения в свои списки местной элиты. Партия создана на базе Всероссийского общества охраны природы (вошедшего в ОНФ) и Федерального совета городов, ее председатель Ю.В. Бабак, не занимавшийся ранее политикой, возглавлял обе эти организации. Тем не менее мы склонны отнести данную партию к числу корпоративно-лоббистских – как выразителя интересов отдельных слоев городской бюрократии.

2.4.4. Политтехнологические партии

С самого начала реформы эксперты указывали, что среди вновь создаваемых партий много чисто политтехнологических проектов¹¹⁹. В связи с этим встает вопрос, как выделить их из общего массива. К сожалению, строгого и однозначного критерия выработать пока не удалось, однако можно предложить некоторые эмпирические индикаторы идентификации политтехнологических партий.

Первый из них – *минималистский*. Дело в том, что в политтехнологических проектах многие показатели минимальны: объем программы и устава, число создаваемых региональных отделений (как правило, ровно столько, сколько необходимо для допуска к выборам), веб-сайт – малосодержателен либо отсутствует и т.д. Минимализм – показатель технологичности, или искусственности. На практике, для реально действующих организаций он невозможен.

Второй индикатор – *номиналистский*, исходящий из анализа наименований партий, которые, как правило, тяготеют к двум полюсам: либо к очень близкому копированию известных партийных брендов, либо к максимальной абстрактности и неопределенности.

Третий – *персоналистский*, связанный с наличием в руководстве партий людей, идентифицируемых с определенными политтехнологическими проектами.

В итоге к политтехнологическому типу отнесены 16 партий. В соответствии с названиями они могут быть разделены на две группы. Для партий

---

¹¹⁹Голосов Г. Кто все эти партии // Слон.ру, 16.04.2012 (http://slon.ru/russia/kto_vse_eti_partii-778209.xhtml); Попова О.В. Перспективы малых партий в современной России // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Ю.Г. Коргунока и Г.М. Михалевой. М.: КМК, 2012. С. 145–157.

из первой характерны «идеологические» бренды. Пять из них апеллируют к левому электорату: Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС), Партия социальной защиты, Российская социалистическая партия, Социал-демократическая партия России, Партия социальной солидарности. Такие названия привлекают какое-то количество избирателей (наиболее преуспела в этом КПСС), но относить эти партии к разряду идеологических было бы натяжкой. Так, в программе Российской социалистической партии нет даже намека на социалистические идеи. Что касается КПСС, то вторым номером в некоторых ее списках 2014 г. шел А.В. Богданов, бывший лидер Демократической партии России и «Правого дела».

Три партии имеют условно либеральные названия: Демократическая партия России, Партия свободных граждан, «Гражданская позиция» (бывшая Партия социальных сетей). Однако либерального избирателя трудно обмануть красивым названием, о чем свидетельствуют крайне низкие результаты этих партий на выборах.

Особняком стоят еще две партии. Партия «Против всех» ориентирована на протестный электорат и не имеет внятной идеологии. Партия защиты бизнеса и предпринимательства, если верить названию, претендует на зачисление в корпоративно-лоббистскую группу, однако, судя по краткости программы и принимая во внимание личность лидера, который раньше не занимался ни политикой, ни защитой интересов бизнеса, это чисто политехнологический проект. К тому же название вполне позволяет продать партию бизнесменам, желающим заняться политикой.

Ко второй группе принадлежат шесть партий со «всеядными» или невнятными названиями: Народная партия России, Народный альянс (ранее – «Родная страна»), Союз горожан, «Молодая Россия», «Умная Россия», «ЧЕСТНО» («Человек. Справедливость. Ответственность»).

Отдельно следует отметить семь партий, созданных при участии «Центра Андрея Богданова»: Демократическая партия России, Народная партия России, Социал-демократическая партия России, КПСС, Союз горожан, «Гражданская позиция» и Народный альянс. Принадлежность этих партий к одному пулу проявилась не только в использовании одинаковых избирательных технологий (все они выдвигали в разных регионах и городах списки из одних и тех же кандидатов, посторонних для тех мест), но и в том, что нередко у всех семи партий был один уполномоченный представитель¹²⁰.

Сам А.В. Богданов высказался откровенно: «Мы строим партии, как строится дом. Мы еще не знаем, кто в нем будет жить. А когда дом постро-

---

¹²⁰Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014. С. 60–63.

ен – начинаем продавать квартиры под ремонт. В этом «многоквартирном доме» одна «квартира» – один регион»¹²¹. По-видимому, создатели других политехнологических проектов преследовали аналогичные цели. Однако предложение на этом рынке значительно превысило спрос – участие в выборах политехнологических партий, за исключением «богдановских», оказалось минимальным. Технологии, применявшиеся «богдановцами», также свидетельствуют об отсутствии особого спроса на их услуги. Единственное исключение – КПСС, которая смогла завоевать мандаты в отдельных муниципалитетах.

Представленный подход позволяет внести некоторую ясность в пестрый облик «переформатированной» российской многопартийности. Вместе с тем исследования в данном направлении необходимо продолжать, используя и другие подходы и критерии. В частности, интересный материал может быть получен в результате изучения региональных отделений новых партий (их географии, численности, динамики развития и пр.). Следует продолжить также анализ партийных программ, уставных документов, источников и масштабов финансирования, участия в выборах, процесса институционализации и т.д.

2.5. Особенности институциональной роли партий в Российской Федерации

Роль и место партий в российской политической системе обсуждаются почти два десятилетия. Чаще всего оценивается степень эффективности в России традиционной для демократических государств многопартийной конкурентной системы и соответствующей ей модели функционирования партий. При этом ряд исследователей на вопрос, привыется ли на отечественной почве этот саженец, еще в конце 1990-х гг. давали отрицательный ответ¹²². Возникает парадокс: институт политических партий для нашей страны не нов, а его востребованность по-прежнему низка. Причинами этого, на наш взгляд, являются последствия трансплантации института в «неконгруэнтную» среду и его постоянные трансформации.

Что касается первой причины, то, как справедливо отмечали М. Полте-

---

¹²¹Зубов М. Как заработать на медведевской реформе // Московский комсомолец, 05.02.2013 (<http://www.mk.ru/politics/russia/article/2013/02/04/807445-kak-zarabotat-na-medvedevskoy-reforme.html>).

¹²²См., например, Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партия власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис, 2001. № 1. С. 6–14; Кисовская Н.К. Российские партии и «западная модель» // Полития, 2000. № 1 (15). С. 46–50; Левин И.Б. Партия и модернизация: российские варианты // Полития, 2000. №1 (15). С.51–63; Пшизова С.Н. Какую партийную модель воспримет наше общество // Полис, 1998. № 4. С. 101–113.

рович и П.В. Панов, по поводу значимости чужеродных институтов часто возникают радикальные сомнения. В отсутствие общественного консенсуса политические акторы не в состоянии использовать «пересаживаемый» институт для легитимизации политического порядка и внедрения ментального образа соответствующего политического сообщества. Ключевую роль начинает играть соответствие («конгруэнтность») смыслов импортированного института в стране-доноре и стране-реципиенте. Высокая степень конгруэнтности приводит к постепенной конвергенции; низкая – к дивергенции, которая может повлечь за собой появление институциональных гибридов или превращение импортированных институтов в «оболочку», внутри которой функционируют традиционные для общества-реципиента неформальные практики¹²³.

Именно это и произошло в нашей стране с институтом партий. Его трансплантация в неконгруэнтную российскую среду привела к тому, что выполнение партиями части функций (например, электоральной) соответствовало мировым тенденциям, а часть наполнилась отечественной спецификой.

При этом были заимствованы новейшие формы политических партий, изменившие в условиях информационного общества свой функционал и широко использующие, в частности, маркетинговые методы. Однако на Западе такие формы уже укоренились в системе общественно-политических коммуникаций и имеют устойчивый круг сторонников и отлаженные технологии. В условиях слабости гражданского общества пересаживание постмодернистских партийных форм на отечественную почву превращало российские аналоги в «электоральные машины», взаимодействующие с обществом в основном посредством рекламных акций. Другими словами, российские партии изначально оказались не столько институтами представительства широких социальных групп, сколько «политическими предприятиями» на службе у элитных группировок.

К тому же используемая в большинстве субъектов РФ мажоритарная система выборов в региональные legislatures способствовала вытеснению политических партий на периферию электорального поля. Большинство мандатов в заксобраниях получали так называемые независимые кандидаты, чаще всего – чиновники исполнительной власти, директора предприятий и бизнес-структур¹²⁴, стремившиеся «собственноручно» контролиро-

---

¹²³Полтерович В.М. Трансплантация институтов // Экономическая наука в современной России, 2001. № 3. С. 24–50; Панов П.В. Политическое сообщество: конструирование и институционализация // Полис, 2007. № 1. С. 101.

¹²⁴Динес В.А., Николаев А.Н., Слиска Л.К. Опыт становления представительных органов власти на региональном уровне // Представительная власть в России: История и современность. М., 2004.

вать формирование законодательной базы и распределение финансовых ресурсов с целью максимального снижения транзакционных издержек в условиях нестабильной институциональной среды.

Так, из 41 депутата ЗС Алтайского края первого созыва (1994) 14 являлись главами администраций районов, городов и их заместителями (34%), 19 (36%) – хозяйственными руководителями и только 4 – представителями бюджетной сферы (3 врача и 1 учитель, около 10% депутатов)¹²⁵. Больше половины избранного в том же году депутатского корпуса Кемеровской области также пришлось на чиновников городского и районного уровня (главы и работники администраций муниципальных образований и депутаты местных советов) – 9 человек (28% от общего числа депутатов) – и руководящий, главным образом директорский, состав хозяйствующих субъектов – 10 человек (31%)¹²⁶. Преобладали представители экономической сферы и в Томской областной думе первого созыва. Здесь руководители предприятий и коммерческих структур получили 38% мандатов.

Этого не скрывали и сами депутаты. Так, генеральный директор ЗАО «Томас-профит» депутат 2-го созыва томской легислатуры Е.Н. Васильченко впоследствии (2003) признавал: «Главная причина, приведшая меня в думу, близка и понятна всем, кто непосредственно связан с производством. Законодательная база в те годы только формировалась, и важно было в этом процессе принять участие, суметь повлиять на установление правил игры. Это понимал не только я, неслучайно во второй думе так весомо был представлен «директорский» корпус. Мы не могли доверить судьбу своих предприятий дилетантам от политики, тем, кто не знаком с производством, с механизмами его работы. Вторая дума имела ярко выраженную экономическую направленность, приняла ряд важнейших законов, защищавших интересы предпринимателей всех уровней»¹²⁷.

Кардинальных изменений в структуру профессионального наполнения регионального депутатского корпуса не внес и переход на смешанную избирательную систему.

Например, после выборов 2004 г. более половины из 62 депутатов ЗС Алтайского края представляли закрепившую свое доминирование группу директоров хозяйствующих субъектов – энергетических компаний, сельскохозяйственных, промышленных, строительных предприятий и пр.

---

¹²⁵Сост. по: Избирательные системы на Алтае (вторая половина XVIII – начало XXI вв.). 2006. С. 378; Грани времени. 2009. С. 494.

¹²⁶Шараев, П. С. Законодательные органы государственной власти в субъектах РФ в 90-е гг. XX в. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей). Томск: ТМЛ-Пресс; Томский государственный университет, 2007. С. 187–188.

¹²⁷Гуляева А. К десятилетию Государственной Думы Томской области // Ежемесячный общественно-политический журнал «Персона» (<http://duma.tomsk.ru/page/2368>).

Чиновников представлял лишь один работник краевой администрации, что было связано с запретом совмещать депутатский мандат с должностью в органах местного самоуправления¹²⁸. На протяжении последующих созывов конфигурация социально-профессионального состава депутатского корпуса стабилизировалась: доля «хозяйственников» и бизнесменов в 2008 и 2011 гг. колебалась в диапазоне от 55 до 60%, при этом значительную роль в закреплении такого положения сыграли партии¹²⁹.

В Томской области значительную долю депутатов – около 62% в четвертом созыве ТОД и 55% в пятом – можно отнести к категории «хозяйствующих субъектов». Около половины депутатов новосибирского парламента также относятся к руководящему составу предприятий и бизнес-структур; около половины последних прошли по спискам политических партий, участвовавших в избирательной кампании.

Партии не стремились к массовости, узкий круг лидеров узурпировал ключевые партийные должности, блокировал участие рядовых членов в выработке партийной стратегии. Это вело к падению партийной активности граждан, в сложных социально-экономических условиях переключившихся на обеспечение минимального уровня жизни.

Но важнее другое: в условиях неконгруэнтной среды и отсутствия неформальных практик, способных обеспечить дальнейшее развитие новым институциональным формам, последние наполнялись привычным для их членского состава содержанием: административно-бюрократическим для «партии власти», «клубным» – для либералов. По образному выражению Г.Л. Кертман, произошло «одомашнивание» новых институтов и политических практик, вписывание импортированных институтов в традиционный ценностно-нормативный контекст – с выработкой спектра мотиваций политического поведения, органичного для «среднего россиянина»¹³⁰.

Значительное влияние на этот процесс оказала власть, что вполне согласуется с тезисом Д. Норта о решающей роли государства в современных институциональных трансформациях¹³¹. Однако в России государственная элита, оказавшаяся сильнее общества, рассматривала введение демократических институтов – выборности, политического плюрализма,

---

¹²⁸Сост. по: Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 14.03.2004 г., 2004.

¹²⁹Сост. по: Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 04.12.2011 // Избирательная комиссия Алтайского края (<http://altai-terr.izbirkom.ru/archiv.html>); Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 02.13.2008 // Избирательная комиссия Алтайского края (<http://altai-terr.izbirkom.ru/archiv.html>).

¹³⁰Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис, 2007. № 1. С. 120.

¹³¹Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 91.

представительных органов, гражданских и политических свобод – как форму самосохранения, средство обеспечения безопасности и интеграции в мировое сообщество¹³².

Организационным показателем отношения политических и экономических элит к партиям как к инструменту стал уникальный продукт – «партия власти», сконструированная «по образу и подобию самой Власти» или «мечтаний о ней русского общества». Она соединила в себе действующие в одной «архаичной, неполитической» ментальной плоскости «ожидания россиян от «своей» Власти и расчет Власти в отношении «своих» россиян»¹³³.

Все это свидетельствует об истинности выведенной еще В.О. Ключевским и повторенной в наши дни Ю.С. Пивоваровым формулы – «В России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений»: «Неразвитость гражданского общества в России одним из своих следствий имеет неразвитость партийной системы. Политические партии возникли у нас довольно поздно и не играли значительной роли». Вместе с тем в любом обществе, в том числе в российском, имеются различные интересы, «неодинаковое понимание того, каким путем должно идти, какие средства и как применять. Запад решает эти задачи во многом через партии, выражающие и представляющие волю и интересы того или иного сектора (сегмента) социума. У нас – тоже во многом – роль партий играют учреждения...»¹³⁴.

Как попытку формальной институционализации партий и определения их роли в российской политической системе можно рассматривать принятие в 2001 г. закона «О политических партиях», который сформулировал признаки политической партии и предоставил партиям монополию на «самостоятельное выдвижение кандидатов (списков кандидатов) в депутаты, на иные выборные должности в органах государственной власти». Согласно этому закону, политическая партия должна была насчитывать не менее 10 тыс. членов, иметь региональные отделения как минимум в половине субъектов Федерации (не менее 100 человек в каждом) и регулярно принимать участие в выборах.

При этом закон вполне соответствовал линии на выстраивание «вертикали власти» и установление госконтроля над всей политической инфраструктурой. С этой точки зрения Россия сравнима с Египтом, Марокко, Алжиром и Иорданией, в которых действовал фактически разрешительный порядок создания общественных и общественно-политических органи-

---

¹³²Холодковский К.Г. Политическая модернизация и будущее России // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М., 2004. С. 252–253.

¹³³Глебова И.И. Беспартийная Власть и ее партийная организация // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М., 2004. С. 223.

¹³⁴Пивоваров Ю.С. О некоторых исторических особенностях русской политики // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М., 2004. С. 110.

заций. Как пишет К. Викторович, «эти организации были вовлечены в паутину бюрократических практик и правовых кодов, которые позволяют власти отсуживать и регулировать коллективную активность. Эта паутина снижает возможность вызова государству со стороны гражданского общества за счет того, что делает большую часть коллективной активности видимой для административного аппарата. При таких обстоятельствах институты гражданского общества являются в большей степени инструментом государственного социального контроля, нежели механизмом наделения коллективной властью»¹³⁵. Подтверждается еще один тезис Д. Норта: «Институты ... создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»¹³⁶.

Однако с принятием закона о партиях укрепления института партий, равно как и их общественной легитимизации, не произошло.

Для многих российских партий установленные законом требования были явно завышенными. Большинство из них, по формулировке Ю.Г. Коргунюка, имели «клубную природу», т.е. представляли собой «объединения единомышленников, воодушевленных некоей идеей, проектом общественного устройства»¹³⁷. В связи с этим даже формальное наращивание численности не делало их реальными массовыми структурами. Рядовые члены партии воспринимались ее организаторами как «техническая» масса, необходимая для перерегистрации (так, на местном и региональном уровнях широкое распространение получил принудительный прием в партии работников целых предприятий и учреждений). То же касается и избирателей, которых российские партии никогда не рассматривали как значимый ресурс.

Намного более важными для партий были интересы поддерживающих их лоббистских группировок и позиция исполнительной власти. Более того, значимость этих факторов резко возросла из-за необходимости создавать массовые организационные структуры. Это приводило к превращению партий в «акционерные общества» и франчайзинговые структуры, а также к повышению стоимости депутатских мандатов, делая их фактически недостижимыми для общественных объединений. Итогом таких сделок становилось быстрое и относительно малозатратное распространение партий по территории страны, а оборотной стороной – превращение их в аналог

---

¹³⁵Цит. по: Поляков Л.В. Основы политического консультирования: теория и практика. М., 2004. С. 30.

¹³⁶North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge, 1990. С. 16.

¹³⁷Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М., 2007. С. 44.

бизнес-проектов. Именно по такому пути прошли во многих регионах «Справедливая Россия», ЛДПР и некоторые новые партии.

Как отмечалось выше, стремление крупного бизнеса получить представительство в региональных парламентах прямо связано со спецификой российской институциональной среды. Отношения между экономическими и политическими акторами, а также между этими акторами и государством в большинстве случаев регулируются неформально. С одной стороны, способы заключения соглашений и решения споров носят, как правило, неправовой характер, с другой – закон не защищает граждан и организации от произвольного вмешательства государства в их деятельность¹³⁸. В связи с этим экономические акторы сами пытаются встроиться в структуры власти, чтобы обеспечить для себя стабильность, минимизировать вмешательство в свою деятельность, а в идеале – получить дополнительные ресурсы и преференции.

В итоге современные политические партии не предлагают на выборах реальных политических программ, поскольку их деятельность определяют спонсоры в формате непубличных договоренностей.

Кроме того, в 2000-е гг. органы представительной власти утратили и без того слабо выраженные политические позиции, фактически превратившись в механизм ратификации решений, принятых другими субъектами. Несмотря на переход к пропорциональной системе на выборах в Госдуму и к смешанной системе на выборы в региональные парламента реальная роль партий в принятии государственных решений сократилась. Власть сосредоточилась в руках новой партийно-государственной номенклатуры, причем с акцентом не на партийность, а на государственный статус.

Большое значение, наконец, имело то, что к концу XX в. партии западных стран как бы завершили цикл своего развития: возникнув как «предприятия претендентов» на выборные посты, они вернулись к роли преимущественно «электоральных машин». Поэтому, по словам Ф. Шмиттера, «было бы анахронизмом думать, что партиям [посткоммунистических стран] предстоит повторить все стадии развития своих предшественниц, выполняя при этом все их функции»¹³⁹. В результате возник диссонанс между заимствованными на Западе современными институциональными моделями политической партии и требованиями, предъявляемыми им российским массовым сознанием. Как показывали опросы, в 1990–2000-е гг. рядовые избиратели обуславливали доверие партиям не четкостью пред-

---

¹³⁸Бри М. Региональные политические режимы и системы управления // Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000.

¹³⁹Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис, 1996. № 5. С. 18–19.

лагаемых стратегий развития общества и адекватностью этих стратегий существующей ситуации, а выполнением обещаний и эффективностью работы с населением. Зачастую же избиратели и вовсе сводили деятельность партий к оказанию помощи определенным социальным группам: «На партии в этой интерпретационной схеме ... возлагались, по существу, функции специфических, «периферийных» структур государственной власти»¹⁴⁰.

Так, при ответе на вопрос фонда «Общественное мнение» (2007) о вреде, наносимом партиями, респонденты обвиняли их в бездействии и неэффективности («много разговоров, а дела – чуть»; «одна показуха»; «много словоблудия» – 11%), в паразитизме и расточительстве («деньги едят бюджетные»; «дармоеды на нашей шее» – 7%), безразличии к людям («не думают о простом народе, нищая пенсия»; «не слушают людей, не отражают интересы народа» – 6%), корыстолюбии («всё гребут в свои карманы» – 6%), лживости («обман народа»; «много врут» – 3%) и т.п. Особо стоит отметить, что 8% опрошенных поставили партиям в вину их сущностные признаки – стремление к власти, межпартийную борьбу как таковую («вечно спорят между собой»; «разногласия»; «много политической борьбы»; «каждая добивается власти») ¹⁴¹.

По данным Левада-центра, в 2000-х гг. полностью партиям доверяло от 4 до 6% населения, частично – около 30%. В то же время президенту полностью доверяли 54–58% граждан, частично – 28–30%; церкви – соответственно 38–44% и 21–23%, армии – 20–30% и 33–35%. Даже профсоюзы получили 9–12% полной поддержки и 20–25% частичной.

Репрезентативность этих рейтингов верифицируется и оценкой влияния общественно-политических институтов на ситуацию в стране. По данным того же Левада-центра, в 2005–06 гг. она составила для партий 2,5 балла, для президента – примерно 4, силовых структур и СМИ – 3,5, церкви – 3¹⁴².

Аналогичная картина наблюдалась и в регионах. Согласно опросам Центра политического анализа и технологий Алтайского госуниверситета

---

¹⁴⁰Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис, 2007. № 1. С. 124.

¹⁴¹Политические партии в жизни России: Опрос населения (<http://bd.fom.ru/report/cat/polit/polypar/d071424>).

¹⁴²Дубин Б. Модельные институты и символический порядок: элементарные формы социальности в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 1. С. 15; Доверие россиян институтам власти и общества. Пресс-выпуск Левада-центра. № 31. 23.03.2004 (<http://www.levada.ru/press/2004032302>); Социально-политическая ситуация в России в сентябре 2006 года (<http://www.levada.ru/press/2006100301.html>).

(ЦПАТ АлтГУ), в 2002 г. положительно оценивали деятельность российских партий 7,8% жителей Барнаула, еще 12,6% – скорее положительно, чем отрицательно¹⁴³. Таким образом, только 20,4% респондентов признавали, что партии играют позитивную роль. Отрицательно к деятельности партий относились 16,8% опрошенных, 20,8% оценивали их деятельность скорее отрицательно, чем положительно.

Спустя три года¹⁴⁴ оценки деятельности партий стали еще более критическими. Позитивно к ним относились 20,7% респондентов, а доля негативных оценок выросла до 62%.

Кроме того, в политических партиях не видели механизма формирования властных структур и контроля над ними. В основном граждане выражали уверенность, что эффективных способов повлиять на власть в России не существует вообще. Лишь 9,4% соглашались с тем, что существующие общественные образования оказывают заметное влияние на политическую жизнь.

При этом избиратели все чаще связывали доверие партиям с выполнением теми своих обещаний, эффективностью работы с населением (т.е. помощи ему), преодолением зависимости от капитала и государственной власти. Те же опросы показали, что в 2002 г. только 5,6% жителей Барнаула были уверены, что российские партии полностью выполняют свои функции и обещания, 22,4% считали, что они делают это частично. Еще 18,4% ответили, что эти функции и обещания партии выполняют лишь иногда. В то же время 26,4% отмечали, что партии чаще не выполняют своих обещаний, а 16,8% – что они не выполняют их никогда. К 2005 г. доля разделяющих последнюю точку зрения выросла в три раза – до 50,9%. Среди проблем, мешающих эффективной деятельности партий, жители края неизменно называли безответственность, оторванность от избирателей, продвижение корыстных интересов, зависимость от капитала и государства, программное однообразие.

Одним из устойчивых представлений можно считать и убежденность граждан в том, что оптимальной для постсоветской России является система с доминирующей партией, позиционирующей себя в качестве прямого канала связи с президентом. Примечательно, что число сторонников «одной сильной правящей партии» советского типа стабильно удерживалось на уровне не менее 30% – в 2001–04 гг. оно составляло 34% избирателей, в 2005 г. – 38% и в 2006-м – 32%¹⁴⁵.

---

¹⁴³Опрос проводился в Барнауле 3–8 июня 2002 г. Опрошено 500 человек.

¹⁴⁴Опрос проводился 20–25 октября 2005 г. в 2 городах и 2 районах Алтайского края, опрошено 584 человека.

¹⁴⁵Россияне о правящей партии и партийной принадлежности президента. Пресс-выпуск Левада-центра. 25.07.2006 (<http://www.levada.ru/press/2006072504.html>).

В этих условиях значительным достижением являлось то, что значительная часть граждан все же признавала партии неотъемлемым элементом политической системы. Согласно всероссийским опросам общественного мнения, отрицали их необходимость только 7% респондентов (2001 г. – 8%, 2004 – 6%, 2005 – 7%, 2006 – 7%). Большинство же граждан, особенно молодого и среднего возраста, не хотели возврата к однопартийной системе и связывали дальнейшее развитие страны с функционированием двух-трех крупных партий. По данным Левада-центра, в 2001 г. таковых насчитывалось 41%, в 2004-м – 44%, в 2006-м – 42%¹⁴⁶.

Представления жителей Алтайского края по данному вопросу соответствовали общероссийской тенденции. В 2002 г. в необходимости партий были уверены 67,2% барнаульцев. По мнению 42% из них партийная система должна включать три и более партий, 29,5% считали оптимальной двухпартийную систему (в основном рабочие, учащиеся и студенты). За возврат к однопартийной системе выступали 15,2%, около половины из них – пенсионеры. Только 11,2% респондентов ответили, что партии в России не нужны. Еще 21,6% опрошенных не смогли определиться с ответом.

В 2005 г. соотношение мнений принципиально не изменилось. Большинство жителей края (79%) по-прежнему были уверены в необходимости партий. При этом несколько сократилось число сторонников двухпартийной системы (21%) и увеличилось доля приверженцев однопартийности (23,6%). Число считавших, что партии в России не нужны, возросло до 17,3% – такое мнение было более характерно для женщин, а также для людей с высшим образованием и низким уровнем дохода.

Вместе с тем социологические исследования показывают, что за 20 лет существования политической системы сформировался «эффект привыкания» к партиям. Согласно данным ФОМ (2013)¹⁴⁷, число людей, признающих необходимость одной или двух партий, уменьшилось: в 2004 г. за существование одной партии выступали 21% россиян, за двухпартийную систему – 18%, в 2013 г. эти показатели составили 15 и 13% соответственно. А вот приверженцев многопартийности стало больше: в 2004 г. их было 25%, в 2013 г. – 29%. Еще 16% утверждают, что политические партии России не нужны¹⁴⁸.

Изменилось и обоснование необходимости партий: 18% опрошенных считают, что они как механизм публичной политики обеспечивают политическую конкуренцию («в споре рождается истина», «нужны многопартийность, оппозиция, однопартийность несовместима с демократией»);

---

¹⁴⁶Там же.

¹⁴⁷Опрос ФОМ проводился 9–10 марта 2013 года, опрошено 1500 человек в 100 населенных пунктах в 43 субъектах РФ.

¹⁴⁸О системе выборов в Госдуму. 09.04.2013 (<http://fom.ru/Politika/10884>).

8% – что они выражают различные социальные интересы («у людей должна быть политическая альтернатива, возможность выбрать между партиями»), «партии должны выражать интересы разных слоев населения»); 5% – что они нужны для управления страной, поддержания порядка; 4% – для борьбы за права народа, улучшения жизни людей; 3% – для принятия законов; 2% – для контроля за работой руководства страны; по 1% – для помощи руководству и для объединения граждан вокруг общих идей¹⁴⁹.

Повысился и общий уровень доверия партиям. По данным Левада-центра (2013)¹⁵⁰, 12% россиян убеждены, что партии вполне заслуживают доверия, 46% – не вполне заслуживают, 33% – совсем не заслуживают. При этом налицо изменение оценки с резко негативной на умеренно негативную или даже положительную – в 2009 г. эти показатели составляли 7, 38 и 36% соответственно¹⁵¹.

На этом фоне более заметными становятся региональные различия. В частности, в Алтайском крае, аграрно-индустриальном регионе, население которого придерживается в основном традиционалистских взглядов, политическим партиям в 2013 г. доверяло лишь 4,7%¹⁵²; при этом в Барнауле – 6%, в малых городах края – 5,2%, в сельской местности – только 3,5%. Наибольшая дифференциация наблюдается в возрастных группах: среди жителей края в возрасте 26–40 лет о своем доверии партиям заявили только 2,8%, в возрасте 41–60 лет – 3,6%, 18–25 лет – 4,4%, 61 и старше – 7,6%.

Как и прежде, в основе позиции респондентов лежит оценка эффективности политических институтов. Как эффективную деятельность партий оценили только 8% опрошенных. Более высокого мнения о партиях, чем другие категории населения, придерживаются женщины (9%); респонденты старше 60 лет (13%) и в возрасте 26–40 лет (8%); по роду занятий – пенсионеры (13%), студенты (11%), фермеры (10%). Различия по месту жительства не так заметны – 10,5% в малых городах, по 7% в Барнауле и сельской местности.

Что касается предпочтительного типа партийной системы, то здесь инерционность установок опять же выше среднероссийской – 21% жителей края оказались сторонниками однопартийности, 14% – двухпартийности, 33% – многопартийности; 12% заявили, что партии не нужны совсем.

За однопартийную систему чаще выступают женщины (22%), респон-

---

¹⁴⁹Там же.

¹⁵⁰Опрос проводился 20–24 сентября 2013 г., опрошено 1601 человек в 130 населенных пунктах 45 регионов страны.

¹⁵¹Доверие институтам власти. Пресс-выпуск Левада-центра. 07.10.2013 (<http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti>).

¹⁵²Опрос проводился Центром политического анализа и технологий АлтГУ в июле 2013 г. в 5 городах и 8 районах Алтайского края, опрошена 1000 человек.

денты в возрасте 41–60 лет (29%) и старше 61 года (23%); по роду занятий – предприниматели (32%), фермеры (30%), пенсионеры (26%), служащие (23%) и безработные (21%); а также проживающие в сельской местности (24%) и небольших городах (21%). Двухпартийная система чаще находит поддержку у мужчин (15%), респондентов в возрасте 26–40 лет (14%) и старше 61 года (19%); по роду занятий – у военнослужащих (19%), предпринимателей (19%), работников агропредприятий (18%), неработающих (16%), пенсионеров (15%), служащих (14%), а также проживающих в Барнауле (17%) и сельской местности (15%). Странниками многопартийности являются прежде всего мужчины (34%); респонденты в возрасте 18–25 (40%) и 26–40 лет (33%); по роду занятий – фермеры (50%), студенты (45%), военнослужащие (43%), работники коммерческих организаций (35%) и служащие (33%), а также проживающие в Барнауле (43%) и других городах (33%). Отрицают необходимость партий респонденты в возрасте 26–40 лет (14%) и старше 61 года (12%); по роду занятий – работники агропредприятий (29%), безработные (19%), неработающие (16%), студенты (12%) и пенсионеры (12%), а также проживающие в малых городах (17%).

Таким образом, развитие российской партийной системы представляет собой эволюцию изначально неэффективного политического института, являющегося не более чем средством самосохранения элиты. Причем по мере расширения правового статуса партий их инструментальный характер лишь усиливался. Понимание этого обстоятельства массовым сознанием, равно как и воспоминания о советском прошлом, препятствовали их легитимизации в качестве неформального института. И хотя сегодня наблюдается своеобразное «привыкание» общества к партиям, превращение последних в реальный институт публичной политики возможно только при условии их дальнейшей институциональной трансформации, вопрос о субъектах и траекториях которой пока открыт.

РАЗДЕЛ 3.

Партийная реформа и региональные выборы 2012–2014 гг.

Комплекс мероприятий, именуемый в данной монографии «партийной реформой 2012–2013 гг.», был своего рода реакцией властей на падение рейтинга «Единой России» и рост протестных настроений в российском обществе.

Эти мероприятия, как и раньше, были направлены на сохранение монополии «партии власти» в legislатурах всех уровней, но уже новыми методами. Прежде Кремль, если использовать экономическую терминологию, делал ставку на консолидацию пакета акций, но когда тот начал «размываться», сменил тактику и сконцентрировал усилия не на том, чтобы добиться для «Единой России» большинства голосов избирателей, а на том, чтобы не дать другим игрокам укрепить позиции. С этой целью политический рынок был насыщен массой новых участников, чьим назначением было отнимать голоса не столько у «партии власти», сколько у оппозиции. При такой тактике для успеха достаточно обеспечить фавориту весьма условное большинство. Недаром в фирмах с множеством акционеров контрольным считается пакет в 20, а то и 15%.

В данном разделе мы рассмотрим, как появление новых партийных игроков повлияло на результаты выборов 2012–2014 гг. в региональные законодательные собрания и на структуру электоральных и политических размежеваний. Каждому из направлений посвящена отдельная глава.

3.1. Партийная реформа и динамика межпартийной конкуренции на региональных выборах 2012–2014 гг.

Партийная реформа была начата после завершения федерального избирательного цикла 2011–2012 гг., поэтому в полной мере ее последствия проявятся лишь в 2016–2018 гг., причем это будут уже последствия контрреформы 2014 г. (и, что не исключено, также последующих). В период же между федеральными кампаниями главным индикатором динамики партийной системы являются региональные и муниципальные выборы. Наиболее показательны в этом отношении выборы в законодательные собрания субъектов Федерации. Их результаты позволяют судить как о сравнительной активности партий, так и о влиянии реформы на региональный сегмент партийной системы.

К началу 2012 г. партийный состав законодательных собраний большинства регионов страны представлял собой почти полный аналог обще-

российской модели. В региональных парламентах, как правило, присутствовали все федеральные парламентские партии, изредка разбавленные представителями Аграрной партии России, «Патриотов России», «ЯБЛОКА» и «Правого дела». Из 27 региональных собраний, избранных в декабре 2011 г., лишь в пяти фракционный состав отличается от федерального: в Карелии, Псковской области и Санкт-Петербурге к общероссийским парламентским партиям добавилось «ЯБЛОКО», в Ингушетии место ЛДПР заняло «Правое дело», а в Государственном собрании Мордовии и вовсе представлены только «Единая Россия» и КПРФ. При этом в большинстве регионов выборы генерировали «традиционную» конфигурацию: на первом месте – «Единая Россия», на втором – КПРФ, на третьем и четвертом – ЛДПР и «Справедливая Россия», далее – прочие партии (в случае их участия в выборах).

Крупнейшие фракции во всех региональных собраниях, как нетрудно догадаться, были у «Единой России». Везде, кроме Санкт-Петербурга, Карелии, Амурской и Кировской областей она имела абсолютное большинство мандатов (в Кировской области – половина), хотя в ряде регионов ЕР получала менее 50% голосов¹⁵³.

В течение 2012–2014 гг. выборы в региональные легислатуры проводились трижды: 14 октября 2012 г. были избраны полные составы шести региональных парламентов, 8 сентября 2013 г. – 16-ти; 14 сентября 2014 г., уже после контрреформы, – еще 12-ти (не считая двух новых субъектов Федерации), из которых один (Московская городская дума) избирался полностью по мажоритарной системе. Данные для анализа результатов этих выборов взяты прежде всего с сайтов ЦИК РФ¹⁵⁴ и региональных парламентов¹⁵⁵.

3.1.1. Методика исследования

В данном исследовании использованы количественные методы, позволяющие более эффективно выявить тенденции структурирования и динамики партийно-политического пространства (в современных иссле-

---

¹⁵³Наиболее подробное изложение результатов региональных выборов 2003–2009 гг. см. в Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009, а выборов 2009–13 гг. в Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: от партизации к персонализации. М., 2014.

¹⁵⁴Сведения о проводящихся выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации (<http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>).

¹⁵⁵Законодательное собрание Краснодарского края (<http://www.kubzsk.ru>); Официальный сайт Законодательного собрания Пензенской области (<http://www.zspo.ru>); Саратовская областная дума (<http://www.srd.ru>); Сахалинская областная дума (<http://www.duma.sakhalin.ru>); Парламент Республики Северная Осетия – Алания. Официальный сайт (<http://www.parliament-osetia.ru>); Государственный совет Удмуртской республики (<http://www.udmgossovnet.ru>).

дованиях межпартийной конкуренции на выборах всех уровней до сих пор преобладают качественные методы¹⁵⁶).

Измерение уровня межпартийной конкуренции на выборах в региональные собрания производилось при помощи следующих показателей.

1. В электоральной плоскости:

- количество партийных списков в каждом регионе;
- доля голосов избирателей, полученных крупнейшей партией;
- сумма голосов, отданных за парламентскую оппозицию¹⁵⁷;
- эффективное число электоральных партий (ЭЧПЭ)¹⁵⁸ для каждого региона, по всей группе регионов – диапазон и среднее значение.

2. В парламентской плоскости:

- количество партий, представленных в региональных законодательных собраниях (общее и по регионам);
- доля мест в законодательном органе, полученных крупнейшей партией;
- доля мест парламентской оппозиции в законодательном органе;
- эффективное число парламентских партий (ЭЧПП) для каждого региона, по всей группе регионов – диапазон и среднее значение.

ру); Архангельское областное собрание депутатов (<http://www.aosd.ru>); Государственное собрание – Курултай Республики Башкортостан. Официальный информационный портал (<http://www.gsrb.ru/ru>); Народный Хурал Республики Бурятия (<http://hural13.sdep.ru>); Законодательное собрание Владимирской области (<http://www.zsvo.ru>); Законодательное собрание Забайкальского края (<http://www.zaksobr-chita.ru>); Ивановская областная дума. Официальный сайт (<http://www.ivoblduma.ru>); Законодательное собрание Иркутской области (<http://www.irk.gov.ru>); Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия. Официальный сайт (<http://www.huralrk.ru>); Совет народных депутатов Кемеровской области (<http://www.sndko.ru>); Законодательное собрание Ростовской области (<http://zsro.ru>); Государственное собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). Официальный сайт (<http://iltumen.ru>); Смоленская областная дума (<http://www.smoloblduma.ru>); Законодательное собрание Ульяновской области (<http://www.zsuo.ru>); Верховный совет республики Хакасия (<http://www.vskhakasia.ru>); Официальный сайт Парламента Чеченской республики (<http://www.parlamentchr.ru>); Ярославская областная Дума (<http://www.duma.yar.ru>).

¹⁵⁶См. например, Вишневский Б.Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2007, № 2; Гончаров Л.А. Современная межпартийная конкуренция в политической практике России и Германии. Воронеж, 2008; Кынев А.В. Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности (<http://www.memo.ru/2009/12/12/kynev.htm>); Васильева С.В. Политическая конкуренция в теории и действии: к вопросу о сложности ее правовых оценок // Сравнительное конституционное обозрение, 2012, № 1; Жедь Б.А. Особенности политической конкуренции в условиях либерализации многопартийности в современной России // Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 3.

¹⁵⁷В данной работе под парламентской оппозицией понимаются партии, не являющиеся правящими, но представленные на период выборов в Государственной Думе (КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР).

¹⁵⁸Рассчитано по формуле М. Лааксо и Р. Таагеперы: , где ρ означает долю голосов от

3.1.2. Тенденции выборов 2012–2013 гг.

Наиболее предсказуемой тенденцией выборов 2012–2013 гг. было увеличение количества партийных игроков. В региональных выборах 2011 г. имели право участвовать только семь партий, а пользовались этим правом обычно четыре или пять. Уже в 2012 г. в каждом регионе насчитывалось от 11 до 17 зарегистрированных партийных списков (в среднем 13,2), а в 2013 г. их количество варьировалось от 8 в Хакасии до 23 в Калмыкии¹⁵⁹ (в среднем 17,2)¹⁶⁰. В целом по стране в основных региональных выборах по пропорциональной системе в 2013 г. участвовали 42 партии, а с учетом депутатов, баллотировавшихся по одномандатным округам, – 47 (из 54 имевших право участия в выборах¹⁶¹).

Было естественно предположить, что значительное расширение «партийного меню» повлечет за собой обострение конкуренции. Однако ожидания оправдались лишь частично – это видно из сравнения значений ЭЧПЭ на этих и предыдущих выборах (диагр. 1 и 2).

В трех регионах (Пензенская, Саратовская и Кермовская области) реальная конкуренция (индицируемая ЭЧПЭ) по сравнению с выборами 2007–2009 гг. даже снизилась¹⁶². В Краснодарском крае она осталась на прежнем, довольно низком, уровне. В пяти регионах (Удмуртия, Башкортостан, Якутия, Чечня, Ивановская область) ЭЧПЭ выросло незначительно (менее чем на 0,5). И лишь в шести регионах (Бурятия, Забайкальский край, Архангельская, Владимирская, Смоленская и Ярославская области) наблюдался существенный рост конкурентности (разница в ЭЧПЭ больше 1).

Впрочем, главную роль здесь сыграло не увеличение числа участвующих в выборах партий, а снижение рейтинга «Единой России». Это хорошо заметно при сравнении с выборами 2003–2005 гг., в которых участвовало от 5 до 11 партийных списков¹⁶³. Лишь в Забайкальском крае имело место

числа действительных голосов (ЭЧПЭ) или мест в представительном органе (ЭЧПП), полученных той или иной партией по итогам выборов. В последнем случае самовыдвиженцы были выделены в отдельную «партию». См. Laakso M., Taagepera R. The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies, 1979, April. P. 4.

¹⁵⁹Еще больше списков (24) участвовало на выборах в Волгоградскую городскую Думу. Тем не менее рекорд Красноярского края 1997 г. (25 списков) перекрыт не был.

¹⁶⁰Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014.

¹⁶¹Сведения о проводящихся выборах и референдумах...

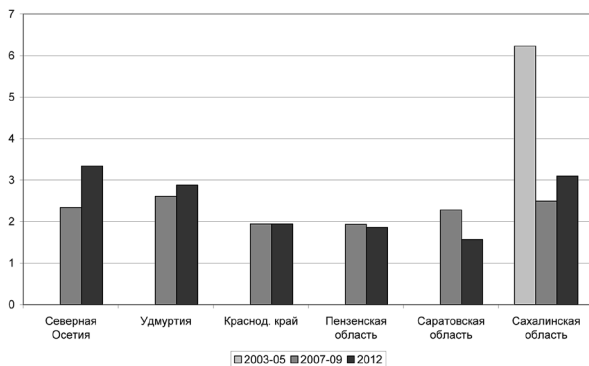
¹⁶²Значения эффективного числа партий для выборов 2003–09 гг. даны в публикациях Г.В. Голосова в журнале Российское электоральное обозрение, 2007, № 1. С. 72–75; 2008, № 1. С. 70; 2009, № 1. С. 70; 2010, № 1. С. 94–95.

¹⁶³Во всех субъектах Федерации, где в 2012–2013 гг. состоялись региональные выборы, предыдущие аналогичные выборы проходили в 2007–09 гг. В Башкирии, Бурятии, Северной

увеличение ЭЧПЭ по сравнению с выборами в Читинскую облдуму 2004 г.; в остальных 10 регионах степень конкурентности не достигла уровня тех лет.

При этом в шести регионах (Краснодарский край, Пензенская и Саратовская области в 2012 г., Башкортостан, Чечня, Кемеровская область в 2013 г.) ЭЧПЭ оказалось ниже 2, что является признаком явно неконкурентных выборов. Иными словами, оппозиционные партии не смогли составить конкуренцию «Единой России».

Диаграмма 1. Эффективное число электоральных партий на региональных выборах 2012 г.

Следует отметить существенные различия между кампаниями 2012 и 2013 гг. Дело не только в том, что в 2013 г. состоялось больше региональных выборов. В 2012 г. электорально управляемыми была половина регионов (три из шести): Краснодарский край, Пензенская и Саратовская области (об этом свидетельствуют низкие значения ЭЧПЭ не только этих, но и предыдущих выборов). В 2013 г. таких регионов была всего четверть – 4 из 16: Башкортостан, Чечня, Кемеровская и Ростовская области.

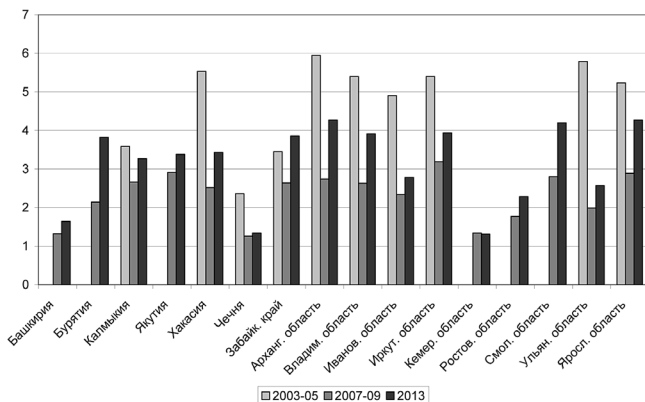
Другое отличие – в количестве и качестве участников выборов. Большинство партий, получивших право на участие в выборах 2012 г., были политтехнологическими проектами (см. гл. 2.3 настоящей монографии) и не могли составить реальную конкуренцию «старым» партиям. К выборам 2013 г. появилось несколько более сильных партий, в частности «Гражданская платформа», «Родина» и Российская партия пенсионеров за

Осетии, Удмуртии, Якутии, Краснодарском крае, Кемеровской, Пензенской, Ростовской, Саратовской и Смоленской областях более ранние созывы были избраны в 2002 г. или в первой половине 2003 г. по мажоритарной системе, поэтому для этих регионов дается сравнение только с выборами 2007–2009 гг.

справедливость, что во многом и обусловило рост реальной конкуренции. Если в 2012 г. лишь в двух (из шести) регионах значение ЭЧПЭ немного превышало 3, то в 2013 г. таких регионов было 10 из 16. Более того, в семи субъектах Федерации этот показатель колебался в диапазоне от 3,8 до 4,3, что говорит об умеренной фрагментации партийной системы. Увеличился и средний уровень ЭЧПЭ: если в 2012 г. он составлял только 2,45, то в 2013 г. – уже 3,14.

Диаграмма 2. Эффективное число электоральных партий на региональных выборах 2013 г.

Что касается качества новых организаций, следует отметить, что большинство новых партий проявили очень слабую электоральную активность. И если в 2012 г. это еще можно было объяснить тем, что только что созданные партии не успели подготовиться к выборам, то в 2013 г. это скорее было свидетельством чисто формального отношения этих партий к требованию о создании необходимого числа отделений – в большинстве регионов у них просто не было ни активистов, ни ресурсов.

Только 18 из 54 новых партий выдвинули списки более чем в половине кампаний (из 28) в региональные парламенты и горсоветы административных центров субъектов РФ. При этом семь партий «богдановского пула», т.е. созданные при участии «Центра Андрея Богданова», выдвигали «пакетные» списки из одних и тех же кандидатов, в основном не имевших отношения к регионам и городам, в которых выдвигались. Эти партии также почти не выдвигали кандидатов в мажоритарных округах. Лишь 11 партий – четыре парламентские, две «старые» непарламентские («ЯБЛОКО» и «Патриоты России») и пять новых («Коммунисты России», «Гражданская платформа», «Родина», РЭП «Зеленые» и Российская партия пенсионеров

за справедливость) – выдвинули более 100 кандидатов в мажоритарных округах (на 601 мандат).

Еще четыре партии (РПР-ПАРНАС, «Партия за справедливость!», Трудовая партия России и «Альянс зеленых – Народная партия») выдвинули от 8 до 12 списков и от 70 до 90 кандидатов в мажоритарных округах (включая кандидатов в мэры региональных центров и губернаторы). Двенадцать партий (в т.ч. «Правое дело») выдвинули от 2 до 11 списков и от 10 до 55 кандидатов – «мажоритарников». Остальные 20 партий выдвинули не более 6 списков и не более 14 кандидатов в мажоритарных округах.

Именно партии «богдановского пула» с их «пакетными» списками, а также применившая ту же технологию «Гражданская сила» обеспечили высокие показатели формальной конкуренции. В общей сложности на выборах в региональные собрания в 2013 г. было выдвинуто 83 «пакетных» списка (из 223), в административных центрах субъектов РФ – 60 (из 216). Не будь этого, ни в одной кампании не набралось бы больше 18 партий, а среднее число участников региональных выборов составило бы 12,4. По-видимому, в регионах не так уж много элитных групп, способных самостоятельно выйти на выборы, и это ограничивает число выдвигаемых партийных списков, несмотря на то, что формально партий зарегистрировано втрое больше.

Некоторые из участников выборов 2012–2013 гг. были по сути спойлерами КПрФ, «Справедливой России» и набиравшей силу «Гражданской платформы». Об этом говорит, в частности, то, что они использовали схожие названия и символику – «Коммунисты России», Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС), «Партия за справедливость!», «Гражданская позиция», «Гражданская сила»¹⁶⁴.

Средний уровень голосования за «партию власти» в 2013 г. снизился по сравнению с предыдущими выборами на 8% – до 54,1%. Тем не менее «Единая Россия» в основном сохранила, а в ряде регионов даже упрочила свои позиции. В 2012 г. данный показатель снизился всего на 0,1%, причем в трех регионах из шести «Единая Россия» получила даже больше голосов, чем на предыдущих выборах. Наиболее заметные флуктуации были в Северной Осетии – на 16,5% голосов меньше, чем 2007 г., и в Саратовской области – на 17,1% больше (диагр. 3).

Снизилась и суммарная доля голосов, поданных за парламентскую оппозицию. Правда, если в 2012 г. принадлежащие к этой категории партии набрали в среднем на 9,55% голосов меньше, чем на предыдущих

---

¹⁶⁴Партия социальных сетей специально перед выборами 2013 г. сменила название на «Гражданскую позицию» в расчете на спойлерскую роль. «Гражданская сила» была создана раньше «Гражданской платформы», но по сути тоже оказалась ее спойлером.

региональных выборах, то 2013 г. их общие потери были почти не заметны – 1,4%. Уровень голосования за «Справедливую Россию» в среднем по стране снизился на 2,2%, за КПРФ – на 1,6%, за ЛДПР – только на 0,3%.

Диаграмма 3. Динамика голосования за «Единую Россию» и парламентскую оппозицию на выборах 2012 г. в сравнении с предыдущими

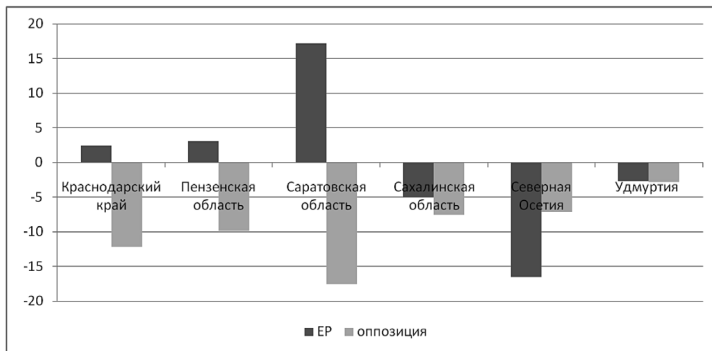

Диаграмма 4. Динамика голосования за «Единую Россию» и парламентскую оппозицию на выборах 2013 г. в сравнении с предыдущими

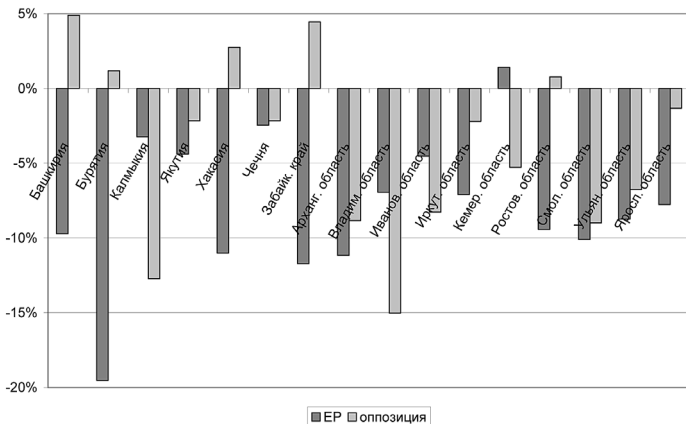

Диаграмма 4 дает наглядную картину электорального эффекта от партийной реформы. В прежних условиях повсеместное (если не считать Кемеровскую область) снижение уровня голосования за «Единую Россию» непременно привело бы к пропорциональному росту показателей парламентской оппозиции. Однако в 2013 г. потерянными «единоборцами»

голоса достались новым участникам выборов. В Башкортостане, Хакасии и Забайкальском крае суммарный выигрыш парламентской оппозиции оказался заметно меньше убытка «партии власти», а в Бурятии и Ростовской области – почти равным нулю. В этих регионах появление новых игроков раздробило голоса, поданные за оппозицию, и не позволило последней обернуть ситуацию к своей пользе. В остальных регионах новички отбирали голоса у всех парламентских партий.

Особенно интересны итоги голосования в Ивановской и Иркутской областях и в Калмыкии. Здесь оппозиция потеряла существенно больше голосов, чем «Единая Россия», в результате чего «партия власти» сохранила доминирующее положение в законодательных собраниях. Усилия властей по «переформатированию» партийной системы в данных регионах оказались эффективными.

На региональных выборах 2012 г. ни одна из новых партий не имела успеха, а из старых непарламентских более-менее удачно выступили только «Патриоты России», занявшие второе место в Северной Осетии (их список возглавлял покинувший «Единую Россию» бывший депутат Государственной Думы олимпийский чемпион А.С. Фадзаев). В горсоветы региональных центров прошли также «ЯБЛОКО» (в Ярославле) и РПР-ПАРНАС (в Барнауле). На прочих муниципальных выборах небольшой успех по партийным спискам имели «Коммунисты России», Партия пенсионеров России, Народная партия «За женщин России» и РЭП «Зеленые».

По итогам выборов 2013 г. представительство в государственных и муниципальных органах получили 22 партии, в том числе 14 – в законодательных собраниях субъектов Федерации. Из них десять прошли по пропорциональной системе (четыре парламентские партии, «Патриоты России», «Коммунисты России», РПР-ПАРНАС, «Гражданская платформа», «Родина» и Российская партия пенсионеров за справедливость) и четыре – только по одномандатным округам (Народная партия «За женщин России», РЭП «Зеленые», «Альянс зеленых – Народная партия» и Партия социальной солидарности). Две партии, «ЯБЛОКО» и КПСС, добились успеха в региональных центрах. Еще шесть партий – «Правое дело», Партия пенсионеров России, Аграрная партия России, Союз труда, «Города России», Партия дела – провели кандидатов в представительные органы иных муниципальных образований.

Средние результаты партий, участвовавших в 2013 г. не менее чем в двух выборах по партийным спискам в региональные парламенты и горсоветы региональных центров, были следующими. Первые четыре места заняли парламентские партии (при этом результаты «Справедливой Россия» и ЛДПР оказались примерно равны – соответственно 8 и 7,9%), за ними со значительным отставанием шла «Гражданская платформа»

(4,5%), за нею – Российская партия пенсионеров за справедливость (3,2%). Еще восемь партий – «Патриоты России», Партия пенсионеров России, РПР-ПАРНАС, «ЯБЛОКО», «Родина», КПСС, Союз труда, «Коммунисты России» – получили от 2,1 до 2,7%. Таким образом, ни одна новая партия не смогла конкурировать с парламентскими партиями, хотя ряд из них достиг уровня старых непарламентских.

Результаты большинства выборов имели «традиционную» конфигурацию. В 2012 г. таковая получилась в пяти регионах из шести, в 2013 г. – в 10 из 16. При этом лишь в трех субъектах РФ – Калмыкии, Хакасии и Иркутской области – «виновниками» нарушения конфигурации были новые партии – «Гражданская платформа» и «Коммунисты России».

Любопытны результаты корреляционного анализа результатов партий с похожими названиями. Оказалось, что сильная корреляция (около 0,61) связывала только «Гражданскую платформу» и «Гражданскую позицию». Вероятно, некоторая часть избирателей просто не смогла различить эти партии – сказались как новизна бренда «Гражданская платформа», так и то, что слова «платформа» и «позиция» близки по значению. Гораздо слабее корреляция между КПРФ и «Коммунистами России» (0,3), между КПРФ и КПСС (0,18). Можно предположить, что спойлерские способности КПСС и особенно «Коммунистов России» заключаются не столько в том, что их путают с КПРФ, сколько в том, что они привлекают тех избирателей, для которых важна лишь коммунистическая номинация, созвучная ностальгии по временам СССР, а также тех, кто, разочаровавшись в КПРФ, ищет «настоящих коммунистов». И совсем отсутствует корреляция между результатами партий, использующих в названии производные от слова «справедливость». По-видимому, это понятие уже затерлось, и сегодня «Справедливая Россия» привлекает голоса отнюдь не с его помощью.

Что касается составов региональных парламентов, избранных в 2012–2013 гг., то здесь результаты реформы еще менее заметны. В 2012 г. в них прошли только старые партии: в каждом были представлены от двух до четырех партий. В 2013 г. – от трех до семи (с учетом одномандатников), при этом новые партии получили места в 10 из 16 парламентов. Однако на фрагментацию депутатского корпуса это повлияло скорее отрицательно. Несмотря на увеличение числа участников, степень плюрализма в органах законодательной власти даже снизилась. Это видно на диаграммах 5 и 6: по сравнению с предыдущим созывом значение ЭЧПП заметно выросло только в двух региональных собраниях (Башкортостан и Северная Осетия) и совсем незначительно – еще в пяти (Хакасия, Чечня, Кемеровская, Ростовская и Сахалинская области). В остальных 15 регионах наблюдалось снижение. Да и в целом значение ЭЧПП довольно низкое: лишь в пяти регионах оно немного превысило 2 (максимум в Северной Осетии – 2,24).

Средняя доля депутатов законодательных собраний от «Единой России» по итогам выборов 2012 г. составила 83%, 2013-го – 78%. В пяти вновь избранных региональных парламентах «партия власти» располагает более чем 90% мандатов. И только в двух у нее менее чем две трети депутатских мест (Северная Осетия и Иркутская область). Особенно много депутатов от «партии власти» избрано по одномандатным округам.

Диаграмма 7 показывает изменение суммарного числа депутатов от разных партий в 22 региональных парламентах. У «Единой России» депутатов стало больше, у КПРФ и ЛДПР их число почти не изменилось, у «Справедливой России» заметно снизилось. СР впервые провела своих представителей в законодательные собрания Ростовской и Ярославской областей, но потеряла часть мандатов в других регионах, а в шести вообще утратила представительство (еще в двух регионах у нее и прежде не было депутатов). Такой результат вполне закономерен, поскольку ранее значительную часть своих голосов «Справедливая Россия» получала как наименее неприемлемая партия; с появлением новых партий она этого преимущества лишилась. Число депутатов от непарламентских партий выросло с 20 до 41, но при этом сильно уменьшилось количество избранных самовыдвиженцев (с 77 до 29).

Старые непарламентские партии показали разные результаты. «Патриоты России» активно участвуют почти во всех выборах и имеют представительство в шести законодательных собраниях, причем в парламенте Северной Осетии фракция этой партии вторая по численности после «Единой России». «ЯБЛОКО» выдвинуло списки в 13 регионах (в одном список был отозван), но успеха нигде не добились. «Правое дело» участвовало в трех выборах 2012 г. и в трех выборах 2013 г., везде с весьма слабым результатом.

Среди восстановленных (или условно восстановленных) партий относительным успехом отличилась Российская партия пенсионеров за справедливость, которая провела по одному депутату в представительные органы Бурятии, Ивановской и Смоленской областей. Более скромные достижения у «Родины», РПП-ПАРНАСа и РЭП «Зеленые».

Из новосозданных партий лидирует «Гражданская платформа», представленная в парламентах четырех регионов, в двух из которых – Законодательном собрании Иркутской области и Народном хурале Калмыкии – она прошла по пропорциональной системе и смогла создать фракции. Появились региональные депутаты и у четырех других партий – «Коммунистов России», Альянса зеленых, Народной партии «За женщин России» и Партии социальной солидарности, это тоже проявление эффекта партийной реформы.

Таким образом, партийная реформа несколько увеличила конкурент-

Диаграмма 5. Эффективное число парламентских партий на региональных выборах 2012 г.

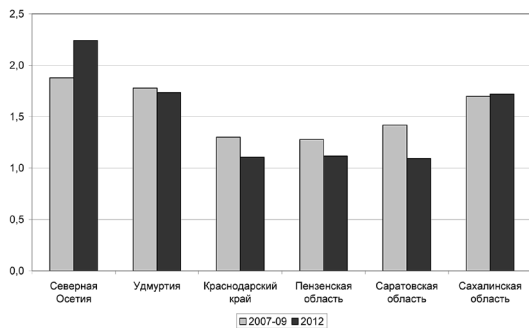

Диаграмма 6. Эффективное число парламентских партий на региональных выборах 2013 г.

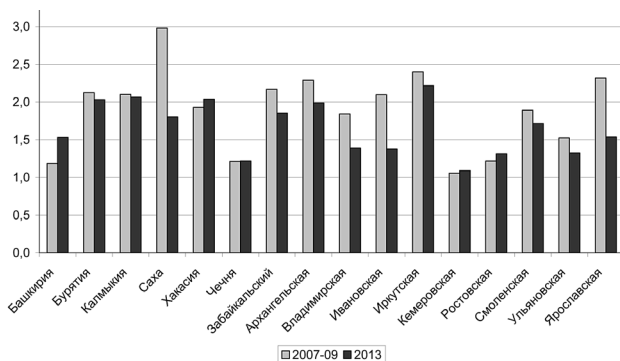
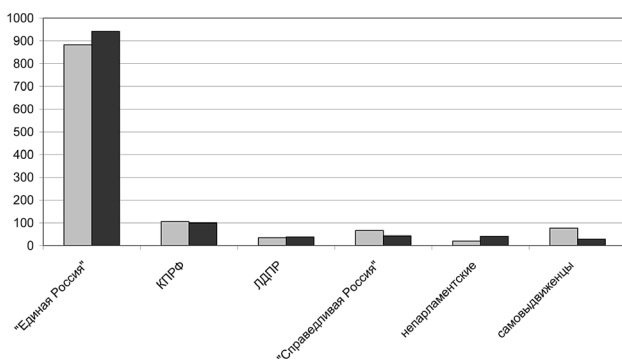

Диаграмма 7. Число депутатов от различных партий в региональных парламентах, избранных в 2012–2013 гг.

ность выборов и немного разнообразила партийный состав региональных парламентов. С другой стороны, она способствовала укреплению позиций «партии власти» – несмотря на заметное снижение в 2013 г. доли голосов, отданных за «Единую Россию», удельный вес ее депутатского корпуса даже немного вырос. Этот результат был достигнут за счет «бонуса» от «потерянных» голосов, в основном отданных за новых участников выборов, – в наибольшей степени он достается партии-фавориту. Так, в четырех регионах – Калмыкии, Владимирской, Ивановской и Ярославской областях – доля голосов за партии, не преодолевшие заградительный барьер, превысила 20%. Свою роль сыграло то, что на региональных выборах все чаще используется метод делителей Имперали, дающий партии-лидеру преимущество при распределении мандатов.

В одном регионе в 2012 г. и в девяти регионах в 2013 г. «Единая Россия» получила менее 50% голосов, но при этом везде более половины (а в основном более 70%) мандатов. Этот эффект «сфабрированного большинства» был достигнут как за счет вышеуказанных факторов, так и благодаря успехам «Единой России» в одномандатных округах¹⁶⁵. Возможно, именно это обстоятельство привело к ускоренному принятию после выборов 2013 г. «закона Клишаса», который увеличил долю депутатов-одномандатников в региональных и местных собраниях¹⁶⁶.

Наблюдается и постепенная диверсификация региональных партийных систем. Если по итогам выборов 2007–09 гг. партийный состав законодательных собраний полностью совпадал с федеральным в 7 из 22 рассматриваемых регионов, то в 2012–2013 гг. – только в четырех (Владимирская и Сахалинская области, Забайкальский край, Удмуртия).

3.1.3. Тенденции выборов 2014 г.

Выборы 14 сентября 2014 г. проходили уже в условиях «контрреформы». Большинство партий было лишено права регистрировать кандидатов без сбора подписей, и это немедленно сказалось на составе участников выборов. Сыграло свою роль и повышение авторитета власти после событий в Крыму и на Украине. Кроме того, среди субъектов Федерации, в которых в 2014 г. состоялись выборы в заксобранья, оказалась почти треть

---

¹⁶⁵Любарев А.Е. Пропорциональная и смешанная избирательные системы на региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации: проблемы «сфабрированного большинства» // *ВВ: Вопросы права и политики (электронный)*, 2013, № 8. С. 65–118 (http://e-notabene.ru/lr/article_9212.html).

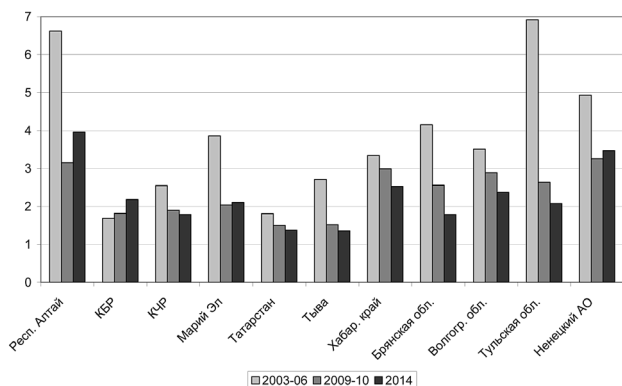
¹⁶⁶Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Российская газета. Федеральный выпуск № 6225*, 6 ноября 2013 г.

электорально управляемых регионов (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Тува).

Как показал анализ, большинство партий (кроме парламентских, «ЯБЛОКА» и «Родины») в 2014 г. снизило активность. В выборах в региональные собрания участвовало от 5 до 14 списков (в среднем 9,1). В целом по стране списки выдвинули 27 партий из 69 имевших право, а с учетом одномандатников – 28.

При этом в 7 из 11 регионов реальная конкуренция, индицируемая ЭЧПЭ, снизилась даже по сравнению с выборами 2009–10 гг. (диагр. 8), а по сравнению с выборами 2003–2006 гг. – везде, кроме Кабардино-Балкарии, где она и раньше была крайне невысокой.

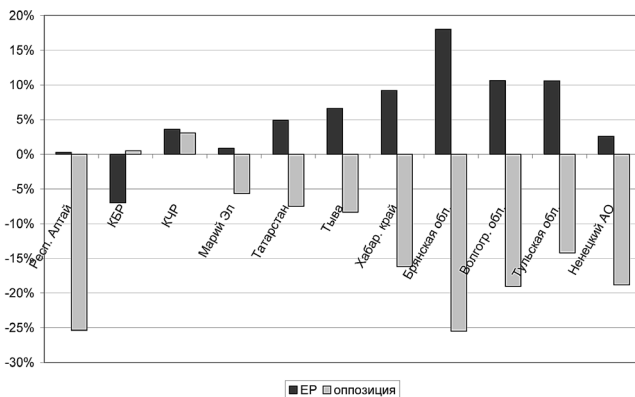
Диаграмма 8. Эффективное число электоральных партий на региональных выборах 2014 г.

Везде, кроме Кабардино-Балкарии, результаты «Единой России» улучшились по сравнению с предыдущими выборами, а парламентской оппозиции в целом – ухудшились (диагр. 9). Наиболее существенный ущерб потерпела «Справедливая Россия»: ее средний результат снизился на 5,4%; в Хабаровском крае и Тульской области она потеряла более 10%. Если же учитывать выборы в региональных центрах, то средний результат «Справедливой России» упал до 5,16%, и ее опередили «Патриоты России» (5,17%)¹⁶⁷. Убытки ЛДПР оказались самыми небольшими: в среднем она потеряла 1,7%, а в Карачаево-Черкесии, Марий Эл и Тульской области ее результат даже вырос.

¹⁶⁷Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Аналитический доклад № 5 по долгосрочному наблюдению выборов 14 сентября 2014 года // Сайт Комитета гражданских инициатив (<http://komitetgi.ru/analytics/1816>).

Диаграмма 9. Динамика голосования за «Единую Россию» и парламентскую оппозицию на выборах 2014 г. в сравнении с предыдущими

Достижения непарламентских партий были заметно меньшими, чем в 2013 г. Более чем в одном регионе заградительный барьер преодолели только «Патриоты России»; «Родина», РЭП «Зеленые» и «Гражданская сила» – только в одном; при этом «Родина» провела по одному одномандтнику еще в трех регионах. Представительства в legislatures региональных центров помимо «Патриотов России» и «Родины» получили также «Гражданская платформа», «Коммунисты России», Российская партия пенсионеров за справедливость и Партия пенсионеров России. В других муниципальных образованиях определенный успех имели также «ЯБЛОКО», Народная партия «За женщин России», «Города России», Партия дела, «Рожденные в СССР», Российская партия народного управления и Партия ветеранов России.

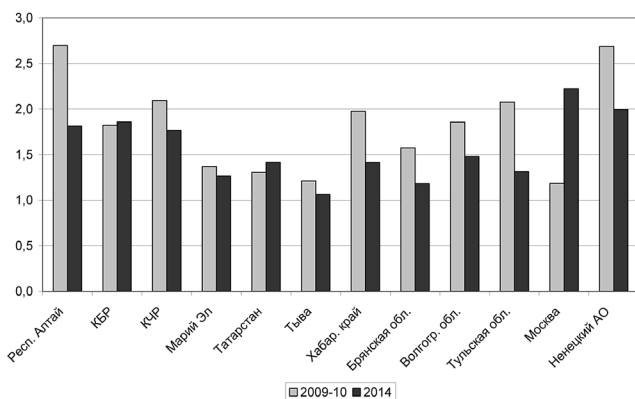
«Традиционная» конфигурация на этот раз сложилась только в 4 регионах из 14, а совпадение партийного состава депутатского корпуса с федеральным – только в одном (Волгоградская область, если не считать прохождения кандидата от «Родины» в одномандатном округе). Однако своим обновлением партийный состав обязан не успехам новых партий, а неудачам «Справедливой России» – в Кабардино-Балкарии ее обошла РЭП «Зеленые», в Марий Эл и Брянской области – «Коммунисты России», в Тульской области – Российская партия пенсионеров за справедливость.

Что касается партийной принадлежности избранных в 2014 г. депутатов, то в этом отношении картина мало отличалась от 2012–2013 гг., разве что в Москве доля депутатов от «Единой России» составила менее двух третей. Впрочем, этот показатель можно считать искусственно заниженным, поскольку здесь часть «единороссов» баллотировалась как самовыдвиженцы. В Туве и Брянской области ЕР получила более 90% мандатов.

Как видно из диаграммы 10, только в Москве ЭЧПП по сравнению с предыдущими выборами значительно повысилось (в том числе благодаря перекалфикации части «единороссов» в самовыдвиженцы). Незначительное повышение имело место также в Кабардино-Балкарии и Татарстане. В остальных девяти регионах зафиксировано снижение, нередко довольно сильное. Ну а в двух новых регионах степень плюрализма оказалась совсем низкой – в обоих заградительный барьер преодолели всего две партии.

Диаграмма 10. Эффективное число парламентских партий на региональных выборах 2014 г.

Также налицо повышение суммарного количества депутатов в «старых» регионах у «Единой России» и снижение этого показателя у КПРФ, «Справедливой России» и самовыдвиженцев. ЛДПР увеличила свое представительство на одного человека. Небольшой рост – с 4 до 11 депутатов – наблюдается у непарламентских партий – при том, что их число увеличилось значительно.

Таким образом, контрреформа 2014 г. существенно снизила положительный эффект реформы 2012 г. (повышение уровня конкурентности выборов) и закрепила отрицательный (усиление доминирования «Единой России»).

3.14. Новая стратификация российской партийной системы

Главным итогом выборов 2012–2014 гг. стала новая стратификация российской партийной системы.

Ее высшую ступень занимает «Единая Россия», доминирующая в федеральном и всех региональных законодательных органах.

Второй уровень образуют партии парламентской оппозиции, представленные в Госдуме и большинстве региональных законодательных собраний.

На третьем находятся партии, которые сумели провести кандидатов по партийным спискам хотя бы в один региональный парламент. После выборов 2014 г. таковых стало десять: «Патриоты России», «ЯБЛОКО», «Гражданская платформа», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Правое дело», «Родина», РЭП «Зеленые», «Коммунисты России», РПР-ПАРНАС и «Гражданская сила». Эти партии по действующему закону имеют право не собирать подписи избирателей на выборах в Государственную Думу, а также на региональных и муниципальных выборах в тех субъектах Федерации, где они прошли в региональные парламенты.

Четвертый уровень складывается из партий, которые смогли провести депутатов в региональные legislatures только по мажоритарным округам и/или в муниципальные собрания. Таких партий сейчас 12: Народная партия «За женщин России», Альянс зеленых и социал-демократов, Партия пенсионеров России, КПСС, Партия социальной солидарности, Партия дела, Аграрная партия России, «Города России», Союз труда, Партия ветеранов России, Российская партия народного управления и «Рожденные в СССР».

На пятом, «нулевом», уровне – все остальные партии.

Так что вывод о начале «представительной многопартийности»¹⁶⁸ если и имеет под собой основания, то относится только к электоральной плоскости. На региональные законодательные собрания эта тенденция не распространилась.

3.2. Партийная реформа и изменения в структуре электоральных размежеваний

Наряду с более-менее очевидными изменениями в расстановке партийно-политических сил по итогам региональных выборов 2012–2014 гг. существует также пласт явлений, не заметных невооруженному глазу, но ничуть не менее важных для понимания взаимозависимости политики и состояния общества. В первую очередь это относится к структуре электоральных размежеваний.

Речь идет не о формуле Липсета–Роккана, использующейся для объяснения долгосрочных связей между определенными сегментами электората и политическими партиями, а о методике микроанализа, базирующейся на количественных методах. В основу этой методики положено понимание размежевания как некоего базового принципа политического действия. Размежевание появляется везде, где перед субъектами политики возни-

---

¹⁶⁸Российская партийная система: текущее состояние и перспективы развития. Доклад Фонда развития гражданского общества. М., 2013. С. 21.

кает выбор (а именно в этом и состоит суть электоральных процедур). Множество субъектов политики – избирателей, – совершая свой выбор, формируют тем самым сложную систему размежеваний, разобраться в которой позволяют математические методы – прежде всего корреляционный, факторный и регрессионный анализ.

В зарубежной и отечественной политической науке имеется немалый опыт использования концепции размежеваний для интерпретации итогов выборов¹⁶⁹, но предметом изучения выступали, как правило, общенациональные выборы, территориальные различия в результатах которых анализировались на уровне наиболее крупных единиц – субъектов Федерации в России или воеводств в Польше. Если же опуститься на уровень ниже, на котором в роли случаев (cases) будут выступать муниципальные образования (городские округа и муниципальные районы), то это потребует внесения в методику определенных изменений.

3.2.1. Исследовательская методика (универсальная)

Первые три шага исследовательской процедуры являются общими для выборов любого уровня. Четвертый шаг касается изучения результатов выборов – как федеральных, так и региональных – на уровне субъектов Федерации, пятый – выборов исключительно внутрорегионального уровня¹⁷⁰.

---

¹⁶⁹Slider D., Gimpelson V. E. and S. Chugrov. Political tendencies in Russia regions – evidence from the 1993 parliamentary elections, *Slavic Review*, 53(3), 1994; Chugrov, S. Regional Electoral Behaviour and Russian Nationalism. The Office of Information and Press, Democratic Institutions Fellowship Programme, NATO. Final Report. 1997, June. Available at <http://www.nato.int/acad/fellow/95-97/chugrov.pdf>; Zarycki, T. The new electoral geography of Central Europe. Research Support Scheme Electronic Library (<http://e-lib.rss.cz>), Open Society Institute, Budapest, 1999. Available at http://academia.edu/attachments/5279514/download_file; Zarycki, T. Four Dimensions of Center-Periphery Conflict in the Polish Electoral Geography in: T. Klonowicz & G. Wiczorkowska (Eds.), *Social Change. Adaptation and Resistance* (Warsaw: Warsaw University – Institute for Social Studies, 2002); Zarycki, T. and A. Nowak. Hidden Dimensions: the Stability and Structure of Regional Political Cleavages in Poland, *Communist and Post-Communist Studies*, 33(2), 2000; Ахременко А.С. Структуры электорального пространства // М.: Социально-политическая мысль, 2007; Коргунюк Ю.Г. Псевдодоминантная партийная система и предпочтения российских избирателей // *Полития*, 2009, № 4; Коргунюк Ю.Г. Структура электоральных размежеваний в постсоветской России и перспективы политического развития страны // *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра* // М.: КМК, 2012; Коргунюк Ю.Г. Структура электоральных размежеваний в избирательном цикле 2011–2012 и возможные сценарии развития ситуации // *Полития*, 2012, № 3; Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и факторный анализ // *Полития*, 2013, № 3; Korgunyuk Yu. Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia // *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 15, No 4, December 2014; № 3; Коргунюк Ю.Г. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года // *Полития*, 2014, № 3 и др.

¹⁷⁰Во всех случаях речь идет о выборах по пропорциональной системе, т.е. по партийным спискам.

Первый шаг заключается в определении структуры электоральных размежеваний. Для этого результаты выборов по пропорциональной системе переводятся из абсолютных цифр в проценты и подвергаются факторному анализу. Выявленные таким образом латентные факторы трактуются как электоральные размежевания. Приведем для примера результаты факторного анализа итогов думских выборов 2011 г. (табл. 1).

Таблица 1.

	Недейств. бюллетени	Справ. Россия	ЛДПР	Патриоты России	КПРФ	Яблоко	Единая Россия	Правое дело	Expl. var	Prp. total (%)
Фактор 1	-0,75	-0,82	-0,82	-0,8	-0,67	-0,64	0,97	-0,64	4,75	59,35
Фактор 2	0,16	0,13	-0,31	-0,12	-0,57	0,45	0,16	0,58	1,04	13,03

Первый фактор здесь – размежевание между «Единой Россией», с одной стороны, и всеми остальными участниками выборов, с другой; второй – между «Правым делом» и «ЯБЛОКОМ», с одной стороны, и КПРФ (отчасти ЛДПР), с другой. Большинство экспертов сразу скажет, что первое размежевание следует трактовать как противостояние власти и «невласти» (или «общественности», т.е. слоя политически активных, образованных людей, оттесненных от принятия политических решений), а второе – как расхождения между сторонниками европейского и «самобытного» путей развития страны.

Но чтобы доказать это, необходимо сопоставить электоральные размежевания с размежеваниями политическими. Выявление последних – содержание второго шага исследовательской процедуры. С этой целью проводится анализ агитационной продукции партий в период рассматриваемой избирательной кампании и выделяются те вопросы, которые не могут быть обойдены вниманием ни одним из более-менее крупных участников. Позиция каждого из них оценивается по шкале диапазоном от -5 до +5 (если кто-то проигнорировал проблему, ему выставляется либо «ноль», либо оценка, вытекающая из позиции по одному из смежных вопросов, но с понижающим коэффициентом), после чего полученные данные также подвергаются факторному анализу.

Результаты анализа применительно к думской кампании 2011 г. показывают, что политическое пространство России этого периода (и не только этого, но об этом позже) формировалось тремя основными размежеваниями (табл. 2).

По первому из них наибольшие факторные значения (factor scores) – с положительным либо отрицательным знаком – получили такие темы, как «введение прогрессивного подоходного налога и налога на роскошь»,

Таблица 2.

	Справ. Россия	ЛДПР	Патриоты России	КПРФ	Яблоко	Единая Россия	Правое дело	Expl.var	Prp.total (%)
Фактор 1	-0,58	-0,48	-0,80	-0,90	0,26	0,22	0,64	2,56	36,52
Фактор 2	0,53	0,36	0,13	-0,06	0,85	0,19	0,63	1,67	23,80
Фактор 3	-0,17	-0,06	0,28	0,08	-0,17	0,93	0	1,01	14,48

«бесплатность образования и медицинского обслуживания», «направление средств резервных фондов на бюджетные расходы», «повышение пенсионного возраста». Исходя из того, что главными участниками размежевания являлись КПРФ, «Патриоты России» и «Справедливая Россия», с одной стороны, и «Правое дело», с другой, можно сделать вывод, что мы имеем дело с размежеванием социально-экономического характера – между эгалитаристами-патерналистами и либералами-рыночниками.

Во втором размежевании четко обозначился только один полюс, представленный «ЯБЛОКОМ», «Правым делом» и «Справедливой Россией», факторные значения «Единой России», КПРФ и «Патриотов России» колеблются около нулевой отметки. Интерпретация этого измерения оказалась самой трудной. Судя по кругу тем с наибольшими факторными значениями – «ратификация ст. 20 Международной конвенции по борьбе с коррупцией», «отмена мигалок», «восстановление реальных выборов, расширение политической конкуренции», «степень оппозиционности (самооценка)», «отмена частной собственности на землю», «отношение к советскому прошлому», «возвращение смертной казни», – в данном случае имеет место некое системное размежевание, точнее, размежевание, формирующееся вокруг некоего системного противоречия. В первых четырех вопросах, отмеченных наивысшими отрицательными значениями, «Единая Россия» противостоит всем остальным участникам выборов, тогда как в последних трех, с наибольшими положительными значениями, в аналогичном положении оказались КПРФ и «Патриоты России». Главные антагонисты, таким образом, – «единороссы», с одной стороны, и «советские традиционалисты», с другой. Причем первые противостоят всем остальным в тактических вопросах, вторые – в стратегических, в целом же в этих противостояниях отражается суть системного противоречия как такового.

Наконец, третье размежевание, судя по уникально высокой факторной нагрузке «Единой России» и содержанию некоторых тем («отношение к Путину», «отмена мигалок», «освобождение Ходорковского», «отказ от призыва и переход к контрактной армии», «нарушение властью избирательного законодательства», «определение созданного в стране режима как

авторитарного»), определяется отношением к сохранению монопольного положения «партии власти» в политической системе страны. В более широком плане данное размежевание можно трактовать как противостояние по линии «авторитаризм—демократия», т.е. как разновидность консервативно-либерального размежевания. Вместе с тем его можно рассматривать и как противостояние сторонников и противников существующего режима, т.е. власти и оппозиции: ведь в системе, в которой доминирующее положение «партии власти» обеспечивается в основном административными методами, оппозиция всегда будет стремиться к расширению пространства политической конкуренции.

Полученные результаты нетрудно сопоставить с факторными нагрузками электоральных размежеваний. Для этого достаточно провести простой корреляционный анализ, который обнаруживает сильную связь первого электорального размежевания с третьим политическим, а второго электорального – с первым и вторым политическими (табл. 3).

Таблица 3.

	1-е политическое размежевание	2-е политическое размежевание	3-е политическое размежевание
<i>1-е электоральное размежевание</i>	0,469	0,393	0,886
<i>2-е электоральное размежевание</i>	0,853	-0,764	0,071

Таким образом, предположение, что первое электоральное размежевание отражает противостояние сторонников и противников существующего в России политического режима (власти и «общественности»), а второе – противостояние сторонников «самобытного» (эгалитаристски-патерналистского) и «европейского» (либерально-рыночного) путей развития страны, получает эмпирическое подтверждение. Причем выясняются некоторые дополнительные детали, а именно то, что второе электоральное размежевание связано сразу с двумя политическими: социально-экономическим (между эгалитаристами-патерналистами и либералами-рыночниками) и системным, касающимся в том числе выбора пути развития страны – «европейского» либо «самобытного».

В любом случае можно считать доказанным, что у выявленных думскими выборами 2011 г. электоральных размежеваний имеется вполне конкретное политическое содержание. Кроме того, у этих размежеваний есть еще один аспект: они связаны не только с политическим сознанием, но и с социальным бытием. Связи второго рода можно выявить сравнивая факторные значения (factor scores) каждого из регионов, выступающих в роли случаев (cases), с зафиксированными статистикой социально-экономическими и демографическими показателями соответствующих терри-

торий. Корреляционный анализ позволяет выявить значимые связи между факторными переменными обоих электоральных размежеваний и какими-либо из этих показателей, а пошаговая линейная регрессия – определить иерархию предикторов по степени влияния на зависимую переменную¹⁷¹.

Однако еще полезнее будет подвергнуть факторному анализу всю совокупность социально-демографических и экономических показателей, получив на выходе картину социальной стратификации российского общества (табл. 4).

Таблица 4.

	Стратифицирующий фактор ¹⁷²	Доля объясненной дисперсии (%)
1	Уровень урбанизации	45,99
2	Демографический признак (национальность, возраст, трудоспособность и т.п.)	15,30
3	Степень развитости социальной сферы	9,34
4	Уровень доходов населения	4,65
5	Уровень потребления	4,04
6	Уровень развития частного сектора	3,68
7	Уровень социального благополучия (преступность, возможность трудоустройства)	3,12

Вычисленные факторные переменные не особенно коррелируются с факторными переменными электоральных размежеваний, зато выстраиваются в регрессионные модели, практически исключающие возможность ошибки. Модель, полученная для размежевания «власть–общественность», с небольшими расхождениями повторяет картину социального расслоения российского общества – из нее выпадает последний, седьмой, предиктор, а второй и третий – демографический и социальный – меняются местами (табл. 5).

По размежеванию между социал-самобытниками и либералами-западниками картина несколько меняется: первые два предиктора – экономический (урбанистический) и социальный – сохраняют ведущее положение, а демографический перемещается на шестую позицию, уступая место расслоению по уровню развития частного сектора (табл. 6).

¹⁷¹Опыт подобных исследований см. Slider D., Gimpelson V. E. and S. Chugrov (1994) Political tendencies in Russia regions – evidence from the 1993 parliamentary elections...; Zarycki, T. (1999) The new electoral geography of Central Europe. Research Support Scheme Electronic Library; Zarycki, T. (2002) Four Dimensions of Center-Periphery Conflict in the Polish Electoral Geography...; Zarycki, T. and A. Nowak (2000) Hidden Dimensions: the Stability and Structure of Regional Political Cleavages in Poland...; Ахременко А.С. Структуры электорального пространства...; Коргунок Ю.Г. Структура электоральных размежеваний в постсоветской России и перспективы политического развития страны...; Коргунок Ю.Г. Структура электоральных размежеваний в избирательном цикле 2011–2012 и возможные сценарии развития ситуации...; Коргунок Ю.Г. Концепция размежеваний и факторный анализ...; Korgunyuk Yu. Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia...; Коргунок Ю.Г. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года...

¹⁷²Разумеется, интерпретация всех этих факторов носит достаточно условный характер, причем чем меньшую долю вариации объясняет тот или иной фактор, тем выше степень условности. Для наименее значимых факторов она приближается к уровню простой догадки.

Таблица 5.

	<i>Standardised Beta</i>	<i>Sig.</i>
Уровень урбанизации	-0,430	0,000
Степень развитости социальной сферы	0,389	0,000
Демографический признак (национальность, возраст, трудоспособность и т.п.)	0,380	0,000
Уровень доходов населения	-0,341	0,000
Уровень потребления	0,220	0,000
Уровень развития частного сектора	-0,123	0,020

Таблица 6.

	<i>Standardised Beta</i>	<i>Sig.</i>
Уровень урбанизации	0,398	0,000
Степень развитости социальной сферы	0,319	0,000
Уровень развития частного сектора	0,274	0,000
Уровень доходов населения	-0,259	0,000
Уровень потребления	-0,198	0,003
Демографический признак (национальность, возраст, трудоспособность и т.п.)	0,190	0,004

Другими словами, получается, что наиболее значимое влияние на формирование обоих размежеваний оказал уровень урбанизации и развития социальной сферы, отличие заключается только в факторах третьей очереди: на «властно-общественное» размежевание больше повлиял демографический фактор, на «западно-самобытное» – степень развитости частного сектора.

Таким образом, данная методика позволяет построить математизированную модель, выявляющую связи структуры электоральных размежеваний со структурой размежеваний политического пространства, а также с социальной стратификацией общества. Ее применение к анализу итогов всех думских выборов в период 1993–2011 гг., дает интересные результаты.

В частности, выясняется, что политическое пространство постсоветской России является трехмерным – число размежеваний в нем всегда равно трем. Содержание этих размежеваний расплывчато и неустойчиво, тем не менее некоторые закономерности проследить можно. В частности, первое, наиболее влиятельное, размежевание явно соотносится с вопросами социально-экономического свойства. Но не только с ними. В 1990-х гг. оно было очень тесно связано также с выбором пути развития страны, выливаясь в противостояние «прогрессистов» («модернистов») и «красных традиционалистов».

Лишь в 1993 г. данное размежевание уступало лидирующее положение другому, характер которого поддается истолкованию с наибольшими трудностями. Исходя из того, что один из полюсов данного размежевания, как правило, сглажен (более или менее заметно он обозначался только в 1995 и 2003 гг., в первом случае его образовал блок «ДВР – Объединенные демократы», во втором – Концептуальная партия «Единение»),

можно предположить, что оно строится вокруг отношения к основному системному противоречию: наиболее антагонистичные политические силы занимают места ближе к центру (точка наибольшего обострения противостояния), тогда как остальные располагаются на обочине. В 1990-х гг. стержнем системного противоречия было противостояние реформистов и антиреформистов, поэтому наиболее яростные реформисты («Выбор России», СПС) и антиреформисты (коммунисты) тяготели к центру, тогда как все приверженцы «золотой середины» и «уклонисты» от ответов на неудобные вопросы вытеснялись на периферию. Выталкивание ДВР-ОД на один из полюсов размежевания – свидетельство прогрессирующей маргинализации реформистов гайдаровского толка в середине 1990-х. В 2000-х конфигурация системы последовательно преобразовывалась в противостояние «партии власти» и ее противников, поэтому ближе к центру оказались «Единая Россия» со своими сателлитами и ее основные конкуренты, тогда как маргиналы помещались на периферии либо, как в случае с резко выламывающейся из всех стереотипов КП «Единение», на противоположном полюсе размежевания.

Наконец, третье размежевание больше всего напоминает противостояние сторонников авторитарных и демократических методов управления страной. Очень часто оно походит также на размежевание по линии «власть–оппозиция», однако в любом случае основное противостояние формировалось вокруг вопросов, связанных с расширением либо сужением пространства политической конкуренции.

Следует отметить, что подобная трехмерность постсоветского политического пространства интуитивно ощущалась исследователями и раньше. Еще в середине 1990-х известный политик и политолог А. Денисов предложил дополнить традиционную классификацию общественно-политических объединений в условной «горизонтальной» системе координат «левые–правые» вторым, «вертикальным», измерением, характеризующим степень их политического радикализма. При этом в нижней части двумерной схемы на небольшом удалении от горизонтальной оси он разместил «центристов» («прагматиков»), которые готовы считаться «с неизбежным консерватизмом основной массы населения, связанным с психологической перестройкой и неспешной адаптацией к любого рода реформам», а в верхней – «нетерпеливых доктринеров, не склонных снисходить к несовершенству реформируемых масс и тяготеющих к принуждению»¹⁷³. Промежуточное, срединное положение между «центристами» и «радикалами» было отведено «умеренным» (рис. 1).

---

¹⁷³ Денисов А.А. Политический паноптикум // Денисов А.А. Глазами народного депутата СССР. Вып. 3. СПб., 1994. С. 105.

Рис. 1.

Примерно тогда же М. Грачев предложил дополнить данную схему третьим измерением, которое учитывало бы социокультурные особенности политических целей, обозначенных в программных документах партий и движений. В рамках этого измерения сторонники современного западничества (европейских, общечеловеческих ценностей) противопоставлялись приверженцам различных видов традиционализма («мягкий консерватизм», имперская идея, радикальный национализм и т.д.). В целом трехмерность российского политического пространства была отражена на схеме, предложенной М. Грачевым для анализа расстановки сил на думских выборах 1995 г.¹⁷⁴ (рис. 2).

По мнению М. Грачева, в 1990-х гг. данное трехмерное пространство находилось в состоянии неустойчивого равновесия, причем основное противостояние складывалось между уравновешивающими друг друга «правыми западниками» и «левыми традиционалистами» – с определенными колебаниями в направлении «правого традиционализма».

Следует заметить, что трехмерность политического пространства является показателем его переходного состояния. В принципе для этого пространства более органична двумерность, обусловленная стремлением массового сознания максимально упростить политическую картину мира.

¹⁷⁴Грачев М.Н. Особенности современной российской многопартийности // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Тезисы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию РУДН (секция «Философия, политика, культура»). М., 1995. С. 69–71.

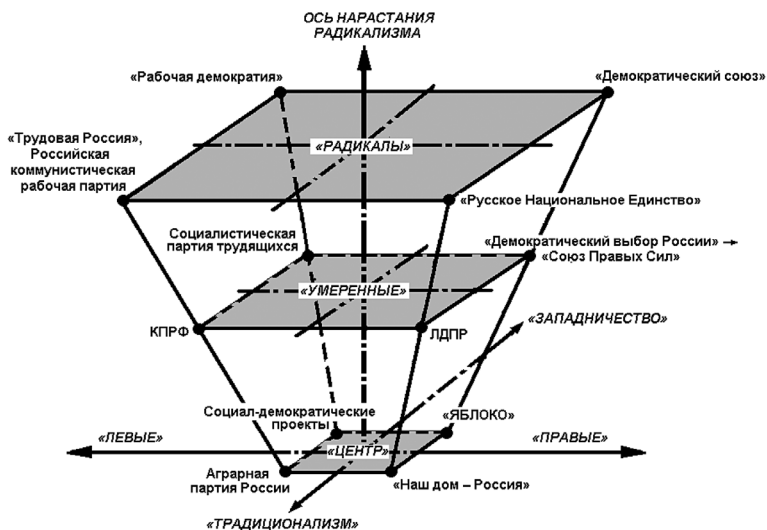

Рис. 2.

Как правило, наиболее успешные политические игроки придерживаются сколько-нибудь жестких позиций только в тех вопросах, в которых они тесно связаны со своим базовым электоратом, в остальных же стараются колебаться в соответствии с доминирующими в обществе настроениями, избегая при этом неудобных для себя тем. Отсюда – сведение всего разнообразия политических измерений (обычно их выделяют от пяти до семи¹⁷⁵) к двум основным.

В большинстве европейских стран роль этих двух политических размежеваний исследователи отводят социально-экономическому и постма-

¹⁷⁵Hinich, M. and M.Munger. Analytical Politics. Cambridge, N.Y., 1997; Budge, I. Issue Dimensions and Agenda Change in Postwar Democracies: Long-Term Trends in Party Election Programmes and Newspaper Reports in Twenty-Three Democracies // Riker W. (ed.) Agenda Formation. Ann Arbor, 1993 etc.; Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven and L., 1999; Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Идеологическое структурирование российского партийного спектра в преддверии избирательного цикла 2007–2008 гг. // Политэкз, 2007, № 1; Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Структурирование партийного спектра России в преддверии парламентских и президентских выборов 2007–2008 гг. // Россия и современный мир, 2007, № 2; Калинин К.О. Эволюция идеологических размежеваний в российской партийной системе: 1995–2003 // Электоральное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник 2008. М.: РОССПЭН, 2009; Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А. Структура партийного спектра России // Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах. М.: РАПН, РОССПЭН, 2012; Толпыгина О.А. Динамика проблемных измерений в партийной риторике предвыборных кампаний 2007, 2011 гг. // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра // М.: КМК, 2012.

териалистическому, в Латинской Америке – тем же двум, что и в России, – авторитарно-демократическому и социально-экономическому¹⁷⁶. И лишь там, где режимы переживают некий переходный этап, появляется третье: в 1990-х гг. в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы оно, как и в России, было связано с отношением к политическим и экономическим реформам, а в Латинской Америке середины 1990-х – с выбором между светским и религиозным взглядом на мир (противостояние между «либералами» и «фундаменталистами»)¹⁷⁷. И если в Центральной и Восточной Европе, а также Латинской Америке срок присутствия третьего, системного, измерения был достаточно ограниченным, не более десятилетия, то у нас оно задержалось надолго.

В плане взаимосвязанности политических и электоральных размежеваний опыт думских выборов показал, что определенное политическое наполнение имели, как правило, не более двух из трех-четырёх имеющихся электоральных размежеваний. Остальные обуславливались некими посторонними факторами – либо дезориентацией избирателя, либо воздействием административного ресурса.

Наибольший искажающий эффект воздействие этих факторов оказало на выборы 1999 г., когда первое по значимости электоральное размежевание – между КПРФ и блоком «Отечество – Вся Россия», с одной стороны, и всеми остальными участниками выборов, с другой, было полностью лишено какой бы то ни было политической интерпретации, а оставшиеся два, хоть и отражали в определенной степени противостояние между социал-патерналистами и либералами-рыночниками, но были существенно «искорежены» конкуренцией между ОВР и «Единством»¹⁷⁸.

Однако и на предыдущих выборах административный ресурс искажающим образом влиял на электоральные размежевания: в 1993 г. – на второе по значимости, в 1995-м – на третье¹⁷⁹. Подобные расхождения объясняются тем, что в 1990-х гг. только региональным и местным элитам удавалось успешно применять административный ресурс, и поскольку они поддерживали разные партии и блоки без оглядки на политическую ориентацию

---

¹⁷⁶Moreno, A. *Political Cleavages: Issues, Parties, and the Consolidation of Democracy*. Boulder, CO: Westview Press, 1999; Stoll, H.M. *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. A Dissertation Submitted to the Department of Political Science and the Committee on Graduate Studies in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Santa Barbara: University of California, December 2004. P. 44 (<http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf>).

¹⁷⁷Stoll, H. M. *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics...* P. 44.

¹⁷⁸Подробнее см. Коргунок Ю.Г. Концепция размежеваний и факторный анализ...; Korgunuk Yu. *Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia...*

¹⁷⁹Там же.

последних, то получался разнობой. Как только административный ресурс был централизован и направлен в русло безусловной поддержки В. Путина, исчезли и расхождения – с этих пор адмресурс работал исключительно на рост влияния авторитарно-демократического политического размежевания.

В итоге: если в 1990-х гг. самым сильным из электоральных размежеваний было противостояние рыночных модернистов и антирыночных «красных традиционалистов», то начиная с 2003 г. противостояние по линии «авторитаризм–демократия» вытеснило противостояние по социально-экономическому признаку на второе место, заставив его к тому же слиться с системным размежеванием.

Что же касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то, независимо от их политического содержания, стратификационным фактором, оказывавшим наибольшее влияние на их структуру, был уровень урбанизации регионов (в 1990-х гг. он работал на реформистские партии и блоки, начиная с 2000-х – на противников «партии власти»). Исключением стали только выборы 2003 г., когда на первое место вышел демографический фактор: по всей видимости, это было связано с тем, что «триумфальное шествие» «Единой России» началось с национальных образований, существенно отличающихся по демографическим характеристикам от остальных регионов страны. Впрочем, в целом данный фактор имел большое значение и в других кампаниях, занимая, как правило, второе по влиятельности место. На противостояние между социал-патерналистами («самобытниками») и либералами-рыночниками («западниками») заметное влияние оказывал и фактор социальной благоустроенности (в большинстве случаев третий по значимости)¹⁸⁰.

3.2.2. Исследовательская методика для регионального уровня

Предыдущие этапы методики – выявление структуры электоральных и политических размежеваний, их сопоставление, выявление структуры социальной стратификации и ее сопоставление со структурой электоральных размежеваний – являются обязательными для любого исследования в данной сфере. Однако переход с общенационального уровня на уровень регионов требует ряда дополнительных модификаций методики.

В частности, необходимо определить с помощью кластерного анализа основные группы регионов, близких как по политической «окраске» электоральных размежеваний, так и по степени социально-экономической и демографической обусловленности последних. В качестве данных для кластерного анализа лучше всего подходят следующие показатели: средняя явка избирателей; корреляция между явкой и голосованием за «Единую

---

¹⁸⁰Там же.

Россию»; количество электоральных размежеваний, а точнее, доля объясненной дисперсии каждого из них; модули коэффициентов корреляции между факторными значениями (factor loadings) партий для каждого из электоральных и каждого из политических размежеваний; модули стандартизированных бета-коэффициентов из регрессионных моделей, выявляющих связь между электоральными размежеваниями и основными факторами социальной стратификации.

Поскольку в разных субъектах Федерации стратификационные факторы различаются как по своему влиянию, так и по месту в иерархии (например, в Москве и Санкт-Петербурге бессмысленно говорить об уровне урбанизации – там и там он равен 100%), необходимо прежде всего определить их стандартизированный набор. Вполне естественно, что в этот набор войдут, во-первых, наиболее часто встречающиеся, а во-вторых, отмеченные регрессионными моделями как в наибольшей степени влияющие на электоральные размежевания.

В число показателей¹⁸¹, использованных для выявления факторов социальной стратификации вошли: численность населения муниципального образования; площадь его территории; плотность населения; доля городского населения; доля русских; доля женщин; средний и медианный возраст; доля основных возрастных категорий (людей трудоспособного возраста, а также младше и старше оного); коэффициент демографической нагрузки; доля состоящих в браке (в том числе отдельно для мужчин и для женщин); доля имеющих высшее образование; доля работающих; доля ведущих подсобное хозяйство; доля получающих стипендию; доля пенсионеров; доля получающих пособие по безработице; доля экономически активного населения; доля занятых в экономике; доля работающих не по найму среди занятых в экономике; доля работодателей среди занятых в экономике; доля уроженцев соответствующего муниципального образования; доля домохозяйств, не имеющих горячего водоснабжения и канализации; доля домохозяйств, имеющих стационарную телефонную связь и интернет; количество субъектов малого бизнеса на 10 тыс. человек; доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах муниципального образования; среднемесячная зарплата работников крупных, средних предприятий

---

¹⁸¹Исходным материалом для этих показателей послужили данные, опубликованные на сайтах региональных подразделений Росстата (материалы всероссийской переписи 2010 г. и сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса 2010–11 гг.), а также База данных показателей муниципальных образований Росстата. К сожалению, пришлось отказаться от такого содержательного показателя, как уровень преступности (количество преступлений на 10 тыс. человек), – эти данные должно публиковать Министерство внутренних дел, однако большинство его региональных управлений, судя по всему, считают статистику муниципального уровня страшной ведомственной тайной.

и НКО; среднемесячная зарплата работников муниципальных учреждений; отношение зарплаты работников муниципальных учреждений к зарплате работников предприятий и НКО; средняя площадь жилых помещений на одного человека; объем инвестиций в основной капитал на одного человека.

К сожалению, не везде были доступны все эти показатели, что, по всей видимости, сказалось и на количестве выявленных факторов социальной стратификации – от региона к региону их число варьировалось от четырех до девяти. Тем не менее для определения наиболее значимых факторов этого достаточно.

Наиболее легко фиксируемый и значимый фактор – уровень урбанизации, первый по влиятельности для 75 из 82 регионов¹⁸². Исключение в этом отношении составили только Москва и Санкт-Петербург (по понятным причинам), Калмыкия, Ингушетия, Ленинградская, Московская и Мурманская области. Причем в Ленинградской и Мурманской областях, а также Калмыкии этот фактор занял второе по значимости место. Доля его объясненной дисперсии составила от 9% в Московской области до 57% в Омской.

Фактор урбанизации включает целый комплекс показателей, а отнюдь не только долю городского населения. Напротив, если в том или ином субъекте Федерации существует четкое разделение на городские и сельские образования, то и пропасть, разделяющая цифры 0 и 100, не способна отразить нюансы различий между ними. Поэтому нередко гораздо более красноречивыми оказываются другие показатели. В частности, в городах, как правило, ниже демографическая нагрузка на трудоспособное население, выше доля работающих и вообще занятых в экономике, доля имеющих высшее образование и занимающихся бизнесом, доля имеющих стационарный телефон и интернет, меньше доля состоящих в браке и ведущих подсобное хозяйство, выше зарплата и меньше площадь жилых помещений в расчете на одного человека. Самый же, пожалуй, верный признак, отделяющий город от деревни, – наличие (отсутствие) горячей воды и канализации. Факторные значения (factor loadings) этих показателей для уровня урбанизации обычно наиболее велики, приближаясь по модулю к единице.

Второй по значимости фактор – демографические характеристики, то есть этническая принадлежность, пол, возраст, демографическая нагруз-

---

¹⁸²Субъектов Федерации, конечно, 83, но для думских выборов 2011 г. данные по Архангельской области и Ненецкому автономному округу были совмещены, поскольку в состав НАО входит всего два муниципальных образования – городской округ Нарьян-Мар и Заполярный район, – а статистические данные по автономному округу по традиции приводятся совместно с данными по Архангельской области.

ка и др. В 61 регионе этот фактор занимает второе по значимости место, а в пяти – Санкт-Петербурге, Калмыкии, Ленинградской, Московской и Мурманской областях – даже первое. Его значимость варьируется в диапазоне от нуля в Камчатском крае и Ханты-Мансийском АО до 53% в Ленинградской области.

Третий фактор – экономическая активность (занятость, самостоятельность) населения. Обычно он охватывает такие характеристики, как доля имеющих высшее образование, доля работающих, доля ведущих подсобное хозяйство, доля получающих стипендию, доля получающих пособие по безработице, доля экономически активного населения, доля занятых в экономике, доля работающих не по найму, доля работодателей, количество субъектов малого бизнеса на 10 тыс. человек, доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах муниципального образования. В 39 регионах этот фактор занимает третье по значимости место, в 14 – второе, а в Ингушетии, где его значимость достигает 49%, – и вовсе первое.

Еще один достаточно часто встречающийся фактор – благополучие жителей и благоустроенность территории. Сюда входят такие характеристики, как наличие (отсутствие) горячего водоснабжения, канализации, стационарной телефонной связи и интернета, уровень зарплат, размер жилой площади. Этот фактор вышел на первое место по значимости в Москве, на второе – в Башкортостане и Камчатском крае, в 13 регионах он занимает третье место, в 15 – четвертое, в 21 – пятое. Его доля в объясненной дисперсии достигает 29% в Санкт-Петербурге и 30% в Москве. Кроме того, эта доля достаточно велика в Забайкальском (21%), Краснодарском (20%) и Камчатском краях (18%), Сахалинской (20%) и Рязанской областях (17%), Башкортостане (16%) и Бурятии (19%), а также Ямало-Ненецком АО (16%).

Разнообразие факторов социальной стратификации не исчерпывается перечисленными четырьмя, однако менее значимые труднее интерпретировать – слишком велика вероятность впасть при этом в чрезмерный субъективизм. В связи с этим было решено не столько интерпретировать эти факторы, сколько относить их к той или иной достаточно широкой категории. В результате к четырем предыдущим факторам добавились еще два.

Пятый фактор был обозначен как уровень бюджетной поддержки населения и территории. К нему отнесены вариации, включающие такие показатели, как доля получающих стипендию, доля пенсионеров, доля получающих пособие по безработице, доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах МО, зарплата работников муниципальных учреждений, отношение зарплат работников муниципальных учреждений к зарплате работников предприятий и НКО. Этот фактор – второй по значимости в Забайкальском крае, еще в 7 регионах он занимает третье место, в 9 – четвертое, в 10 – пятое. Его значимость достигает 20%

в Москве, 19% – в Забайкальском крае, 17% – в Хабаровском, 11% – в Амурской области, 12% – в Тульской, 10% – в Карачаево-Черкесии и Еврейской автономной области.

Наконец, к шестому фактору – социально-культурному уровню – были отнесены вариации показателей «доля имеющих высшее образование», «доля получающих стипендию», «доля домохозяйств, имеющих стационарную телефонную связь и интернет». Он занял второе место в Кабардино-Балкарии (21%), четвертое – на Камчатке (10%), пятое – в Оренбургской области (4%).

Однако последние два фактора не вошли ни в одну из регрессионных моделей, в которых роль зависимой переменной играли факторные значения (factor scores) электоральных размежеваний. Поэтому в объем данных для кластерного анализа они включены не были, а в качестве основных факторов социальной стратификации использовались только первые четыре.

Кластерный анализ итогов думских выборов 2011 г. разбил субъекты Федерации на пять основных групп.

В самый проблемный кластер вошли республики Северного Кавказа: Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия. Здесь реальная электоральная жизнь практически полностью подменена бумажным «творчеством» избирательных комиссий, находящихся под плотным контролем правящей бюрократии. Отсюда – явка свыше 90% и огромная поддержка «Единой России». При этом электоральные размежевания слабо связаны с факторами социальной стратификации: последние отчасти влияют только на второе или третье по важности электоральное размежевание, если влияют вообще.

Недалеко от этого состояния ушел и кластер, состоящий из Мордовии, Марий Эл, Татарстана и Тюменской области. Здесь административный ресурс также полностью подмял под себя голосование граждан, обеспечивая высокую явку и высокое голосование за «партию власти», и существует только одно электоральное размежевание – за «Единую Россию» или против, – связанное с уровнем урбанизации. В городах еще не до конца погашены «очаги сопротивления» – именно они и обеспечивают властно-общественному электоральному размежеванию достаточно солидную дисперсию.

К этому кластеру примыкает третий (назовем его «малоконкурентный»), включающий 19 регионов: Адыгея, Башкортостан, Калмыкия, республики Коми и Алтай, Тува, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Белгородская, Брянская, Воронежская, Калужская, Кемеровская, Омская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Тамбовская и Ульяновская области. Здесь влияние административного ресурса несколько слабее, в результате чего высвобождается пространство для второго электорального

размежевания, нередко вполне внятно интерпретируемого политически и обусловленного социально.

Наиболее усредненный по характеристикам кластер составила самая большая группа регионов (31): Москва, Бурятия, Удмуртия, Хакасия, Чувашия, Якутия, Ставропольский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская (с Ненецким АО), Астраханская, Волгоградская, Иркутская, Калининградская, Курская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Оренбургская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Смоленская, Тверская, Томская, Тульская, Челябинская и Ярославская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Еврейская автономная область. К кластеру, в сущности, примыкает и 32-й регион – Краснодарский край. Здесь голосование в большей степени, чем в предыдущем кластере, зависит от выбора избирателя и обусловлено социальными характеристиками последнего. Тем не менее административный ресурс если не заглушает свободное волеизъявление электората, то задвигает его на задний план.

Наконец, самый «свободный» кластер составили 20 регионов: Санкт-Петербург, Карелия, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский и Приморский края, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Псковская, Сахалинская и Свердловская области. Здесь административный ресурс в наименьшей (хотя все равно достаточно большой) степени влияет на избирателя, руководствующегося в своем выборе и иными, отличными от воли начальства, соображениями. Этот выбор не всегда четко интерпретируем политически, но почти всегда достаточно серьезно обусловлен социально¹⁸³.

Анализ результатов выборов в региональные собрания требует внесения в исследовательскую методику еще некоторых дополнительных корректив.

В частности, на этапе выявления электоральных размежеваний необходимо отсеять лишних игроков (для думских выборов 2011 г. это было не нужно, поскольку в них участвовали всего семь партий). Обычно в таких случаях барьер отсеечения устанавливается на уровне 3% полученных голосов, однако в российской ситуации это слишком высокая планка – ориентация на нее приводит к отсеиванию ряда игроков с ярко выраженным идеологическим лицом, что, в свою очередь, затрудняет политическую интерпретацию одного из главных электоральных размежеваний – между «самобытниками» и «западниками» (социал-патерналистами и либерала-

---

¹⁸³Подробнее о результатах кластерного анализа итогов думских выборов 2011 г. на региональном уровне см. Коргунок Ю.Г. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года...

ми-рыночниками). Поэтому было решено снизить барьер отсечения до 1%, а в отдельных случаях и до 0,5%.

На этапе выявления политических размежеваний необходимо решить проблему, связанную с тем, что в каждом регионе складывается собственный состав участников. И главная трудность не в том, что участники разные, а в том, что подавляющее большинство вновь образованных партий не обозначают своих позиций по основным вопросам политической повестки дня.

Поскольку на региональном уровне различия в платформах участников минимальны, сосредоточивать внимание приходится именно на федеральной повестке, которая относительно скудна и ситуативна по сравнению с общенациональными избирательными кампаниями. Формируется она основными игроками – в первую очередь парламентскими партиями, а участие в обсуждении входящих в нее вопросов принимает лишь ограниченный круг игроков – из новосозданных это либо идеологические партии, либо партии с (псевдо)харизматическими лидерами, претендующими на всезнание и готовыми комментировать любое политическое событие. В итоге попытка определить позицию каждой из партий по каждому из вопросов в большинстве случаев приводит к проставлению в соответствующих графах цифры 0.

Это, в свою очередь, отражается и на результатах факторного анализа. По выборам 2012 г. были изучены агитационные материалы 15 политических партий, получивших более 1% голосов (в отдельных случаях более 0,5%), по выборам 2013 г. – 25, по выборам 2014 г. – 22. Факторный анализ позиций партий по основным вопросам повестки дня (для 2012 г. таковых отобрано 36, для 2013 г. – 33) выявил в первом случае пять факторов с собственным значением больше единицы, во втором – семь, в третьем – четыре.

Результат неожиданный, ведь на всех думских выборах с 1993 по 2011 г. количество политических размежеваний было неизменным – всегда три. Подобное постоянство не зависело от числа участников – по выборам 1995 г. анализу подверглись агитматериалы 17 партий, а результат не изменился: остались те же три измерения.

Дело, скорее всего, в том, что избирательные кампании федерального уровня заставляют партии мобилизовать максимум сил и реагировать на любые значимые действия и слова конкурентов, предлагая альтернативные решения проблем либо пытаясь перехватить инициативу. Другими словами, партии пытаются так или иначе вписаться в общую расстановку сил.

Совершенно иная ситуация складывается, когда большинство участников выборов лишь имитирует политическую деятельность. Такие игроки почти не реагируют даже на маневры своих региональных конкурентов, на федеральную же повестку дня и вовсе не обращают внимания. В итоге

их позиции в общей таблице пестрят нулями, а факторный анализ увязает в различиях между маргиналами, каждый из которых как-то обозначился в одном сегменте вопросов и начисто проигнорировал остальные.

Слишком большое количество политических размежеваний означает, что смысл взаимосвязей в политическом пространстве сложно понять не только каждому избирателю по отдельности (по отдельности в нем трудно разобраться даже специалисту), но и обществу в целом. Так что если целью инициаторов партийной реформы было максимально заморочить электорату голову, то они ее успешно добились. Как уже отмечалось, в целом политической интерпретации поддается не более двух электоральных размежеваний, и наличие трех политических размежеваний, одно из которых фактически синтезировано из фрагментов двух других, сосуществует с этим фактом более или менее гармонично. Появление же двух, трех и даже четырех дополнительных политических измерений способно ввести в глубокое замешательство не только избирателя, но и исследователя.

Однако если ограничить число участников выборов только теми партиями, которые активно отзываются на актуальные политические вопросы (для 2012 г. это «Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия», «ЯБЛОКО», «Патриоты России», «Правое дело», РПР-ПАРНАС, «Коммунисты России»; для 2013-го – те же, но без «Правого дела», зато с «Гражданской платформой», «Демократическим выбором», «Волей» и «Родиной»; в 2014 г. – те же, что в 2013-м, но без «Воли» и «Демвыбора»), то политическое пространство возвращается к трехмерности¹⁸⁴.

Правда, иерархия размежеваний приобретает несколько другой вид: если на думских выборах первым всегда было социально-экономическое, за ним шло системное и лишь третьим авторитарно-демократическое, то на региональных выборах 2012–2013 гг. на первое место выдвинулось авторитарно-демократическое («Единая Россия» против всех, но в первую очередь против наиболее оппозиционно настроенных партий), на второе отошло социально-экономическое (коммунисты и социал-патриоты против либералов-рыночников), а на третье – системное (в 2012 г. это «государственники против либералов» – ЛДПР и «Патриоты России» против РПР-ПАРНАСа и «ЯБЛОКА», в 2013-м – «лоялисты» из «Единой России» и «Патриотов России» против «социалистов» из КПРФ и «Справедливой России»).

---

¹⁸⁴Для 2014 г., впрочем, эта проблема была уже не столь актуальна – достаточно было исключить из списка всего одну партию, избегающую четко обозначать позицию по «украинскому вопросу» (в нашем случае это была ДПР), и политическое пространство вновь становилось трехмерным. События на Украине в целом заметно упростили расстановку сил в стране, сделав ее более «черно-белой».

Такое изменение иерархии вполне объяснимо. Если в ходе федеральных кампаний партии целенаправленно подчеркивают различия между собой, идеологизируя свои платформы и поднимая «вечные», мировоззренческие, вопросы, то во время выборов в региональные собрания они живут обыденной жизнью, откликаясь в основном на текущую политическую рутину. А таковая в 2012–2013 гг. состояла в «закручивании гаек» и форсированном принятии репрессивного законодательства: отсюда появление таких вопросов, как отношение к криминализации статьи о клевете, к введению единого дня голосования и назначению его на второе воскресенье сентября, к введению ограничений в интернете, к возможности лишения депутата его мандата простым думским большинством, к партийной реформе, к закону об «иностранных агентах», к созданию для ставленников власти односторонних преимуществ на выборах, к «муниципальному фильтру», к ужесточению законодательства в целом и т.п.

В 2014 г. политическое пространство претерпело гораздо более радикальные изменения. События на Украине и информационные усилия центральных телеканалов вывели на первый план системное размежевание – между «империалистами» и «антиимпериалистами» (в последнем лагере собрались исключительно либеральные партии – «ЯБЛОКО», РПР-ПАРНАС, «Гражданская инициатива», к которым примкнули «Гражданская платформа» и «Гражданская сила», пытавшиеся обойти «украинский вопрос» стороной). Первые приветствовали присоединение Крыма, называли киевские власти «хунтой» и «бандеровцами», обвиняя их в геноциде «населения Юго-Востока», вторые, напротив, осуждали «аннексию» и настаивали на том, что Россия ведет необъявленную войну против Украины, а российское телевидение дезинформирует российское население о реальном положении дел. Другими словами, именно в этом размежевании наиболее четко обозначилось противостояние «самобытников» и «западников» по вопросу о путях дальнейшего развития страны. Системное размежевание объясняло почти половину всей дисперсии (49%), тогда как авторитарно-демократическое (18,66%) и социально-экономическое (11,56%) оказались оттеснены соответственно на второе и третье места.

Таким образом, основные политические измерения остались теми же, но их иерархия изменилась, особенно заметно – в 2014 г.

Еще одна проблема заключается в том, что различия в составах участников региональных выборов создают разные же конфигурации политического пространства, сказываясь, в частности, и на количестве политических размежеваний, и на их содержании, и отчасти на иерархии. В 2012 г. политических размежеваний в разных регионах было, как правило, четыре (в Пензенской области – три), в 2013-м – от двух в Кемеровской области и Хакасии до пяти в Ивановской, Иркутской и Ярославской областях. В

2014 г., когда власть от поощрения новых игроков вернулась к политике их «оптимизации» (т.е. лишения регистрации и снятия с выборов), число политических размежеваний резко сократилось: лишь в 4 из 13 (Республика Алтай, Крым, Брянская область, Ненецкий АО) оно дотянуло до привычных трех, в остальных не превысило двух.

В условиях отсутствия «эталонного» набора политических размежеваний, с которым можно было бы сравнивать картину электоральных размежеваний в разных регионах, было решено изменить методику и сопоставлять факторные нагрузки каждого из электоральных размежеваний с факторными нагрузками тех политических размежеваний, которые можно интерпретировать как авторитарно-демократическое (как правило, первое место в иерархии) и социально-экономическое (как правило, второе место, но не всегда: в ряде регионов оно отсутствовало вообще, а в некоторых опустилось на третье-четвертое место; в 2014 г. оно и вовсе проявилось себя только в тех регионах, где число политических размежеваний было больше двух, т.е. Республике Алтай, Крыму, Брянской области и НАО). При анализе данных 2014 г. к этим двум размежеваниям было добавлено третье – системное («украинское»), везде без исключения оказавшееся на первом месте, причем во многих случаях в силу отсутствия представителей «антиимпериалистического» лагеря оно превращалось в «соревнование империалистов».

Решено было также дополнить набор данных, используемых для кластерного анализа, в частности ввести в него такой показатель, как количество электоральных и политических размежеваний в каждом из регионов.

3.2.3. Выборы 2012 г.

Из шести субъектов Федерации, в которых 14 октября 2012 г. состоялись выборы в региональные собрания, количество значимых электоральных размежеваний увеличилось в половине: в Саратовской и Сахалинской областях – с двух до трех, в Северной Осетии – с трех до пяти. Причем в пяти субъектах Федерации (кроме Пензенской области) количество политических размежеваний выросло с трех до четырех. Это могло произойти только вследствие расширения состава участников выборов за счет партий, не обозначивших позиций по большинству вопросов актуальной повестки дня. Именно это обстоятельство явилось одной из главных причин «энтропии» избирательских предпочтений, а следовательно, и увеличения числа электоральных размежеваний.

К числу таких причин следует отнести также некоторое снижение интенсивности административной мобилизации голосов для «партии власти». Об этом свидетельствует как падение явки (в среднем оно составило около 22%; больше всего в Северной Осетии – на 38,4%, менее всего в

Пензенской области – на 13,57%), так и уменьшение доли первого электорального размежевания в общей дисперсии, которое, правда, оказалось не повсеместным: в Краснодарском крае и Пензенской области эта доля, наоборот, увеличилась, а в Удмуртии ее снижение было минимальным – немногим более 5%.

Особенно заметно административный нажим на избирателя ослабел в Северной Осетии: здесь зафиксировано самое большое падение явки (с 83,23 до 44,83%), доля первого электорального размежевания в общей дисперсии уменьшилась с 40,63 до 23,74%, а само оно уже не могло однозначно трактоваться как властно-общественное противостояние – между «Единой Россией» и остальными участниками выборов, это была скорее конкуренция между «Единой Россией» и «Патриотами России». В наибольшей степени с авторитарно-демократическим политическим размежеванием коррелировалось четвертое электоральное размежевание – между КПРФ и «Ассоциацией зеленых – Народной партией», с одной стороны, и «Единой Россией» и Российской экологической партией «Зеленые», с другой ($|R|=0,615$). Но и это размежевание отражало скорее противостояние группировок региональных элит, нежели партийных брендов. То же касается и прочих электоральных размежеваний, оформившихся в необычные для России в целом партийные противостояния: второе размежевание – «Патриоты России» против остальной оппозиции (в первую очередь против «Справедливой России»), третье – «Справедливая Россия» против «Единой России». Ни одно из них не имело достаточно внятного политического смысла.

Вместе с тем в республике заметно возросла степень социальной обусловленности электоральных размежеваний. Если в 2011 г. первое, властно-общественное, размежевание не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, то в 2012-м противостояние между «единороссами» и «патриотами» отразило разницу в уровне урбанизации: «Патриоты России» получили наибольший процент голосов в сельских населенных пунктах, «Единая Россия» – в городах. Правда, у остальных электоральных размежеваний обусловленность факторами социальной стратификации отсутствовала, тогда как на выборах 2011 г. социально-экономическое противостояние между «ЯБЛОКОМ» и «Справедливой Россией» (третий по значимости фактор – 14,78% дисперсии) коррелировалось с уровнем экономической самостоятельности населения ($|St.Beta|=0,662$). Но в целом усиление социальной обусловленности голосования в Северной Осетии было очевидным.

Все это вывело Северную Осетию из самого депрессивного по уровню политической конкуренции кластера, поставив чуть ли не на одну ступень с Сахалинской областью, принадлежавшей на выборах 2011 г. к наиболее

«продвинутому». Правда, в какой-то степени это сближение объяснялось повышением роли административного ресурса на выборах в Сахалинской области, проявившемся как в увеличении процента проголосовавших за «Единую Россию» (с 41,91 до 50,18%), так и в резком росте корреляции между явкой и голосованием за «партию власти» (с 0,177 до 0,763) – при общем падении явки (более чем на 20%) и доли первого электорального размежевания в общей дисперсии (с 38,08 до 27,76%). Это размежевание имело четкую властно-оппозиционную окраску (корреляция с авторитарно-демократическим политическим размежеванием – 0,923), однако в социальном плане было связано не с уровнем экономической активности (вторым по значимости фактором социальной стратификации), как в 2011 г., а с долей русского населения – седьмым по значимости, объяснявшим всего 4,85% дисперсии. Это значит, что власть, сделав ставку на низкую явку, не стала включать на полную мощность административный ресурс, а сосредоточилась на работе с «глубинкой», где доля русского населения в целом выше (в этом особенность Сахалина – как, наверное, и многих других районов Дальнего Востока: нерусское население здесь составляют в основном не местные, а приезжие, то есть люди относительно активные и самостоятельные).

Правда, стало более политически осмысленным второе электоральное размежевание: если в 2011 г. модуль коэффициента корреляции между ним и социально-экономическим политическим размежеванием был невелик (0,278) – «Правое дело», ЛДПР и «Патриоты России» противостояли «Справедливой России» и «Единой России», – то в 2012 г. модуль вырос до 0,485, что обеспечилось конфронтацией между «ЯБЛОКОМ» и «Правым делом», с одной стороны, и КПСС и ЛДПР, с другой. При этом из обуславливающих данное электоральное размежевание факторов социальной стратификации исчез уровень урбанизации – остались только уровень экономической самостоятельности ($|St.Beta|=0,470$) и уровень благоустроенности ($|St.Beta|=0,411$).

Зато именно уровень урбанизации стал предиктором для третьего электорального размежевания ($|St.Beta|=0,562$), имевшего слабо выраженную корреляцию все с тем же социально-экономическим политическим размежеванием ($|R|=0,393$) – между долей недействительных бюллетеней и «Правым делом», с одной стороны, и «Патриотами России» и ЛДПР, с другой.

Можно считать, что на Сахалине второе электоральное размежевание выборов-2011 разделилось в 2012 г. на два, каждое из которых приобрело более явное политическое наполнение.

Неоднозначными оказались изменения в структуре электоральных размежеваний в Саратовской области. С одной стороны, там на 18% снизилась явка, несколько уменьшилась корреляция между явкой и голосованием за

«Единую Россию» (с 0,867 до 0,622), с двух до трех увеличилось число электоральных размежеваний, доля объясненной дисперсии первого из которых, властно-общественного, составляла уже не 68,74, а «всего» 50,16%. С другой стороны, если в 2011 г. первое электоральное размежевание зависело от уровня урбанизации ($|St.Beta|=0,509$), то в 2012 г. оно не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, а это означает, что доминирование «Единой России» обеспечивалось на этот раз самым грубым методом – «ковровыми» приписками, и в деревне, и в городе.

Что касается второго электорального размежевания, то в 2011 г. в Саратовской области оно выразалось в значительном разбросе долей недействительных бюллетеней, не имевшем отношения к социальной стратификации. В 2012 г. и второе, и третье электоральные размежевания отличались очевидностью социальной подоплеки (второе обуславливалось уровнем урбанизации и демографическими характеристиками, третье – уровнем урбанизации), чего нельзя сказать об их политическом аспекте: с идеологической точки зрения противостояние между КПРФ и РПР-ПАРНАС, с одной стороны, и «Справедливой Россией», с другой (второе размежевание), или КПРФ и «Справедливой Россией», с одной стороны, и РПР-ПАРНАС и «Единой Россией», с другой (третье), интерпретируются плохо.

А вот в Удмуртии, Краснодарском крае и Пензенской области изменения по сравнению с 2011 г. были минимальными. Структура электоральных размежеваний там осталось практически той же самой – как с количественной, так и с качественной точки зрения: во всех трех регионах первое размежевание имело властно-общественный характер, второе – преимущественно социально-экономический (между социал-патерналистами и либералами-рыночниками).

В Удмуртии явка снизилась на 19%, доля объясненной дисперсии первого электорального размежевания – с 58,76 до 53%, при этом корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию», напротив, увеличилась с 0,797 до 0,86. Кроме того, политизировалось второе электоральное размежевание: в 2011 г. оно сводилось к колебаниям доли недействительных бюллетеней, в 2012-м же представляло собой противостояние коммунистической и некоммунистической оппозиции – КПРФ и «Коммунистов России», с одной стороны, и «Патриотов России», «Справедливой России», «ЯБЛОКА» и РЭП «Зеленые», с другой.

Что касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то по сравнению с 2011 г. она сильно оскудела. Тогда первое электоральное размежевание было связано сразу с тремя стратификационными факторами (уровень урбанизации, уровень экономической занятости и доля русского населения), второе – с двумя (уровень благоустроенности и

доля русского населения). В 2012 г. все стало проще: первое электоральное размежевание зависело только от уровня урбанизации, второе – от доли русского населения. Подобное упрощение можно считать следствием «точечного» ужесточения административного ресурса: давить было решено прежде всего на сельское, преимущественно удмуртское, население, которое, однако, выражало умеренный протест голосованием за партии с коммунистическими названиями.

Интересны детали изменений, произошедших со структурой электоральных размежеваний в Пензенской области. В этом регионе доля первого, властно-общественного, электорального размежевания в общей дисперсии не снизилась, а увеличилась – с 75,9 до 82,5%, несколько поменяв социальную подоплеку: в 2011 г. оно зависело от уровня урбанизации и национального состава населения, в 2012-м – от уровня урбанизации и уровня благоустроенности.

При этом четкую политическую и социальную окраску приобрело второе электоральное размежевание. В 2011 г. оно проявлялось только в разбросе долей недействительных бюллетеней и не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации. В 2012 г. его связь с социально-экономическим политическим размежеванием стала более выраженной ($|R|=0,571$) – решающая роль по-прежнему принадлежала разбросу долей недействительных бюллетеней, однако слабо просматривалось и противостояние между ЛДПР и «Коммунистами России», с одной стороны, и «ЯБЛОКОМ» и Партией пенсионеров России, с другой. Появились у этого размежевания и социальные предикторы – демографические характеристики и уровень благоустроенности. Это также могло явиться следствием «точечного» административного давления на наименее защищенную часть населения, способную, тем не менее, выразить протест порчей бюллетеней либо голосованием за маргинальные партии.

Меньше всего изменилась ситуация в Краснодарском крае. Здесь, правда, весьма существенно сократилась явка (на 25%) и снизилась корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» (с 0,693 до 0,399), однако суть происходящих процессов осталась прежней: первое электоральное размежевание все так же имело властно-общественный, а второе – западническо-самобытный характер. Причем первое электоральное размежевание, как и в 2011 г., не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, второе же «обеднело»: если в 2011 г. оно зависело и от уровня урбанизации, и от уровня благоустроенности, и от национального состава населения, то в 2012 г. – только от уровня урбанизации. Это свидетельствует о том, что административный нажим на избирателя в крае не только не ослабел, но, пожалуй, приобрел еще более грубые формы.

3.2.4. Выборы 2013 г.

Количество значимых электоральных размежеваний в 16 регионах, где 8 сентября 2013 г. прошли выборы в законодательные собрания, варьировалось от двух в Чечне, Башкортостане, Кемеровской и Ростовской областях до шести во Владимирской области, политических – от двух в Хакасии и Кемеровской области до пяти в Ивановской, Иркутской и Ярославской областях. Если уменьшение количества электоральных и политических размежеваний можно считать результатом жесткого административного контроля за голосованием, то увеличение – следствием дезориентации избирателя и случайности сделанного им выбора.

Вообще-то увеличить либо уменьшить количество политических и электоральных размежеваний можно искусственно, сугубо административными методами, однако с первыми и то и другое сделать легче, чем со вторыми. Чтобы уменьшить количество электоральных размежеваний, необходимо взять под контроль не только избирательные комиссии, но и всю политическую жизнь региона, чтобы увеличить – отпустить вожжи со всеми вытекающими отсюда рисками для власти.

С политическими размежеваниями проще: например, чтобы сделать политическое пространство двумерным, достаточно снять с выборов либеральные партии и вообще сократить до минимума число участников выборов, а чтобы, наоборот, максимально увеличить число измерений, надо лишь заполнить избирательные бюллетени массой партий-«пустышек». Ни то ни другое не требует особых затрат и не влечет особых рисков.

Поскольку число субъектов Федерации, где состоялись выборы в региональные собрания, на этот раз довольно значительно, то полученные данные были подвергнуты не только факторному, корреляционному и регрессионному, но и кластерному анализу. Предварительно построенная дендрограмма показывает, что изученные случаи легко разбиваются на два, три и четыре кластера.

Разделение на два кластера сразу же отделяет от всех остальных регионов Чечню, Башкортостан и Кемеровскую область. Напомним, что по итогам выборов 2011 г. Чечня оказалась в наименее конкурентном кластере, а Башкортостан и Кемеровская область – в третьем с конца (там, где, несмотря на давление административного ресурса, все же оставалось место для второго электорального размежевания)¹⁸⁵. В 2012 г. во всех трех регионах отмечена высокая явка (62,13% – в Башкирии, 76,66% – в Кемеровской области, 92,46% – в Чечне), крупная доля первого, властно-общественного, электорального размежевания в общей дисперсии (Башкирия – 46,67%, Чеч-

---

¹⁸⁵Коргунюк Ю.Г. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года...

ня – 67,99%, Кемеровская обл. – 74,55%) и, наоборот, небольшая – второго (Кемеровская обл. – 9,37%, Башкортостан – 12,39%, Чечня – 14,68%). Число электоральных размежеваний нигде не превышало двух, а количество политических варьировалось от двух в Кемеровской области до трех в Чечне и Башкортостане. Все это свидетельствует о жестком административном контроле за всеми этапами выборного процесса в данных регионах.

Однако между этими случаями есть и существенные отличия. Так, только в Башкортостане второе электоральное размежевание носило ярко выраженный социально-экономический характер и заключалось в противостоянии между КПРФ и «Гражданской платформой». В политическом пространстве Чечни и Кемеровской области размежевание между социал-патерналистами и либералами-рыночниками отсутствовало.

Что касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то в Башкортостане и Кемеровской области первое, властно-общественное, было связано с уровнем урбанизации (в Башкортостане еще и с уровнем благоустроенности), в Чечне – с уровнем экономической активности. Второе размежевание в Кемеровской области зависело от уровня урбанизации, в Башкортостане – от демографических характеристик и уровня экономической активности, в Чечне – от демографических характеристик и уровня благоустроенности.

Таким образом, в Башкортостане и Кемеровской области структура электоральных размежеваний не претерпела серьезных изменений (в Кемеровской области так и вовсе почти никаких), Чечня же шагнула из самой неконкурентной зоны в почти «среднячки». Прежде всего, с 99 с лишним до 92,5% снизилась явка и с 99 до 86% – голосование за «Единую Россию». Так что если в 2011 г. всем остальным партиям приходилось бороться лишь за десятые доли процента голосов, то в 2013-м – как минимум за 14%. В итоге две «оппозиционные» партии – «Патриоты России» и «Справедливая Россия» – набрали соответственно 5,07 и 7,27%. Более того, если в 2011 г. корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» хотя была не слишком сильной, но все же имела положительный знак ($R=0,615$), то в 2013-м она стала отрицательной ($R=-0,642$).

Более близкой к третьему, малоконкурентному, кластеру образца 2011 г. оказалась и структура размежеваний. Хотя на выборах-2011 в Чечне было выявлено три электоральных размежевания, а в 2013-м – только два, однако «многофакторность» 2011 г. объяснялась исключительно мизерностью дисперсии (в пределах десятых долей процента), тогда как в 2013 г. конфигурация приняла если не «башкирские», то как минимум «кемеровские» очертания. Усилилась и связь электоральных размежеваний со структурой социальной стратификации: в 2011 г. оба первых электоральных размежевания были связаны с одним стратификационным фактором (первое – с

уровнем экономической активности, второе – с демографическими характеристиками), в 2013-м – с двумя (первое – с уровнем экономической самостоятельности населения и уровнем предпринимательской активности; второе – с уровнем телефонизации и уровнем оседлости населения). Впрочем, уровень политической конкуренции в республике повысился с разрешения начальства – в качестве подачи Р. Кадырова тем или иным региональным партийным лидерам.

Второй кластер (13 регионов) делится на три подкластера.

В первый из них вошли Хакасия, Ивановская область и Забайкальский край. На выборах 2011 г. Хакасия входила в самый большой и самый усредненный по характеристикам кластер (второй по уровню политической конкуренции), Ивановская область и Забайкальский край – в наиболее конкурентный. На этот раз все три случая объединила относительно низкая явка (от 34,66% в Забайкальском крае до 38,36% в Хакасии), не очень большая доля первого электорального размежевания в общей дисперсии (от 34,2% в Хакасии до 38,2% в Ивановской области) и относительно крупная доля второго (от 18,25% в Ивановской области до 25,35% в Хакасии). Во всех трех регионах присутствовало также третье электоральное размежевание, а в Ивановской области – даже четвертое.

Что же касается политических размежеваний, то в Хакасии их было всего два (из-за недопуска к выборам либеральных партий), в Забайкальском крае – три, а в Ивановской области – целых пять (из-за большого числа участников: всего к выборам было допущено 20 партий, 12 из которых, включая партию «Против всех», вместе набрали немногим более 1%).

Есть и другие различия. В Ивановской области и Забайкальском крае зафиксирована высокая корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» – соответственно 0,807 и 0,748, тогда как в Хакасии она была несущественной – 0,227. Вообще первое электоральное размежевание в Хакасии мало напоминало классическое властно-общественное, выражающееся в противостоянии между «Единой Россией» (как вариант – в компании с кем-нибудь из сателлитов, чаще всего «Родиной») и остальными участниками выборов. Модуль корреляции между первым электоральным размежеванием и авторитарно-демократическим политическим составил всего 0,359, в целом же оно выражалось в противостоянии между «Единой Россией» и «Коммунистами России», с одной стороны, и «Патриотами России», РЭП «Зеленые», Партией пенсионеров России и «Справедливой Россией», с другой. Зато неожиданно сильной оказалась связь с авторитарно-демократическим размежеванием у третьего электорального ($|R|=0,662$), фактически сводящегося к противостоянию между «Единой Россией» и ЛДПР.

В Забайкальском крае второе электоральное размежевание имело четко

выраженный социально-экономический характер ($|R|=0,842$), несмотря на то что фактически оно представляло собой противостояние между «Справедливой Россией», «Гражданской платформой» и РЭП «Зеленые», с одной стороны, и КПСС, с другой. А вот в Ивановской области более всего с противостоянием социал-патерналистов и либеральных рыночников коррелировалось четвертое электоральное размежевание ($|R|=0,581$): КПРФ и КПСС против «ЯБЛОКА», «Справедливой России» и партии «Против всех» (позиционировавшей свою платформу как либерально-консервативную).

Во всех трех регионах как минимум два первых электоральных размежевания обуславливались факторами социальной стратификации. Первое электоральное размежевание везде было связано с уровнем урбанизации, в Хакасии и Ивановской области – также с уровнем инвестиций, в Забайкальском крае – с целым букетом факторов: состоянием дорожной сети, освоенностью территории и уровнем бюджетной поддержки. Второе электоральное размежевание в Ивановской области и Забайкальском крае зависело от уровня урбанизации и уровня благоустроенности (плюс к этому в Ивановской области от демографических характеристик и уровня экономической активности, в Забайкальском крае – от уровня бюджетной поддержки), в Хакасии – от демографических характеристик. Наконец, в Хакасии и Ивановской области социально обусловленным оказалось также третье электоральное размежевание (в Хакасии – демографическими характеристиками, в Ивановской области – ими же и уровнем урбанизации), а в Ивановской области – и четвертое (уровнем урбанизации и уровнем благоустроенности).

Достаточно конкурентным можно считать и второй подкластер, состоящий из шести областей – Архангельской, Владимирской, Иркутской, Смоленской, Ульяновской и Ярославской. На выборах 2011 г. только один из этих регионов – Владимирская область, – принадлежал к самому конкурентному кластеру, еще четыре – Архангельская, Иркутская, Смоленская и Ярославская области – к самому большому, усредненному (второму по уровню конкурентности), а Ульяновская область – и вовсе к малоконкурентному.

Во всех шести случаях была зафиксирована низкая явка (от 25,31% в Архангельской области до 35,73% в Ульяновской), большое количество электоральных размежеваний (в Ульяновской области – три, в Архангельской, Смоленской и Ярославской – четыре, в Иркутской – пять, во Владимирской – шесть) и почти такое же число политических (в Смоленской и Ульяновской областях – три, в Архангельской и Владимирской – четыре, в Иркутской и Ярославской областях – пять). Во всех шести регионах наблюдалась сильная корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» – от 0,626 в Архангельской области до 0,946 в Ульяновской – при

относительно небольшой доле первого электорального размежевания в общей дисперсии – за исключением Ульяновской области (54,75%; во Владимирской области, напротив, всего 24,27%).

С другой стороны, связь между первым электоральным размежеванием и авторитарно-демократическим политическим отношением не везде была ярко выражена. Только в Смоленской и Ульяновской областях ее модуль приближался к 0,7, в Ярославской области он составил всего 0,414 (в компании с «Единой Россией» оказались «Партия за справедливость!», КПСС, ЛДПР, «Коммунисты России» и даже недействительные бюллетени), в Архангельской и того меньше – 0,383 («Единая Россия», АПР и КПСС против «ЯБЛОКА», РЭП «Зеленые» и КППФ).

А вот с социально-экономическим политическим размежеванием были связаны (причем не везде особенно сильно) только второе электоральное в Иркутской и Ульяновской областях, третье – в Смоленской и четвертое – в Архангельской.

Первое электоральное размежевание везде обуславливалось уровнем урбанизации, в Архангельской и Смоленской областях – также демографическими характеристиками, во Владимирской и Ярославской – уровнем экономической активности, в Ульяновской и Иркутской – демографическими характеристиками и уровнем экономической активности.

Второе электоральное размежевание в трех регионах – Архангельской, Смоленской и Ульяновской областях – не было связано ни с одним из факторов. В Иркутской и Ярославской областях оно обуславливалось демографическими характеристиками и уровнем экономической активности, во Владимирской – только демографическими характеристиками.

Третье электоральное размежевание имело социальную подоплеку во Владимирской, Смоленской и Ульяновской областях (уровень экономической активности, во Владимирской области – он же и уровень урбанизации), четвертое – только в Архангельской (уровень экономической активности) и Иркутской областях (демографические характеристики).

Наконец, в последний подкластер вошли четыре региона: Бурятия, Калмыкия, Якутия и Ростовская область. На выборах 2011 г. Бурятия, Якутия и Ростовская область входили в самый крупный, усредненный, кластер, а Калмыкия – в малоконкурентный.

Этим регионам были присущи повышенный уровень явки (от 44,37% в Ростовской области до 52,33% в Калмыкии) и сильная корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» (от 0,699 в Якутии до 0,845 в Калмыкии), а также «классическая» для России в целом структура электоральных размежеваний: первое электоральное размежевание – властно-общественное (модуль корреляции с авторитарно-демократическим политическим размежеванием – от 0,554 в Бурятии до 0,881 в Калмыкии),

второе – либерально-патерналистское (лишь в Калмыкии модуль корреляции с социально-экономическим политическим размежеванием составил всего 0,275; в Якутии – 0,6, в Ростовской области – 0,735).

В целом же количество электоральных и политических размежеваний в третьем подкластере было «средним по больнице»: в Калмыкии и Якутии – три электоральных и столько же политических, в Бурятии – три электоральных и четыре политических, в Ростовской области – два электоральных и три политических.

Что касается социальной обусловленности, то в Ростовской области первое электоральное размежевание не зависело ни от одного из факторов социальной стратификации, в Калмыкии оно было связано с демографическими характеристиками, в Якутии – с уровнем благоустроенности, в Бурятии – с уровнем урбанизации и уровнем благоустроенности.

Второе размежевание в Ростовской области обуславливалось уровнем урбанизации, демографическими характеристиками и уровнем экономической активности. В этом плане данный регион оказался очень похож на Краснодарский край в 2012 г. – там властно-общественное размежевание тоже не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, что свидетельствует о «ковровых» приписках в пользу «Единой России»; зато второе размежевание имело отчетливый социально-экономический характер и зависело от уровня урбанизации. В Калмыкии второе размежевание в 2012 г. было связано с уровнем благоустроенности, в Бурятии и Якутии – с демографическими характеристиками и уровнем экономической активности.

Из тех регионов, где обнаружилось третье электоральное размежевание, только в Якутии оно проявило признаки социальной обусловленности – уровнем урбанизации и уровнем экономической активности.

В общем, именно этот подкластер можно считать наиболее усредненным, промежуточным между Чечней, Башкортостаном и Кемеровской областью и всеми остальными. Недаром при разделении совокупности на три кластера Башкирия оказалась в одной группе с Бурятией, Калмыкией, Якутией и Ростовской областью.

3.2.5. Выборы 2014 г.

14 сентября 2014 г. состоялись выборы в региональные собрания 14 субъектов Федерации: Республики Алтай, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Крыма, Марий Эл, Татарстана, Тувы, Хабаровского края, Брянской, Волгоградской и Тульской областей, Москвы, Севастополя и Ненецкого автономного округа. Из подлежащих анализу следует сразу исключить Москву, поскольку выборы здесь проводились только по одномандатным округам. Данные, полученные в этих округах, невозможно

подвергнуть факторному анализу в рамках всего города – по чисто техническим причинам.

В остальных 13 регионах количество электоральных размежеваний варьировалось от одного (Татарстан) до пяти (Республика Алтай), политических, как упоминалось ранее, от двух до трех. Введение сбора подписей для партий, не представленных в региональных парламентах, и общее ужесточение требований сказались прежде всего на политических, а не электоральных размежеваниях – видимо, потому, что от участия в выборах отсекались в первую очередь либеральные партии, чье присутствие в бюллетенях для голосования увеличивало возможность появления в политическом пространстве социально-экономического измерения.

На этапе построения регрессионной модели, выявляющей связи между электоральными размежеваниями и социальной стратификацией, из анализа пришлось исключить Крым, Севастополь и Ненецкий автономный округ: для первых двух субъектов отсутствуют сопоставимые с прочими регионами демографические и социально-экономические данные, а со статистикой НАО невозможно работать из-за слишком малого числа муниципальных образований на его территории (таковых всего два – город Нарьян-Мар и Заполярный муниципальный район).

Таким образом, кластерному анализу подверглись лишь 10 регионов. В итоге выявлены три кластера и два отдельных случая (Татарстан и Марий Эл).

В первый кластер вошли Республика Алтай и Брянская область. Напомним, что в 2011 г. оба этих региона входили в третий, малоконкурентный, кластер. На этот же раз только в этих двух – из рассматриваемых регионов – имело место целых три политических размежевания. Что касается электоральных размежеваний, то в Республике Алтай их число было самым большим (пять), а в Брянской области – средним по России (три). Средней была и явка избирателей: 54,1% в Республике Алтай и около 50% в Брянской области. В остальном характеристики этих регионов существенно различались. Например, в Брянской области первое электоральное размежевание («Единая Россия» против всех) объясняло 47,92% дисперсии и было тесно связано с авторитарно-демократическим политическим, а в Республике Алтай – всего 27,26% и не имело внятной политической интерпретации, сведясь к противостоянию между «Справедливой Россией», «Партией за справедливость!», с одной стороны, и КПРФ, РПР-ПАРНАС, ЛДПР и РЭП «Зеленые», с другой. Кроме того, в Брянской области корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» составляла 0,803, а в Республике Алтай она стремилась к нулю ($R=-0,002$).

Зато в отличие от Брянской области, где не прослеживалось никакой связи между первым электоральным размежеванием и факторами социаль-

ной стратификации (явный признак грубого приписывания голосов «Единой России»), в Республике Алтай это размежевание оказалось обусловлено сразу и фактором урбанизации, и демографическими характеристиками (за «справедливые» партии лучше голосовали в «национальной» сельской глубинке и хуже в городах). Демографическими характеристиками было обусловлено в республике и третье электоральное размежевание – между «ЯБЛОКОМ» и отчасти «Справедливой Россией», с одной стороны, и «Единой Россией», с другой; оно же в известной степени коррелировалось с системным ($R=0,49$) и авторитарно-демократическим ($R=0,53$) политическими размежеваниями. Так или иначе, Республика Алтай подтвердила репутацию региона, электоральная политика которого определяется клановыми противоречиями (каждый из «родовых» кланов связан с той или иной партией, отсюда и резкие перепады в голосовании за ту же «Справедливую Россию» и мимикрирующую под нее «Партию за справедливость!»), из-под которых, однако, время от времени выглядывают общероссийские политические противостояния.

В свою очередь, в Брянской области социально обусловленным оказалось второе электоральное размежевание (уровнем урбанизации и уровнем экономической занятости) – между «Гражданской платформой», Российской партией пенсионеров за справедливость и КПРФ, с одной стороны, и «Справедливой Россией», «Коммунистами России» и ЛДПР, с другой. Это размежевание неплохо коррелировалось также с системным ($R=0,625$) и социально-экономическим ($R=0,544$) политическими измерениями. Правда, сильная корреляция с системным размежеванием объяснялась всего лишь невыраженной позицией ГП и РППЗС по «украинскому вопросу».

Второй кластер составили едва ли не самые проблемные в электоральном плане регионы страны – Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Тува. В 2011 г. первые два субъекта принадлежали к самому неконкурентному кластеру, а Тува – к третьему, малоконкурентному. В 2014 г. явка везде была существенно выше средней – от 67,56% в Карачаево-Черкесии до 80,53% в Туве. Политических размежеваний везде по два, электоральных – два в Карачаево-Черкесии и по три в Кабардино-Балкарии и Туве. Корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» была высокой только в Туве ($R=0,644$), в Карачаево-Черкесии она составила лишь 0,402, а в Кабардино-Балкарии и вовсе -0,015. Во всех трех регионах первое электоральное размежевание носило выраженный властно-общественный характер (корреляция с авторитарно-демократическим политическим размежеванием – от 0,716 в Кабардино-Балкарии до 0,84 в Карачаево-Черкесии; в Карачаево-Черкесии первое электоральное размежевание было также сильно связано с системным – $R=0,613$).

Однако сами по себе эти цифры мало о чем говорят. Например, в

Карачаево-Черкесии ни одно из электоральных размежеваний не было обусловлено социально, а значит, все проявившиеся политические симпатии в лучшем случае отражали предпочтения руководства избирательных комиссий. Как и в 2011 г., Карачаево-Черкесия оказалась едва ли не самым «запущенным» в электоральном плане регионом.

В Кабардино-Балкарии социально обусловленным – уровнем инвестиций и уровнем урбанизации – было только второе электоральное размежевание, не имевшее, впрочем, выраженного политического характера: «ЯБЛОКО» и КПРФ противостояли ЛДПР.

В Туве же, напротив, все три электоральных размежевания были связаны с теми или иными факторами социальной стратификации: первое (властно-общественное) – с уровнем урбанизации и уровнем предпринимательской активности, второе (либерально-патриотическое – РПР-ПАРНАС против остальных; корреляция с системным политическим размежеванием – $R=0,817$) – с уровнем урбанизации и демографическими характеристиками, третье («Справедливая Россия» против «Единой России», «Коммунистов России» и «Патриотов России»); корреляция с авторитарно-демократическим политическим – $R=0,653$) – с уровнем предпринимательской активности и уровнем экономической самостоятельности. В 2011 г. в республике наблюдалось только два электоральных размежевания, причем социально обусловленным (демографическими характеристиками) было только первое из них – властно-общественное. Так что повышение уровня политической конкуренции по сравнению с думскими выборами здесь налицо.

В третий кластер вошли Хабаровский край, Волгоградская и Тульская области. Политических размежеваний везде было по два, электоральных – четыре в Хабаровском крае и по три в двух других регионах. Явка ниже средней: наименьшая в Хабаровском крае (25,45%, но при высокой корреляции с голосованием за «Единую Россию» – $R=0,818$), чуть больше в Волгоградской области (36,59%; корреляция с голосованием за ЕР – $R=0,542$) и наибольшая в Тульской области (40,52%, при почти нулевой корреляции с голосованием за ЕР – $R=0,09$). Во всех трех регионах первое электоральное размежевание отчетливо коррелировалось с авторитарно-демократическим политическим и было обусловлено социальными факторами (уровнем урбанизации в Хабаровском крае и Волгоградской области, кроме того, в Хабаровском крае – уровнем благоустроенности, а в Волгоградской области – демографическими характеристиками; в Тульской области – только уровнем экономической активности).

Социально обусловленными везде оказались также второе и третье размежевания: второе – уровнем урбанизации (Волгоградская и Тульская области) и уровнем благоустроенности (Хабаровский край), третье – уров-

нем урбанизации и демографическими характеристиками (Волгоградская область), уровнем благоустроенности (Тульская область), уровнем экономической активности и уровнем благоустроенности (Хабаровский край). С политическим наполнением этих размежеваний, однако, дело обстоит хуже: в Хабаровском крае ни то ни другое не имело четких связей с политическими противостояниями, в Волгоградской и Тульской областях формально наблюдалась средневыраженная корреляция с системным размежеванием, но это было связано скорее с присутствием на одном из полюсов «ЯБЛОКА» – единственной либеральной партии, допущенной в этих регионах к выборам.

Напомним, что на думских выборах 2011 г. все три региона входили в усредненный кластер. В 2014-м они оказались самыми конкурентными.

Что касается двух особняком стоящих случаев, то Татарстан подтвердил репутацию электорально управляемого региона – очень высокая явка (80,36%), тесная связь между явкой и голосованием за «партию власти» ($R=0,937$), одно электоральное размежевание отчетливо властно-общественного характера (корреляция с авторитарно-демократическим политическим измерением – $R=0,889$, с системным и того выше – $R=0,97$). Как и в 2011 г., это единственное электоральное размежевание было обусловлено сразу тремя факторами социальной стратификации: уровнем урбанизации, демографическими характеристиками и уровнем экономической занятости. В этом регионе все осталось по-прежнему.

А вот в Марий Эл, принадлежавшей в 2011 г. к тому же, что и Татарстан, второму снизу по уровню конкуренции кластеру, произошли некоторые подвижки. Во-первых, здесь резко упала явка – с 75,7 до 41,67%, во-вторых, появилось второе электоральное размежевание, имеющее связь (пусть и довольно слабую – $R=0,429$) с социально-экономическим политическим измерением и социально обусловленное демографическими характеристиками. При этом первое электоральное размежевание, коррелирующееся не только с авторитарно-демократическим ($R=0,634$), но и, весьма тесно, с системным политическим размежеванием ($R=0,736$), на этот раз, в отличие от 2011 г., было обусловлено одновременно и уровнем урбанизации, и уровнем предпринимательской активности. В общем, стоило властям перестать усердствовать с обеспечением явки, и структура электоральных размежеваний в республике сразу приблизилась к общероссийской.

О положении дел в Крыму, Севастополе и Ненецком АО можно судить только по явке, корреляции между явкой и голосованием за «Единую Россию», количеству электоральных и политических размежеваний, а также корреляции между двумя этими видами размежеваний.

Явка в Крыму и Севастополе была средней по стране – соответственно 53,56 и 48,49%, в Ненецком АО немного ниже – 41,47%; корреляция между

явкой и голосованием за «партию власти» – не сильно выраженной: $R=0,456$ в Крыму, $R=0,352$ в Севастополе, $R=0,515$ в Ненецком АО. Факторный анализ выявил по два электоральных размежевания в НАО и Севастополе и четыре в Крыму, а политических – два в Севастополе и по три в Крыму и Ненецком АО (что составляет половину всех случаев трехмерности политического пространства).

В Крыму и Ненецком АО первое электоральное размежевание было тесно связано с авторитарно-демократическим политическим (в Крыму также с системным, но это получилось из-за того, что в одной компании с «Единой Россией» оказалась ДПР, всячески избегавшая обозначения своей позиции по «украинскому вопросу»). Второе электоральное размежевание ни там ни там не имело сколько-нибудь внятной корреляции ни с одним из политических, третье и четвертое в Крыму также не поддавались политической интерпретации. В Севастополе же политической окраски не имело ни первое, ни второе электоральное размежевание.

Кластерный анализ всех 13 регионов без учета связей между электоральными размежеваниями и социальной стратификацией привел к тому, что Севастополь и НАО вошли в одну группу с Марий Эл, а Крым – с Республикой Алтай, Хабаровским краем, Брянской, Волгоградской и Тульской областями.

Таким образом, каким бы странным это ни показалось, в плане электоральных размежеваний Севастополь и Крым существенно отличаются друг от друга. Впрочем, странным это может казаться только на первый взгляд: по территориальной структуре Крым намного ближе к любому другому субъекту РФ, чем Севастополь, – здесь есть города и села, местности, населенные преимущественно крымскими татарами и населенные преимущественно русскими, и т.д. Севастополь же, будучи намного более однородным по демографическому составу своих жителей, напоминает скорее Москву и Санкт-Петербург, поэтому и сравнивать его логичнее с ними.

3.2.6. Выводы

Возвращаясь к вопросу о влиянии партийной реформы 2012–2013 гг. на структуру электоральных размежеваний, можно лишь повторить, что если целью инициаторов реформы было окончательно сбить с толку всех подряд, то они своего добились. Разобраться, кто есть кто, трудно даже специалисту, вооруженному методами статистического анализа, – что уж говорить о неискушенном избирателе. Увеличение числа участников избирательного процесса за счет мнимых партийных величин повлекло умножение измерений политического пространства и косвенно – рост количества электоральных размежеваний (корреляция между количеством

электоральных и политических размежеваний на выборах 2012–2014 гг. хотя и не очень велика, но все-таки достаточно значима – $R=0,527$).

Если в некоторых регионах и наблюдалось повышение уровня политической конкуренции, то среди его причин следует числить не столько допуск к выборам новых участников, сколько ослабление нажима на зависимых от государства избирателей: власти уже не гнали на выборы всех поголовно, заставляя голосовать за «Единую Россию» (и не обязывали избирательные комиссии любой ценой обеспечить «партии власти» не менее 70% голосов), а ограничивались «точечным» давлением – в отдельных местах и на отдельные категории бюджетников.

Региональные выборы 2012–2014 гг. можно также считать опытным полем для обкатки новых (а точнее, подзабытых старых) подходов к обеспечению нужных для верхов результатов. Выборы показали, что этих результатов можно добиться не только закручиванием гаек, но и частичным их ослаблением. Можно со скандалом снимать с регистрации неугодные партии, а можно запустить нескольких спойлеров и получить на выходе то, что требовалось. Можно искусственно «натягивать» явку до 99%, а можно, наоборот, сбить ее до 25% и все равно обеспечить «Единой России» большинство в региональном парламенте.

Впрочем, не стоит преувеличивать креативность властей: во многих регионах они и не думали менять тактику – опыт Башкортостана, Татарстана, Удмуртии, Чечни, Краснодарского края, Кемеровской, Пензенской, Саратовской, Ростовской областей показывает, что там, где начальство не видело смысла отказываться от проверенных способов, оно продолжало их использовать.

К тому же в 2014 г. обозначилась четкая тенденция ужесточения требований к участникам выборов, и это сразу же дало свои результаты: уменьшилось число как электоральных, так и (особенно) политических размежеваний. Однако общий тренд сохранился: регионы по-прежнему делились на те, где власти продолжали держать вожжи натянутыми, и те, где они их немножко отпустили. В первых не изменилось ничего, во вторых произошла не столько либерализация электоральной жизни, сколько выход на первый план межклановых противоречий, особенно очевидный в национальных республиках.

В любом случае, говоря о «партийной реформе» 2012–2014 гг., следует заключать это словосочетание в кавычки и трактовать данное мероприятие как очередной маневр правящей бюрократии в долгосрочной стратегии под названием «непредсказуемое изменение процедуры с целью достижения предсказуемого результата».

РАЗДЕЛ 4.

Партийная реформа и региональные партийные системы

Российские регионы, несмотря на начавшуюся в 2000-х гг. унитаризацию, все еще неоднородны, в том числе и в том, что касается состояния их избирательных и партийных систем. Даже при схожем институциональном дизайне на составе участников, ходе и результатах выборов отражаются социально-экономические характеристики, этнический состав, особенности взаимодействия ведущих акторов, уровень политической конкуренции и активности общественных групп.

Данный раздел посвящен анализу избирательных кампаний и развития партийных систем в различных субъектах Федерации. Регионы не отбиралась специально, но даже случайный их набор подтверждают справедливость концепций «четыре России»¹⁸⁶ и «России регионов»¹⁸⁷.

Для каждого случая (региона) приводятся характеристики социально-экономической и политической ситуации, дается краткий обзор истории выборов и формирования партий. Основное внимание при этом уделено ходу и результатам последних федеральных и региональных кампаний; рассмотрены также итоги муниципальных выборов и выборов глав региона (если таковые имели место). В результате получилась достаточно пестрая картина: регионы с высоким уровнем конкуренции и протестного голосования, но желательными для власти результатами (Москва, Астраханская область) соседствуют с субъектами Федерации, в которых оппозиционные силы добиваются значительных успехов (Иркутская и Свердловская области), равно как и с теми, где выборы проводятся практически на безальтернативной основе (Башкортостан, Алтайский край). Уже это небольшое число примеров выявляет несинхронность региональных политических процессов и показывает, что федеральному центру, вопреки всем усилиям, не удастся причесать всех под одну гребенку. Потенциал политического разнообразия в регионах остается достаточно высоким.

4.1. Выборы в Москве: между полной управляемостью и возвратом к конкурентности

Москва – специфический субъект Федерации. Обилие сконцентрированных здесь финансовых потоков, высокий уровень жизни, большая, чем

---

¹⁸⁶Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.

¹⁸⁷Тельман В., Бри, М. Россия регионов. М.: Весь мир, 2000.

в других регионах, доля «рассерженных горожан» создают особые условия – в том числе для партий, чьи руководящие органы квартируют именно в столице. Выборы же в Москве во многом рассматриваются властями как тестовые и имеют широкий общественный резонанс.

Вместе с тем в Москве углубляются размежевания и обостряются любые конфликты: самый большой приток внутренних и внешних мигрантов, максимальный разрыв между богатыми и бедными, острые проблемы городской жизни (пробки, парковки, дорожное строительство, вырубка зеленых насаждений, уплотнительная застройка, а в последнее время еще и проблемы Новой Москвы) обуславливают высокий уровень протестной активности и голосования за оппозицию.

Предметом данного исследования являются изменения в партийном спектре Москвы по итогам последних избирательных кампаний.

4.1.1. Особенности социально-экономических и политических процессов в Москве

Агломерационный характер и выполнение столичных функций дают Москве, по определению Н. Зубаревич, «ренту столичного статуса»¹⁸⁸. Крупный бизнес старается быть ближе к Кремлю, Белому дому и мэрии, чтобы лоббировать свои интересы. Весь постсоветский период Москва сохраняла первое место по показателю коэффициента Джини – соотношения доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных жителей¹⁸⁹. Средний доход москвичей превышает среднероссийский в 2,2 раза, но при этом более трети жителей столицы (большой частью пенсионеры) получают поддержку из бюджета города¹⁹⁰.

Зависимые от бюджета граждане – врачи, учителя, коммунальные работники, чиновники, силовики – являются основой электоральной базы «московской политической машины»¹⁹¹, стабильной на протяжении многих лет¹⁹².

При этом Москва (особенно сейчас, после присоединения новой территории) весьма неоднородна и включает как высокоурбанизированные районы, так и сельскую местность¹⁹³. Ячейки «городской сети» отличаются по составу населения, стилю и образу жизни¹⁹⁴.

---

¹⁸⁸Зубаревич Н. Рента столичного статуса // Pro et Contra, 2012, № 6. С. 6–8.

¹⁸⁹Зубаревич Н. Неравенство доходов населения: пространственная проекция // Pro et Contra, 2013, № 6. С. 54.

¹⁹⁰Там же. С. 10–11.

¹⁹¹Гельман В., Бри М. Россия регионов...

¹⁹²Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. С. 701.

¹⁹³Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et Contra, 2012, № 6. С. 19–32.

¹⁹⁴Ревин Г., Тарновецкая Р., Чубукова М. Из чего состоит Москва // Ведомости, 4.06.2014.

Территориальную неоднородность дополняет неоднородность социально-культурная, которая определяет политические пристрастия и электоральное поведение московского населения, состоящего из мало-динамичного большинства с советскими стереотипами и мобильного меньшинства, ориентированного на западные стандарты. Кроме того, эти факторы влияют на локализацию протестного поведения.

Московский политический класс отличается непрозрачной многослойной структурой: Кремль, мэрия, руководство партий и несистемной оппозиции, влиятельные бизнес-игроки и т.д. Наличие единого, кремлевского, политического вектора не предохраняет от частых конфликтов, порождаемых несогласованностью действий разных управленческих этажей. Кроме того, Москва еще с лужковских времен привыкла получать карт-бланш при принятии конкретных решений, в том числе касающихся проведения выборов и определения «априори» их победителей.

Общезакономерную повестку дня определяют кроме всего прочего заявления и действия руководства различных партий, протестные акции (и суды над задержанными), имеющие широкий резонанс в СМИ.

Все это сочетается с сетью горизонтальных связей оппозиции и власти, формальными и неформальными контактами, наличием площадок для регулярных встреч представителей конкурирующих групп (редакции СМИ, посольства, конференции и пр.). В последнее время к числу коммуникационных площадок добавились также социальные сети, служащие важным источником информации (и дезинформации).

4.1.2. От «электорального авторитаризма» к фиктивным выборам

Российский режим, по словам В. Гельмана, представляет собой «электоральный авторитаризм», играющий по правилам, которые призваны обеспечить инкумбенту победу для: а) эффективного контроля над аппаратом всех уровней и б) внутри- и внешнеполитической легитимизации¹⁹⁵. Главными инструментами этого служат президентализм, субнациональный авторитаризм и доминирующая партия¹⁹⁶.

Следует отметить, что по степени жесткости электорального авторитаризма столица существенно опережает свою страну. Уже в 1993 г. были определены институциональные рамки, ограничивающие численность Мосгордумы 35 депутатами; административный ресурс с каждым избирательным циклом применялся все интенсивней; в отсутствие действенного контроля со стороны общественности это привело к формированию пар-

---

¹⁹⁵Гельман В. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития, 2012, № 4. С. 2

¹⁹⁶Там же. С. 4.

ламенты с доминирующим большинством¹⁹⁷. В 1997 г. на выборах в МГД победил «список Лужкова», в 2001-м – список блока «Отечество – Вся Россия». (Помимо «партии власти» и коммунистов в этих составах Мосгордумы было представлено и «ЯБЛОКО», а в 2005 г. по списку партии, включавшего также представителей СПС, удалось провести трех депутатов¹⁹⁸.)

Для достижения таких результатов мэрия применяла целый ряд ресурсов¹⁹⁹:

- законодательный – ужесточение требований к сбору подписей и проведению агитации, а также повышение барьера для партийных списков (в 2005 г. – до беспрецедентных 10%), произвольная нарезка округов; назначение выборов на время, неудобное для активной агитации, и т.п. – чтобы отсеять значительную часть потенциальных участников выборов;

- административный – возможности всей исполнительной вертикали (мэрии, префектур, управ, бюджетных учреждений, коммунальных служб, избирательных комиссий всех уровней, правоохранительных органов) – с целью воспрепятствовать оппозиции проводить агитацию и затруднить работу наблюдателей;

- медийно-информационный – использование теле- и радиоканалов как в ходе избирательных кампаний, так и в промежутках между ними (именуемое освещением постоянной деятельности представителей власти); использование для рекламы провластных кандидатов районных газет и досок объявлений домов, предприятий социальной сферы и торговли пр.; регулярные адресные обращения этих кандидатов к избирателям;

- фальсификационный – широкий спектр нарушений и подтасовок: от «круизного» голосования и голосования на дому до переписывания протоколов в УИКах и ТИКах.

В бытность Ю. Лужкова мэром столицы выборы градоначальника очень напоминали выборы президента в постельцинский период. В 1996 г. действующий глава города получил 87,5% голосов, в 1999 г. – 69,89%, в 2003 г. – 74,81%.

Использование всего спектра указанных ресурсов достигло максимума на излете «лужковской эпохи» – на выборах в Мосгордуму 2009 г. При этом, конечно, сказались эффекты ужесточения партийного и избирательного законодательства (число потенциальных участников выборов ограничивалось семью партиями), переноса выборов на октябрь (в результате

---

¹⁹⁷Любарев А.Е. Выборы в Москве. Опыт 12 лет. 1989–2000 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/book/ch17.html>).

¹⁹⁸Правда, впоследствии избранный от «Яблока» член СПС И. Новицкий перешел в «Единую Россию».

¹⁹⁹Об этом см. Бузин А. Драматичная история московских выборов (<http://abuzin.livejournal.com/135380.html>). А. Бузин дает несколько иную классификацию используемых ресурсов.

основное время для агитации пришлось на лето) и нарезки одномандатных округов огромных размеров (это благоприятствовало кандидатам с большими административными либо финансовыми ресурсами)²⁰⁰. Из семи зарегистрированных партий в выборах участвовало только шесть: «Правое дело», преемник СПС, оказалось не в состоянии сформировать список из-за слабости и внутренних конфликтов. Список «Патриотов России» возглавил председатель партии Г. Семигин, КПРФ и «ЯБЛОКА» – депутаты МГД Н. Губенко и С. Митрохин, «Справедливой России» и ЛДПР – лидеры этих партий депутаты Госдумы Н. Левичев и В. Жириновский. Показательна первая тройка «Единой России»: мэр Ю. Лужков, его заместитель Л. Шевцова и председатель МГД В. Платонов – при таком составе логично было ждать ударного применения всех ресурсов.

Так и вышло. Оппозиционные кандидаты-одномандатники зарегистрированы не были – им не зачили собранные подписи. Власти провели целенаправленную работу по снижению явки. Всем участникам, кроме представляющих «Единую Россию», чинились всевозможные препятствия – недопуск в официальные СМИ, «утера» агитационных материалов и билбордов и т.п., что вызывало многочисленные скандалы. Множеством нарушений и фальсификаций ознаменовался и сам день голосования.

В результате «Единая Россия» получила на 12% больше, чем на думских выборах 2007 г. (66,25%), что противоречило как господствующим электоральным тенденциям, так и логике вообще²⁰¹. Кроме ЕР преодолеть заградительный барьер смогла только КПРФ (13,3%). Число кандидатов от власти, победивших в одномандатных округах, достигло абсолютного максимума: 17 из 17. Из 35 депутатов Мосгордумы оппозицию представляли только три представителя КПРФ²⁰². Протесты думских фракций КПРФ, ЛДПР и СР, которые 14 октября предприняли демарш – покинули зал заседаний Госдумы, ситуацию не изменили, но, судя по всему, не остались незамеченными избирателями.

В течение последующих двух лет росла уличная активность – как гражданская, так и политическая. Граждане все чаще протестовали против уплотнительной застройки, сноса памятников архитектуры, вырубки парков и садов²⁰³. Возникали специализированные гражданские группы

---

²⁰⁰Подробнее об этих выборах см. Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013. От партизации к персонализации. М.: Панорама, 2014. С. 672–683.

²⁰¹Там же. С. 681.

²⁰²Одним из казусов этих выборов был результат на участке, где вместе с семьей голосовал С. Митрохин: во вскрытой урне не было обнаружено ни одного голоса, отданного за «Яблоко».

²⁰³Подробнее об этом см. Michaleva G. Das politische Potential der Zivilgesellschaft in Russland während der Präsidentschaft von Wladimir Putin und Dmitri Medwedew // Центр исследований Восточной Европы. Nr. 116 – November 2011.

– по защите автомобилистов (Федерация автовладельцев России, «Общество синих ведерок»), сохранению памятников архитектуры («Архнадзор») и др. Радикализировались и регулярно проводили уличные акции неформальные политические партии²⁰⁴. В этом отношении показательны несанкционированные протесты в защиту ст. 31 Конституции РФ, которые каждое 31 число организовывали сторонники Э. Лимонова («Другая Россия») и которые каждый раз заканчивались задержаниями участников. Между активистами гражданского и политического протеста постепенно налаживались связи, в том числе через интернет.

После отставки в октябре 2010 г. Ю. Лужкова и назначения на его место «варяга» С. Собянина, политическая машина бывшего мэра начала расшатываться. Собянин, которому пришлось заново отстраивать властную вертикаль²⁰⁵, мог опираться на поддержку президента Д. Медведева и, что важнее, премьер-министра В. Путина, однако отлаживание собственной машины оказалось сложной задачей.

4.1.3. Выборы как катализатор массовых протестов

В период перед думскими выборами 2011 г. рейтинг президента и власти в целом падал, недовольство москвичей росло. Оно дало о себе знать незадолго до выборов – 5-тысячным митингом в защиту Химкинского леса²⁰⁶. Активисты низовых гражданских групп готовы были участвовать и в электоральном процессе. В предыдущих избирательных циклах наблюдением на выборах занимались только партии, оплачивавшие работу своих наблюдателей, и профильные НКО, в первую очередь «Голос». Накануне выборов 2011 г. число волонтеров, желающих работать наблюдателями, достигло нескольких десятков тысяч. Появились и новые организации – «Росвыборы», «Гражданин наблюдатель», «Сонар» и др. Некоторые из них объединили усилия с партиями-конкурентами ЕР, прежде всего с «ЯБЛОКОМ», КПРФ и «Справедливой Россией». Значительная часть наблюдателей прошла обучение и получила мандаты наблюдателей либо от партии, либо от какого-нибудь СМИ. Одно только «ЯБЛОКО» выдало удостоверения более чем 3 тысячам наблюдателей.

Толчком для взрыва общественного возмущения послужило публично высказанное решение В. Путина и Д. Медведева поменяться местами в «тандеме» (24 сентября 2011 г.), т.е. электорату еще до выборов дали понять: его мнение значения не имеет.

---

²⁰⁴Подробнее об этом см. Михалева Г. М. Партии и гражданское общество. Алгоритмы взаимодействия // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра. М.: КМК, 2012. С. 74–95.

²⁰⁵Собянин, как правило, назначал своих бывших подчиненных из ХМАО, Тюменской области, правительства РФ. Подробнее о персональных изменениях в московской власти см. Иванов М., Бекбулатова Т. Москва не сразу построилась // Коммерсант, 20.10.2014. С. 4.

Итоги думской кампании в Москве не слишком отличались от общенациональных, за исключением результата «ЯБЛОКА» – 8,84% голосов (по стране – 3,43%). В ряде округов итоги голосования оказались совершенно неправдоподобными. Так, в Гагаринском округе «ЯБЛОКО» получило 20,73% голосов, тогда как в центре города, на Арбате, в районе, настроенном к власти ничуть не менее критически, – всего 1,8%. Аналогичные перепады были зафиксированы и на многих соседних, даже располагавшихся в помещении одной школы, участках. На участках с КОИБами и без них разница в результатах, полученных КПРФ и «ЯБЛОКОМ», иногда составляла до 60% и более²⁰⁷. «Единой России» приписывали как «ничейные» голоса, так и отданные за другие партии²⁰⁸. Впервые большое количество людей собственными глазами увидели, как фальсифицируются результаты голосования с помощью «каруселей», вбросов, переписывания протоколов в ТИК и т.п.

Нарушения на выборах породили самое массовое с конца 1980-х гг. движение протеста. По данным социологических служб, состав его участников был весьма пестрым, но особенно выделялись благополучные, образованные молодые люди, позже названные «рассерженными горожанами». Большинство из них до того не принимали участия ни в протестных акциях, ни в работе партий и НКО.

У протестов не было единого политического вектора – участие в них помимо «рассерженных горожан» принимали самые разные силы: демократические («ЯБЛОКО», ПАРНАС, «Солидарность»), леворадикальные (Левый фронт, Антифа), националисты²⁰⁹, правозащитные и экологические НКО, ЛГБТ-сообщество и пр. Зарегистрированные партии, за исключением «ЯБЛОКА», в этих акциях не участвовали. Присутствие в оргкомитетах последних ряда депутатов-«справороссов» (Г. и Д. Гудковы, И. Пономарев) ситуации не меняло.

В числе организаторов акций были в том числе те, кто ранее призывал к бойкоту выборов (например, А. Рыклин и С. Удальцов). Оргкомитет, транслировавший свои заседания в интернете, большей частью состоял из журналистов и писателей, профессиональных политиков там было не-

---

²⁰⁶Подробнее о динамике массовых протестов см. Gabowitz M. Putinkaputt? Berlin: Suhrkamp. 2013; Михалева Г. Экстрасоциальные феномены российской политики: неформальные партии и гражданские инициативы // Вестник РГГУ 2014, № 1. С. 94–106.

²⁰⁷Киреев А. Карты результатов выборов в Москве (<http://kireev.livejournal.com/710951.html>).

²⁰⁸Наш дурдом голосует «за» // Ведомости, 6.12.2011.

²⁰⁹Часть националистических групп отказалась участвовать в совместных с либералами мероприятиях. На акциях были представлены в основном «Русские» и РОД. См. Альперович В., Верховский А., Юдина Н. Между Манежной и Болотной: ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2011 году в России. М. Ж «Сова», февраль 2012. С. 21–24.

много. Характерно, что ведущая роль в ОК принадлежала тем, кто либо выступал с самых радикальных позиций (С. Удальцов), либо пользовался максимальной популярностью в интернете (В. Рыжков, Е. Чирикова).

Результаты президентских выборов 2012 г. в Москве уже сильно отличались от средних показателей по стране.

Кандидат	По России (%)	В Москве (%)
Путин В.В.	63,60	46,95
Зюганов Г.А.	17,18	19,18
Миронов С.М.	3,85	5,05
Прохоров М.Д.	7,98	20,45
Жириновский В.В.	6,22	6,3

На выборах не был зарегистрирован Г. Явлинский, вместе с «ЯБЛОКОМ» участвовавший в протестных акциях, однако удостоверение кандидата в президенты не без помощи ЦИК получил олигарх М. Прохоров, «реанимированный» после неудачного старта с «Правым делом». Именно ему отошли все протестные голоса. К тому же еще не угасшая активность наблюдателей способствовала снижению в Москве уровня фальсификаций.

Это позитивно отразилось и на проходивших одновременно с президентскими муниципальных выборах, в которых участвовала часть активистов, ранее бывших наблюдателями. До этого число муниципальных депутатов, не связанных с властью, не превышало 5–10%. В 2012 г. таких кандидатов было в два раза больше, чем в 2008-м²¹⁰, и от четверти до трети из них получили депутатские мандаты. Интересно, что в качестве независимых кандидатов баллотировались также представители «Единой России». В ряде муниципалитетов были сформированы оппозиционные фракции, пользовавшиеся поддержкой гражданских активистов. Это позволило решить ряд проблем, ранее казавшихся нерешаемыми²¹¹.

4.1.4. Московская политика при Собянине: политическая машина нового типа

Столкнувшись с новыми вызовами, С. Собянин вынужден был поменять «начинку» московской политической машины, что отчетливо проявилось на выборах мэра столицы 2013 г. «Программой-максимум» этих выборов была победа Собянина в первом туре при сохранении видимости конкуренции – власть по-прежнему опасалась всплеска протестной активности. Выборы были досрочными, Собянин позиционировал себя как хозяйственник, а москвичи еще не разобрались, какую политику он намерен проводить. При

²¹⁰Ивахник А. Политика идет на низовой уровень. 21.03.1012 (<http://politcom.ru/13512.html>).

²¹¹Например, власти отказались от реконструкции Ленинского проспекта, строительства ряда объектов, вырубки зеленых насаждений во многих городских районах.

этом мэрия была отчасти готова прислушаться к гражданам: проводила общественные слушания, создавала советы с участием гражданских активистов (в частности, в результате работы совета при департаменте природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы было приостановлено несколько строительных проектов, демонтированы незаконные постройки на особо охраняемых природных территориях и т.п.)²¹².

Тем временем характер протестного движения во многом изменился. Действия как властей, так и организаторов акций нередко можно было назвать провокационными. Со стороны организаторов (особенно С. Удальцова) все чаще стали звучать требования, например, «двинуться на Кремль», а власти начиная с марта 2012 г. все чаще задерживали участников акций. Конфликт достиг пика 6 мая: началось все с «сидячей забастовки» участников шествия, протестовавших против ограничения прохода на Болотную площадь, а закончилось столкновениями с полицией, избиениями и возбуждением уголовных дел.

В качестве реакции на репрессии возникли новые формы протеста: «гуляния» писателей и художников по бульварам, лагеря протеста («ОккупайАбай», «ОккупайБаррикадную», «ОккупайОкуджаву»), «опросы» (Екатеринбург, июль 2012 г.), чтение стихов у памятников и пр. Массовостью отличались «Социальный марш» 12 июня 2012 г. и осенний марш против «антисиротского» закона («закона Димы Яковлева»). Однако протест базировался исключительно на неприятии существующей власти. Ответы на вопросы, какой должна быть новая власть и что нужно делать, чтобы сменить старую, расходились коренным образом. Избранный осенью 2012 г. (в том числе с помощью социальных сетей) Координационный совет оппозиции уже к лету 2013 г. продемонстрировал полную недееспособность.

Парадокс этой избирательной кампании заключался в том, что власть была заинтересована в привлечении не связанных с нею кандидатов, которые своим участием легитимизировали бы выборы в глазах активных москвичей. Прежде всего, нужно было обеспечить таким кандидатам подписи 110 муниципальных депутатов (6% от общего числа). Собственными силами это могли сделать только КППФ и «Справедливая Россия» (у них было соответственно 204 и 125 депутатов). Всем остальным помогла близкая к мэрии Ассоциация муниципальных образований Москвы, обеспечившая недостающими подписями С. Митрохина («ЯБЛОКО»), М. Дегтярева (ЛДПР), Н. Левичева (СР) и выдвинувшегося от РПП-ПАРНАС А. Навального²¹³. Сам Собянин предпочел пойти на выборы не от «Единой России», а в качестве самовыдвиженца, представив подписи избирателей.

---

²¹²Об этом см. Экология, политика и гражданское общество / Под ред. Г.М. Михалевой и др. М., 2014.

²¹³А. Навальный был осужден 18 июля на пять лет по делу «Кировлеса» и взят под стражу

Мэрия сделала все что могла, чтобы выборы воспринимались как честные: на каждом участке были установлены камеры наблюдения (изображение выводилось на мониторы), повсюду были наблюдатели, СМИ имели возможность транслировать в прямом эфире ход голосования и подсчет голосов. Координировал процесс наблюдения за выборами главный редактор «Эха Москвы» А. Венедиктов, задействовавший возможности своей радиостанции. При этом электоральная машина мэрии работала явно не на полную мощность.

Безусловной звездой выборов стал герой «рассерженных горожан» А. Навальный. В ходе кампании он использовал новые технологии (т.н. агитационные кубы, социальные сети, группы волонтеров), отказался от националистических лозунгов²¹⁴ и прибегал в основном к оппозиционно-популистской риторике. Динамичная, современная кампания, имидж мученика и большой объем финансовых ресурсов, собранных в том числе с помощью «электронных кошельков», вывели А. Навального в лидеры оппозиционного голосования. Протестный электорат был отмобилизован. При низкой явке (32%) Собянин с большим трудом (в том числе за счет Новой Москвы) набрал 51,37%. Результат Навального стал сенсацией – 27,24%; по всей видимости, ему достались голоса тех, кто ранее не голосовал или традиционно голосовал за либеральные и демократические партии. И. Мельников, судя по всему, был поддержан традиционным электоратом КПРФ (10,69%). Н. Левичев (СР) и М. Дегтярев (ЛДПР) набрали всего 2,79 и 2,86% соответственно.

Эти результаты стали тревожным звонком для Собянина. Они свидетельствовали о реальной возможности получить на предстоящих в 2013 г. выборах оппозиционную Мосгордуму. На помощь мэру пришла Госдума, «подморозившая» партийную реформу и вновь «перереформировавшей» избирательное законодательство (см. разд. 1). Москве и Санкт-Петербургу было предоставлено право проводить выборы в региональные собрания исключительно по мажоритарной системе. Москва воспользовалась этим правом, полностью отказавшись от пропорциональной системы. При этом число депутатских мест в Мосгордуме было увеличено лишь до 45 (нижняя планка для регионов с населением более 2 млн человек). Право выдвигать кандидатов на выборах в МГД без сбора подписей получили парламентские партии и «ЯБЛОКО», набравшее на предыдущих выборах более 3% голосов. Минимальное количество подписей, которые должны были собрать самовыдвиженцы, было увеличено с 1 до 3% от числа избирателей округа

в зале суда, но в тот же день отпущен до обжалования приговора и получил право участвовать в выборах. Позже срок был заменен ему на условный

²¹⁴А. Навальный был участником и организатором ряда «Русских маршей», а также основателем умеренно-националистического движения «Народ» (2007).

(4,5–5 тыс.). Эти изменения были дополнены перенарезкой округов, нарушавшей границы районов, что снижало шансы муниципальных депутатов, баллотирующихся в МГД.

Чтобы уменьшить стоимость мандата и привлечь лояльных власти людей (артистов, главврачей, директоров школ, руководителей крупных фирм), располагающих ресурсами, но не намеренных становиться профессиональными политиками), основную часть депутатов городского парламента было решено перевести на непрофессиональную основу (с возможностью участвовать в заседаниях МГД только раз в месяц).

Еще один трюк властей заключался в проведении т.н. праймериз, выборов «кандидатов в кандидаты», чьим организатором выступила коалиция «Моя Москва», созданная рядом известных представителей власти, общественных деятелей и журналистов (Л. Рашаль, Л. Швецова, К. Ремчуков и др.). Участники праймериз (1053 человека, в т.ч. 24 действующих депутата МГД и представители лояльных власти групп, нуждающихся в раскрутке), получили возможность досрочной агитации, а победителям был обещан статус «народного кандидата». Оппозиция, за некоторыми исключениями²¹⁵, проигнорировала это абсурдное и вредное, с ее точки зрения, мероприятие. Эксперты квалифицировали праймериз как новую форму «списка мэра»²¹⁶, хотя горадминистрация свою причастность к этой затее всячески отрицала.

Несмотря на все призывы и административное принуждение, на «праймериз» зарегистрировалось около 320 тыс. избирателей, а пришло всего 258 тыс. (чуть больше 3%). Победителями стали 17 из участвовавших в них депутатов МГД. Среди заметных персонажей, шедших не от «Единой России», были, в частности, И. Свиридов (СР), Л. Ярмольник («Гражданская платформа»), А. Закондырин (Альянс зеленых). Часть победителей (в т.ч. А. Закондырин) впоследствии не стали баллотироваться. В целом мероприятие, на которое было потрачено 50 млн руб.²¹⁷, трудно признать успешным: его мобилизационный потенциал оказался низким, а часть послушного электората (пенсионеры) посчитала предварительное голосование настоящими выборами.

В ходе подготовки к выборам несистемная оппозиция создала коалицию «За Москву!», в которую вошли представители незарегистрированных партий и известные «протестанты» (М. Гайдар, О. Романова и др.). Первоначально предполагалось, что они объединятся на базе «программы Навального», однако тот не выказал заинтересованности в сотрудничестве.

---

²¹⁵Дочь Е. Гайдара Мария участвовала в этих «предвыборах», чтобы, по ее собственным словам, «посмотреть на процедуру изнутри».

²¹⁶Кому нужны праймериз перед выборами в Мосгордуму // Коммерсант, 19.05.2014.

²¹⁷Собянинцам сделали рекламу // Профиль, 8.06.2014.

После переговоров с «ЯБЛОКОМ» часть членов коалиции вошла в списки партии, часть предпочла баллотироваться в качестве самовыдвиженцев и начала собирать подписи. Избирательные комиссии отсеяли всех «несистемщиков», за исключением бывшего члена Координационного совета оппозиции муниципального депутата МО Щукино М. Каца, который с 2013 г. взаимодействовал с властями в рамках городских проектов. Таким образом, идеологически мотивированные политики «вымывались из списков»²¹⁸.

Сбор подписей, на который было отведено всего 20 дней, оказался трудноосуществимым даже для поддержанных властью кандидатов. По оценке Г. Мелькольянца («Голос»), из собиравших подписи кандидатов смогли зарегистрироваться лишь 58%²¹⁹.

Всего на выборах было зарегистрировано 273 кандидата, в том числе 49 самовыдвиженцев.

Избирательная кампания проходила на фоне «патриотического» подъема, вызванного присоединением Крыма: лозунг «Крымнаш#» был визитной карточкой всех думских партий и их кандидатов. Напротив, кандидаты от «ЯБЛОКА» (в 44 округах), около четверти из которых представляли либеральную часть несистемной оппозиции²²⁰, перед выдвижением подписали меморандум, содержащий такие требования, как смена режима, отделение бизнеса от власти, европейский вектор развития страны, отказ от национализма, признание присоединения Крыма аннексией. Независимые кандидаты сосредоточили внимание в основном на городских проблемах (зеленые насаждения, благоустройство, транспорт и пр.)

В ходе кампании не связанные с властью кандидаты сталкивались с привычными препятствиями: их стикеры срывались, их газеты вытаскивались из почтовых ящиков, площади для наружной агитации не предоставлялись, СМИ отказывались размещать их агитацию даже за деньги и т.п. Вместе с тем власти выделили всем кандидатам бесплатное время для дебатов на телевидении и радио.

В день голосования оппозиция, как и на выборах мэра, обеспечила наблюдение на избирательных участках, так что откровенных фальсификаций зафиксировано не было.

Явка оказалась рекордно низкой – 21,04%. Значимых изменений в составе МГД не произошло: 28 мандатов досталось кандидатам от «Единой России», 10 – «независимым» самовыдвиженцам, 5 – представителям КПРФ, по одному – кандидатам от ЛДПР и «Родины». Либералы и участники протестного движения представительства не получили. При этом

---

²¹⁸ Доклад КГИ // Коммерсант, 4.08.2014.

²¹⁹ Интервью с Г. Мелькольянцем // Коммерсант, 23.07.2014.

²²⁰ От «ЯБЛОКА» были выдвинуты представители «Демвыбора», Партии 5 декабря, «Солидарности», а также гражданские активисты.

среднее число голосов, полученных кандидатами от «ЯБЛОКА», составило 12,5%, пять из них набрали более 20% – достаточно высокий результат, если учитывать открытое несогласие с властью по «украинскому вопросу».

Нет сомнений, что новым московским властям придется труднее, чем их предшественникам: наличие множества гражданских активистов, имеющих опыт протестной деятельности, высокая концентрация оппозиционных лидеров и независимых СМИ (независимых в той степени, в какой это сегодня возможно), вынуждают мэра и его окружение к большей гибкости, чем во времена Лужкова.

Главная задача – обеспечение видимости честных выборов при заранее известных результатах – пока выполняется успешно. Вместе с тем властям приходится терпеть существование пусть и слабой, но решительной оппозиции – при сохранении риска повторения протестов на фоне экономического кризиса.

4.2. Свердловская область: нетипичная типичность

Свердловская область занимает пятое место в России (после Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Краснодарского края) по числу избирателей – 3 527 808 человек на момент президентских выборов 2012 г.

Как и в большинстве регионов, электоральные водоразделы в Свердловской области проходят по таким линиям, как уровень образования, величина поселения (города), доступность альтернативных источников информации. Различиями этих показателей обусловлено, например, то, что на думских выборах 2011 г. в Центральной группе, куда входит Екатеринбург, «Справедливая Россия» получила на 1,95% голосов больше, чем «Единая Россия», тогда как в Каменск-Уральской группе, наоборот, «партия власти» на 14,03% опередила СР.

До 2011 г. в области действовало двухпалатное Законодательное собрание, состав нижней палаты которого – Областной думы – раз в два года подвергался ротации. В конце августа 2011 г. депутаты регионального парламента приняли решение о самороспуске и назначили на 4 декабря выборы в однопалатное ЗС, совмещенные с думской кампанией. Еще до того, осенью 2010 г., изменилась система выборов в Екатеринбурге: в столице области, где проживает около трети избирателей региона, была введена «двуглавая» модель, предусматривающая назначение сити-менеджера и, одновременно, прямые выборы главы Екатеринбурга – председателя Екатеринбургской городской думы.

Если на общерегиональном уровне изменение системы выборов не вызвало особых возражений, то в Екатеринбурге городские власти, понимая, что новый порядок делает их уязвимыми перед областным руководством,

не спешили менять схему управления мегаполисом. Однако после ареста ряда чиновников мэрии сопротивление было сломлено. В итоге против изменения структуры управления городом выступила только активная часть общественности, объединившаяся вокруг комитета «Право выбора»²²¹.

Комитет провел ряд успешных акций. Публичные слушания по внесению изменений в устав города (17 сентября 2010 г.) собрали более 2 тыс. человек, причем «сторонники отмены выборов» из числа бюджетников были «приглашены» туда городскими властями. За изменение системы управления городом проголосовали 673 человека, против – 649, еще 72 воздержались. Таким образом, решение не набрало большинства голосов и подлежало отклонению. Однако власти удалось с явным нарушением процедуры проташить «поправки к отклоненным поправкам», отменяющие прежний порядок выборов мэра.

Итак, новый электоральный цикл начался с изменения избирательных правил.

4.2.1. Выборы в Государственную Думу (4 декабря 2011 г.)

Итоги выборов в Госдуму по Свердловской области существенно отличались от общероссийских (табл. 1).

Таблица 1. Итоги выборов в Государственную Думу по Свердловской области и РФ в целом

	Результаты по Свердловской области (%)	Результаты по РФ (%)	Разница (%)	Примечания
Явка	51,15	60,1	-8,95	Один из 15 регионов с наименьшими показателями
Единая Россия	32,71	49,32	-16,61	Один из пяти самых низких результатов в субъектах РФ
КПРФ	16,82;	19,19	-2,37	
ЛДПР	16,01;	11,67	+4,34	
Патриоты России	0,91;	0,97	-0,06	
Правое дело	2,07;	0,60	+1,47	Лучший результат по стране
Справедливая Россия	24,69;	13,24	+11,45	Третий результат по стране
Яблоко	4,27.	3,43	+0,84	Один из 15 самых высоких результатов в субъектах РФ

Ситуация с «малыми» партиями вполне ясна. Относительно высокий результат «ЯБЛОКА» обусловлен демократическими традициями региона; правда, кампания партии была не слишком внятной и довольно вялой. Результат «Правого дела» (лучший по стране) объяснялся прежде всего

²²¹В комитет вошли депутат Екатеринбургской гордумы Л. Волков (фактический глава ПВ), депутат Законодательного собрания А. Альшевских, предприниматель Д. Головин, политологи Ф. Крашенинников и К. Киселев, председатель регионального отделения Союза журналистов Д. Полянин.

екатеринбургскими корнями «Гражданской силы», одной из трех составных частей новой партии²²². Во-вторых, на известность «Правого дела» в Екатеринбурге сработал скандал, связанный с Е.Ройзманом – он сначала вступил в партию, а затем вышел из нее, хлопнув дверью. В-третьих, «Правое дело» провело активную избирательную кампанию, рассчитывая преодолеть заградительный барьер на выборах в Законодательное собрание (кампания, впрочем, выдержанная велась в традициях сетевого бизнеса, не достигла поставленной цели).

Успех ЛДПР был обусловлен грамотно выстроенной агитацией, организационные основы которой еще в 2007–08 гг. заложил известный политиконсультант Э. Абелинскас²²³.

«Справедливая Россия», получившая в области третий результат по стране, откровенно отбирала голоса у «Единой России» – налицо было перетекание электората (причем отнюдь не протестного) от одной «партии власти» к другой. Причины такой инверсии многообразны. Во-первых, «Единая Россия» значительно потеряла в поддержке в связи с изменением структуры управления Екатеринбургом, особенно велики были убытки в областном центре и городах-спутниках. Во-вторых, сыграла свою роль кампания ««Единая Россия» – партия жуликов и воров». В-третьих, у «Единой России» не было популярных лидеров. Низкий рейтинг и высокий антирейтинг тогдашнего губернатора А. Мишарина также сказались на (не) популярности «партии власти». Не добавила очков ни ему ни ей произошедшая буквально накануне выборов автомобильная авария с участием А. Мишарина, в результате которой погиб человек. В-четвертых, «Справедливая Россия» эффективно использовала в своих агитационных интересах проблемы ЖКХ – кампанию партии «Справедливое ЖКХ» можно считать наиболее яркой в области. В-пятых, на результатах ЕР и СР отразились напряженные отношения между городской и областной элитами. В итоге город, который мог бы переломить ситуацию в пользу «Единой России» административными методами, отказался от жесткого применения последних. Более того, в экспертной среде активно циркулировали слухи о поддержке городскими властями именно «Справедливой России».

4.2.2. Выборы в Законодательное собрание 4 декабря 2011 г.

Одновременно с думскими в области состоялись досрочные выборы в Законодательное собрание. Они проводились по смешанной системе:

---

²²²В конце 2000-х «Гражданская сила» преодолевала в Екатеринбурге 7%-ный барьер.

²²³ЛДПР заняла второе место по области на думских выборах 2007 г. (11,04% голосов) и выборах в Областную думу ЗС 2008 г. (16,07%). На выборах в ОДЗС 2010 г. она даже улучшила свой результат (16,88%).

половина депутатов (25 человек) избиралась по одномандатным округам, другая – по пропорциональной системе с территориальными группами.

Отбор участников был еще придирчивее, чем на федеральном уровне, а потому некоторые партии («ЯБЛОКО», «Патриоты России») в их число не вошли. Однако результаты голосования не сильно отличались от думских, не считая еще большего успеха «Справедливой России» (вообще показатели этой партии на региональных выборах примерно на 3% выше, чем на федеральных).

Какие-либо новые технологии не применялись. Единственным оригинальным ноу-хау стало переманивание избирателей из одного района или города в другой с целью улучшить показатели отдельных территориальных групп (фактически именно разбивка по этим группам и породила внутрипартийную конкуренцию). Однако в условиях достаточно высокой явки «переброс» избирателей с одной территории на другую существенного влияния на результаты выборов не оказал.

Таблица 2. Результаты выборов в Законодательное собрание Свердловской области 4 декабря 2011 г.

Партия	Число голосов (%)
Единая Россия	33,12
КПРФ	17,45
ЛДПР	15,87
Правое дело	3,54
Справедливая Россия	27,31

Если бы не выборы в одномандатных округах, результат «партии власти» (см. табл. 2) стал бы сокрушительным поражением. Однако «единороссы» одержали победу в 20 из 25 округов (в 10 из которых конкуренция имела вполне реальный характер), что поправило дело.

4.2.3. Выборы главы Нижнего Тагила

О выборах в Нижнем Тагиле (14 октября 2012 г.) можно было бы не упоминать, если бы не феномен «суровых тагильских мужиков», которыми в 2011–2012 гг. пугали «белоленточную» оппозицию.

Для Нижнего Тагила рассматриваемый электоральный цикл связан с изменением расстановки сил между элитными группировками в муниципалитете, где издавна конкурировали группы, ориентированные соответственно на ОАО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» им. Ф.Э. Дзержинского» (директор О. Сиенко) и Нижнетагильский металлургический комбинат им. В.И. Ленина (управляющий директор А. Кушнарев). Если ранее доминировала «группа НТМК», то теперь инициатива перешла к «команде УВЗ». Соответственно, согласованный с центром кандидат на

пост главы города С. Носов презентировался именно как представитель «Уралвагонзавода». Дополнительным его преимуществом было то, что в 2002–2005 гг. он работал управляющим директором НТМК (именно эти годы для НТМК и Нижнего Тагила в целом можно считать самыми «тучными» – особенно по сравнению с началом 2010-х).

Личная харизма, «электоральная память», а также тотальная зачистка политического пространства привели С. Носова к победе с результатом свыше 90% (табл. 3). Однако в таком результате есть и минусы. Во-первых, он подразумевает явно завышенный уровень ожиданий; во-вторых, в городе была практически полностью ликвидирована конкурентная среда, что не полезно в том числе и для экономики; в-третьих, принятие решений в городе почти целиком перешло в «ручной режим», институциональные механизмы пребывают в бездействии.

Таблица 3. Выборы главы города Нижний Тагил 14 октября 2012 г.

	Результат (%)
Явка	44,65
Гаев Владимир Александрович	0,92
Кубасов Алексей Михайлович	2,35
Макаров Игорь Юрьевич	0,5
Муринович Андрей Анатольевич	1,86
Носов Сергей Константинович	92,35
Семенченко Константин Павлович	0,79

4.2.4. Выборы главы Екатеринбурга – председателя Екатеринбургской гордумы 8 сентября 2013 г.

На выборах главы Екатеринбурга – председателя Екатеринбургской городской думы своих ставленников на роль кандидата от власти проталкивали мэрия и губернатор. Городская власть предлагала замуководителя администрации А. Высокинского, губернатор – главу своей администрации, бывшего председателя Екатеринбургской гордумы Я. Силина. И тот и другой, публикуя предвыборные материалы, соревновались в создании информационных поводов. Последнее слово, однако, было за федеральным центром – выбор пал на Я. Силина.

Многие эксперты именно это решение считают главной ошибкой Кремля: лишившись своего протеза, городские власти не проявили энтузиазма в обеспечении победы губернаторской креатуры. Существует и противоположное мнение: проигрыш согласованного кандидата не улучшил бы репутацию городских властей в глазах центра, а потому город вынужден был

со всем усердием стараться для Я. Силина. На наш взгляд, городские власти действительно работали на Силина, но из-под палки.

Сильным кандидатом считался также лидер регионального отделения «Справедливой России» депутат Госдумы А. Бурков. Для его нейтрализации был выдвинут «двойник» – Бурков Александр Владимирович, отличающийся от «оригинала» только отчеством. Более того, чтобы окончательно запутать избирателей, «двойник» был зарегистрирован как руководитель организации «Справедливое ЖКХ», название которой дублировало основной лозунг кампании А. Буркова и «Справедливой России». Из-за этого А. Бурков последние две недели перед выборами только и делал, что разъяснял отличия между Александром Леонидовичем и Александром Владимировичем. Однако, как показывает низкий процент голосов Владимировича, технология двойников не дала ожидаемого эффекта.

Наконец, третьим в «большой тройке» стал лидер фонда «Город без наркотиков» Е. Ройзман, выдвинутый «Гражданской платформой». До самого последнего момента сознательно сохранялась интрига: будет ли он вообще выдвигаться? Сообщения о его участии или неучастии в выборах длительное время определяли политическую повестку дня в Екатеринбурге. В итоге выдвижение Е. Ройзмана было замечено и региональными, и федеральными СМИ.

Всего было зарегистрировано 12 кандидатов, из которых самостоятельные кампании вели пять – А. Альшевских, А. Баков, А.Л. Бурков, Е. Ройзман и Я. Силин. Остальные либо представляли политические партии, либо выступали в качестве спойлеров. Реально за победу боролись только А.Л. Бурков, Е. Ройзман и Я. Силин, что видно из результатов голосования (табл. 4).

Таблица 4. Выборы главы Екатеринбурга – председателя Екатеринбургской гордумы 8 сентября 2013 г.

	Результат (%)
Альшевских Андрей Геннадьевич	4,56
Артюх Евгений Петрович	3,4
Бакова Анастасия Антоновна	1,22
Бурков Александр Владимирович	1,92
Бурков Александр Леонидович	20,25
Бурков Антон Леонидович	0,78
Карелин Герман Юрьевич	0,46
Носков Денис Анатольевич	1,07
Ройзман Евгений Вадимович	33,31
Рузаков Игорь Олегович	0,5
Рявкин Александр Юрьевич	0,29
Силин Яков Петрович	29,71

Кампания по выборам мэра имела ряд особенностей (эффектов), повлиявших на ее исход. Отметим основные три.

Эффект несправедливости. Речь идет о негативном характере кампании. Она велась в интересах основного оппонента Е. Ройзмана – ставленника власти Я. Силина. Именно его штаб считал, что нужно снижать явку и «сажать» рейтинги оппонентов.

Основным объектом критики был Е. Ройзман, факультативным – А. Бурков. Наибольшей остроты кампания достигла в последние две недели, когда стало понятно, что Е. Ройзмана с выборов не снимут, а его рейтинг уверенно повышается вопреки всем прогнозам. По мнению экспертов, негативная кампания заслонила собственно кампанию Я. Силина, которого из-за «чернухи» на Е. Ройзмана почти не было видно.

Использовались все каналы донесения информации: наружная реклама (плакаты, растяжки и т.д.), ТВ и радио, печатные СМИ, печатная агитационная продукция (расклейка, рассылка, раздача на улице), распространение слухов и т.д. На производство контента, печать, распространение и пр. были затрачены десятки миллионов рублей. Критика в адрес конкурентов Я. Силина вышла даже на федеральный уровень – прежде всего за счет телевидения, а именно передач А. Караулова.

Что получилось в итоге? Доставка сработала на «удовлетворительно», скорее даже на «три с минусом» (табл. 5). Всего около 44% тех, кому задавали соответствующий вопрос, заметили «негативные сведения о каком-либо кандидате в мэры». Можно предположить, что хромало и качество материалов, так что люди видели объекты, но оценить их как негативные не догадались.

Таблица 5. Приходилось ли вам получать агитационные материалы, содержащие негативные сведения о каком-либо кандидате в мэры?

Варианты ответа	Доля опрошенных (%)
Да	43,9
Нет	52,5
Затрудняюсь ответить	3,6

При этом более 74% респондентов считали, что доверять таким материалам нельзя, и лишь 4,5% – что можно (табл. 6).

Таблица 6. Как вы считаете, можно ли доверять таким материалам?

Варианты ответа	Доля опрошенных (%)
Конечно можно	1
Скорее можно	3,5
Скорее нельзя	32,5
Точно нельзя	41,7
Затрудняюсь ответить	21,3

Вопрос же об изменении отношения к кандидату после знакомства с такими материалами (табл. 7) следует признать наиболее сложным. Людям иногда трудно признаться, что они поверили «чернухе», «повелись на разводку», но все же и он имеет смысл. Задавая его, мы рассчитывали на достаточный уровень рефлексии, способность сопоставить его с предыдущими вопросами. В итоге разница между изменением мнения о кандидате в ту или иную сторону составила всего 0,9%. Ничтожная отдача от многих миллионов рублей.

Таблица 7. После прочтения таких материалов изменилось ли ваше отношение к данному кандидату?

Варианты ответа	Доля опрошенных (%)
Изменилось в худшую сторону	6,1
Нет, не изменилось	59,3
Изменилось в лучшую сторону	5,2
Затрудняюсь ответить	29,3

Что это? Ошибки авторов негативной кампании? Проблемы с каналами доставки? Перебор? Надо полагать, всего понемногу. Негативная кампания не только не сработала против Е. Ройзмана, но и, вполне вероятно, возымела противоположный эффект. Другими словами, определяющим фактором стало не сочувствие, не оппозиционный настрой, а возмущение несправедливостью – политической и нравственной. После окончания кампании часто приходилось слышать: «Я раньше не ходил на выборы, но получил эту грязь против Ройзмана, возмутился и пошел голосовать за него». И это отнюдь не единичные случаи, а закономерность.

Эффект «своего». В период выборов у автора исследования возникла гипотеза, названная «попадание в идентичность»: избиратели чаще голосуют за того, кого считают своим, близким, проверенным. На основе предыдущего опыта и ряда допущений была составлена матрица местной идентичности (табл. 8). Кандидаты либо включались в нее, либо отклонялись, либо прямо ей оппонировали.

Таблица 8. Кого из трех кандидатов (Бурков, Ройзман или Силин) можно назвать своим для города человеком – надежным и проверенным?

Варианты ответа	Доля опрошенных (%)
А. Бурков	20,1
Е. Ройзман	39,9
Я. Силин	23,5
Затрудняюсь ответить	20,3
Итого	103,8*

*Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько вариантов ответа.

Имея возможность ответить несколько раз, большинство респондентов предпочли один ответ. Заметим, что интервьюеры и не стремились стимулировать множественность ответов – полярность представлялась более интересной.

Поскольку слоган «Надежный мэ́р» использовался именно Я. Силиным, то в вопросе появилось уточнение – «свой для города». Таким образом, фактически для Я. Силина была сделана «поблажка», поскольку, например, кампания Е. Ройзмана обходилась только словом «наш»: «Наш мэ́р», «Наш мэ́р. Как ни крути» и т.п.

Противопоставление «свой–чужой» не определяло суть кампании, но оказывало на избирателя определенное воздействие. Оппонирующие Е. Ройзману СМИ, подхватив эту идею, невольно сыграли против своего «работодателя» Я. Силина.

Как видим, Е. Ройзман оказался «своим» для гораздо большего числа горожан, опередив ближайшего преследователя почти в два раза.

Если же перевернуть вопрос и спросить: «А кто чужой?», то получается следующая картина (табл. 9).

Таблица 9. Кого из трех кандидатов (Бурков, Ройзман или Силин) можно назвать чужим для города человеком – посторонним, временным?

Варианты ответа	Доля опрошенных (%)
А. Бурков	13,3
Е. Ройзман	13,8
Я. Силин	23,6
Затрудняюсь ответить	51,9
Итого	102,6*

*Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько вариантов ответа.

Е. Ройзмана и ориентированного на проблемы ЖКХ А. Буркова чужими практически не считали (13–14% убежденных оппонентов – норма). А вот Я. Силин, председательствовавший в свое время в Екатеринбургской гордуме, оказался чужим для почти вдвое большего числа горожан. Почему?

По нашим наблюдениям, именно Я. Силин менее всего «попадал в идентичность» – особенностями языка, проблематикой, общим стилем. Если Е. Ройзман и А. Бурков были «земляками» и так себя и подавали, то Я. Силин пришел сверху и именно как чужой.

Эффект бескорыстия. Кампания Я. Силина строилась большей частью вокруг посыла «Я пришел дать вам денег». Посмотрим, как это сработало (табл. 10).

Таблица 10. Как Вы считаете, большинство людей голосовали на выборах мэра для того, чтобы:

Варианты ответа	Доля опрошенных (%)
Обеспечить стабильность и сохранить существующее положение дел в городе	17,2
Получать больше денег из областного бюджета на решение городских проблем	1,7
Поменять действующую власть на новую	22,4
Кардинально решить проблемы ЖКХ	23,5
Не допустить, чтобы городом руководили представители криминала	12,7
Не допустить, чтобы городом руководили чужаки	8,5
Добиться изменений в жизни города	33,4
Затрудняюсь ответить	6,9
Итого	126,2*

*Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько вариантов ответа.

Увеличение поступлений из бюджета имело значение только для 1,7% респондентов (при том, что можно было давать несколько ответов), т.е. деньги избирателя мотивировали слабее всего. Вполне возможно, что так получилось из-за «абстрактности» этих денег – никто не знал, сколько их будет и куда они пойдут. Короче говоря, тема денег не была «раскрыта». Но это только одна сторона вопроса.

Не менее важно, по нашему предположению, оказалась символическая ошибка с названием финансовой программы «Столица», с которой Я. Силин шел на выборы мэра. В середине 2000-х слово «столица» стало в России расхожим: говорили о «первой», «второй» и «третьей» столицах, столицах мегарегионов, столицах культурных и образовательных, спортивных и интеллектуальных. Ставка на третьеразрядную столичность уже тогда была очевидным тупиком. Программа «Столица» появилась тогда, когда комплекс «столичной неполноценности», казалось бы, давно преодолен и сделаться очередной столицей никто особо не стремился. Если бы программа называлась просто «Деньги людям» или «По 15 тысяч на брата», символический эффект был бы куда больше. Кроме того, само понятие «столица» отождествлялось с чем-то инородным, чужим. (Заметим, кстати, что «подкуп символом» не срабатывает и в других местах – возможно, это тенденция.)

Электоральная кампания в Екатеринбурге произвела значительно больше эффектов, чем описанные три, – в том числе и связанных с поствыборной эволюцией политического сознания. В любом случае региональное политическое пространство получило значительный импульс для развития.

4.2.5. Выводы

Каковы же итоги электорального цикла, начавшегося в 2011 г. и формально завершающегося в 2016 г., но фактически уже завершившегося (если, конечно, не случится чего-нибудь экстраординарного)?

Здесь можно выделить два момента.

Во-первых, Свердловская область получила систему управления более дифференцированную и конкурентную по сравнению с тем, что желала власть и что получили соседние регионы. В сфере публичной политики появился оппонировавший областной власти субъект – глава Екатеринбурга Е. Ройзман. Он самостоятелен, но его объективная опора – администрация Екатеринбурга. И это не просто административная структура: сегодня в ней сосредоточились остатки региональной политической элиты – не в том смысле, что горадминистрация является для них последним прибежищем, а в том, что лишь там сохранилась элитная группа, способная к осознанию стратегических интересов, принятию экспертных решений и собственному воспроизводству. На областном уровне таких групп уже нет – они уничтожены федеральными «контрреформами» и заменены назначенцами-ставленниками. И в этом плане Свердловская область не является исключением. В большинстве субъектов РФ региональные элиты не просто поставлены под контроль, но именно уничтожены.

Другой значимый субъект, способный конкурировать с губернатором, – С. Носов с его «Уралвагонзаводом» – и даже не столько глава Нижнего Тагила, сколько те силы, чьей креатурой он является и которые имеют возможность решать вопросы поверх всех голов, непосредственно через Кремль.

Во-вторых, несмотря на электоральные провалы власти, ситуация в регионе стала еще более тоталитарной, поскольку в роли основных технологий окончательно утвердился административный ресурс, полицейский произвол, давление на суды и т.п. Все это чем дальше, тем больше душит экономическую и политическую конкуренцию. Примитивизация – основной тренд, навязываемый властью.

Свердловская область не смогла избежать авторитарных объятий тюменских элит, укрепляющих свое влияние и в центре, и в регионах. Вопрос сегодня стоит ребром: либо демократические традиции Свердловской области и Екатеринбурга выживут и сохранят политическую идентичность, либо в регионе политика как таковая будет изведена под корень.

4.3. Выборы в Законодательное собрание Иркутской области 2013 г.

Иркутская область – регион с сильными традициями гражданского общества. Население на начало 2014 г. составляло 2 418 348 человек, 79,63% проживает в городах²²⁴; 88% жителей – русские, 3,2% – буряты, остальные представляют еще 35 национальностей.

---

²²⁴Население Иркутской области // Федеральная служба государственной статистики (<http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst25/DBInet.cgi?pl=8112027>).

В области действуют несколько крупных бизнес-корпораций – как федеральных (ОАО «РЖД», ОАО «Газпром добыча Иркутск», En+ Group, РУСАЛ, «Мечел», авиастроительная корпорация «Иркут», ОАО «Группа «Илим»»), «Ростех»), так и региональных («Иркутскэнерго», Иркутская нефтяная компания, «Саянскхимпласт», ряд строительных компаний Иркутска и агропромышленных предприятий). Все они активно участвуют в политике региона, являясь по большому счету главными участниками избирательных кампаний. Баланс сил между компаниями постоянно колеблется, и это заметно подстегивает политическую конкуренцию.

Иркутская область – непростой регион для «партии власти». Достижения «Единой России» и В. Путина на федеральных выборах здесь всегда были слабее общероссийских²²⁵. Кандидаты от ЕР часто проигрывали на выборах в органы региональной и муниципальной власти. Наиболее показательный пример последних лет – выборы мэра Иркутска в 2010 г. Кандидат от «Единой России» экс-мэр Братска С. Серебрянников, имея полную поддержку губернатора и почти неограниченные финансовые возможности, проиграл кандидату от КПрФ В. Кондрашову, представлявшему строительные компании города, со счетом 27% против 62%. Затем на выборах мэра Братска, назначенных после перехода С. Серебрянникова в Иркутск, кандидат от «партии власти» вновь проиграл оппозиционному кандидату – А. Серову от КПрФ.

В этом отношении ситуация в регионе совершенно нетипична для России, где провластные кандидаты обычно без труда одерживают победы на выборах всех уровней. Как правило, ведущие региональные акторы «решают вопросы» внутри «Единой России», но иногда конфликты между ними приводят к поддержке той или иной корпорацией других партий. Именно это произошло на выборах 2013 г. – с их беспрецедентно высоким уровнем соревновательности и финансовых затрат. Анализ этих выборов и является задачей данного исследования.

Автор придерживался методологии социологического неинституционализма, принимая во внимание как формальные правила избирательной кампании, так и неформальные традиции, свойственные политическому процессу в области.

В ходе работы использовались статистические данные с сайта избирательной комиссии Иркутской области, данные регионального мониторинга Фонда Карнеги, а также собственный опыт автора, полученный в бытность политтехнологом одной из партий-участниц рассматриваемой кампании.

---

²²⁵Петров А. Иркутская область в 2013 году. Региональный мониторинг для центра Карнеги // Сайт Московского Центра Карнеги (<http://monitoring.carnegie.ru/2014/01/analytics/retrov-2013>).

4.3.1. Избирательная система

8 сентября 2013 г. состоялись выборы в Законодательное собрание Иркутской области. Они проводились по смешанной (мажоритарно-пропорциональной) несвязанной системе: 23 депутата ЗС избирались по партийным спискам, 22 в одномандатных округах по системе простого большинства. В каждом округе от 75 до 95 тыс. избирателей.

Одномандатные округа в области значительно отличаются друг от друга как стоимостью проведения кампаний, так и конкурентностью. В северных и восточных, расположенных в районах с низкой плотностью населения, конкуренция слаба, поскольку не многие кандидаты способны провести полноценную кампанию на территории размером с Венгрию, но со слаборазвитой инфраструктурой. Итоги выборов здесь абсолютно предсказуемы: на них неизменно побеждают одни и те же люди, связанные с «партией власти».

Однако в крупных городах – Иркутске, Ангарске, Усолье-Сибирском и Братске – выборы имеют вполне соревновательный характер. Здесь выше уровень образования населения и имеется широкая прослойка среднего класса, обеспечивающая избирательному процессу большую демократичность. Здесь можно вести «классическую» агитационную кампанию: плотность населения высока, что позволяет охватить значительное число избирателей при относительно невысоких затратах.

На выборах по пропорциональной системе установлен барьер в 5%. Партии, набравшие от 5 до 7% голосов, получают по одному мандату; остальные места распределяются по методу Имперали: количество голосов, полученных каждым списком, делится последовательно на ряд возрастающих делителей от 2 до 23 (наибольший делитель равен числу распределяемых депутатских мандатов). Система Имперали дает наибольшую выгоду сильным фаворитам выборов, в нашем случае – «Единой России»²²⁶.

Партийная реформа 2012 г. вызвала быстрый рост количества партий как на федеральном, так и на региональном уровне. Свои списки на выборах в ЗС 2013 г. зарегистрировали 17 партий, двум было отказано из-за нарушений в документах²²⁷ (для сравнения – в 2008 г. в выборах в Заксобрание участвовало лишь шесть партий). Однако многие из участников оказались политтехнологическими проектами-спойлерами, выпущенными на выборы с целью отъема голосов у основных соперников «Единой России» – КПРФ,

---

²²⁶Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // Российское электоральное обозрение, 2009, № 2. С. 34–42.

²²⁷Результаты выборов депутатов Законодательного собрания Иркутской области 2013 г. // Официальный сайт избирательной комиссии Иркутской области (<http://www.irkutsk избирком.ru/WAY/7711745D-CC9F-4DCA-B44D-0B803B8AFCBE.html>).

«Справедливой России» и «Гражданской платформы»); большинство из них принадлежали к «богдановскому пулу» (см. гл. 2.3 и 2.4).

Были зарегистрированы также несколько самостоятельных «малых» партий, которые раньше не могли принять участие в выборах из-за чрезмерно высоких требований. В Иркутской области это были «Демократический выбор», «Альянс зеленых – Социал-демократы», «Коммунисты России». Эти партии провели недорогие, но оригинальные избирательные кампании.

Выборы в Иркутске всегда считались относительно честными. За весь постсоветский период здесь не было отмечено случаев откровенных либо массовых фальсификаций. По области ситуация несколько хуже, но на фоне других субъектов РФ вполне благоприятна. В рейтинге демократичности регионов, издаваемого Московским центром Карнеги, Иркутская область занимает второе место в России²²⁸.

4.3.2. Расстановка сил перед выборами

В 2006 г. Иркутская область была объединена с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом, электоральная обстановка в котором радикально отличалась от областной. Бурятское население Усть-Орды голосует совершенно иначе, чем преимущественно русское население остальной части области. Прежде всего, явка в бывшем УОБАО в 2,5–3 раза выше²²⁹. Во-вторых, население Усть-Орды практически всегда дружно поддерживает кандидатов от власти, т.е. действующих депутатов и «Единую Россию». Это можно объяснить особенностями мобилизации электората в традиционных бурятских общинах: как правило, кандидат от власти договаривается со старейшинами о поддержке на выборах в обмен на какие-либо услуги. Формально относясь к другому региону, жители Усть-Орды и до 2006 г. принимали участие в выборах в Иркутской области. На губернаторских выборах 2001 г. это участие было решающим: благодаря голосам из УОБАО действующий губернатор Б. Говорин с отрывом в 2% победил коммуниста С. Левченко.

История выборов в Законодательное собрание Иркутской области показывает стойкое превалирование инкубентов в одномандатных округах и прочное доминирование «партии власти» в голосовании по спискам – в

---

²²⁸Петров Н., Титков А. Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю. М.: Московский центр Карнеги, 2013.

²²⁹Результаты выборов депутатов Законодательного собрания Иркутской области 2008 г. // Официальный сайт избирательной комиссии Иркутской области (<http://www.irkutsk.vybory.izbirkom.ru/region/irkutsk?action=show&vtn=2382000278403&region=38&prver=0&pronetvd=0>); Результаты выборов депутатов Законодательного собрания Иркутской области 2013 г. // Официальный сайт избирательной комиссии Иркутской области (<http://www.irkutsk.izbirkom.ru/WAY/7711745D-CC9F-4DCA-B44D-0B803B8AFCBE.html>).

среднем она набирала около 50%. Различия результатов «Единой России» в крупных городах и периферийных территориях весьма заметны. Так, в 2008 г. при общем результате в 49,45% «партия власти» получила лишь около 38% в Иркутске и Ангарске, но добрала свое на селе и в малых городах. КПРФ тогда заняла третье место (13,25%), уступив ЛДПР (15,07%). Кроме того, 7%-ный барьер преодолела «Справедливая Россия» (8,11%). В одномандатных округах все мандаты достались «единороссам»²³⁰.

К 2013 г. популярность «Единой России» снизилась, оппозиционные настроения возросли, а в региональной политической элите случились значительные изменения. Сменив московских и питерских «варягов», губернатором стал уроженец области (Черемхово) С. Ерощенко. Перестановки произошли и в руководстве «Единой России», ЛДПР и «Справедливой России».

Региональное отделение «Единой России» возглавил представитель строительного бизнеса С. Брилка (однако неформальным лидером осталась спикер Заксобрания Л. Берлина). Не последнюю роль в Президиуме Совета ИРО «Единой России» в настоящее время играют представители федеральных корпораций – Б. Алексеев (Коршуновский ГОК, «Мечел»), И. Гринберг (Иркутский алюминиевый завод, РУСАЛ) и А. Вепрев («Иркут»). Ранее из-за противостояния с губернаторами-«варягами» и неудачных для «Единой России» выборов мэра Иркутска 2010 г. руководство ИРО ЕР менялось несколько раз, и к выборам 2013 г. местная ЕР существенно ослабела.

Состояние КПРФ за пять лет изменилось мало. Партия выиграла от роста оппозиционных настроений и, согласно предвыборным опросам, приблизилась по рейтингу к «Единой России». «Справедливая Россия» потеряла около трети актива, ушедшей вслед за лидером отделения В. Матиенко в «Гражданскую платформу». Партия продолжает сотрудничество с весьма одиозным персонажем – «королем ЖКХ Братска» А. Гаськовым (который, впрочем, не стал класть все яйца в одну корзину и заодно спонсировал ЛДПР). Кроме того, СР нашла идеального спонсора – желающего стать депутатом бизнесмена-энергетика М. Коллекера. В итоге у региональных «эсеров» оказалось много денег, но мало людей, умеющих проводить избирательные кампании.

Сильнее всех изменилась ЛДПР. Из-за личного конфликта координатора (и спонсора) регионального отделения партии, гендиректора группы компаний «Фортуна» Н. Чековой с лидером ЛДПР В. Жириновским в отделении полностью обновилось руководство. Н. Чекову и ее окружение

---

²³⁰Результаты выборов депутатов Законодательного собрания Иркутской области 2008 г. // Официальный сайт избирательной комиссии Иркутской области (<http://www.irkutsk.vybory.izbirkom.ru/region/irkutsk?action=show&vm=2382000278403&region=38&prver=0&pronetvd=0>).

сменили депутаты Братской гордумы бизнесмены С. Магдалинов и О. Тюменев. В целом финансовый и организационный потенциал ЛДПР по сравнению с предыдущим избирательным циклом значительно уменьшился.

Самым ярким дебютантом политического сезона, безусловно, стала «Гражданская платформа», чьим технологам удалось создать для партии позитивный и свежий образ. М. Прохоров, имеющий хорошие связи с регионом и лично губернатором С. Ерошенко, сумел привлечь в региональное отделение ГП двух политиков-тяжеловесов: медийного магната В. Матиенко, перешедшего из «Справедливой России», и президента крупнейшей в области строительной компании «Новый город», бывшего вице-губернатора и экс-секретаря регионального отделения «Единой России» А. Битарова. Приобретая большие медийные, финансовые и организационные ресурсы, «Гражданская платформа» сделала серьезную заявку на прохождение в Заксобрание.

Остальные партии такими ресурсами не располагали. Их лидеры в большинстве своем были либо новичками в политике, либо «тихими середнячками», либо возглавляли партии-спойлеры, не участвующие в агитации. Можно отметить только относительную готовность и обеспеченность Шелеховского отделения «ЯБЛОКА», а также иркутских отделений «Демвыбора» и «Коммунистов России».

Крупная фигура в иркутской политике Н. Чекотова договорилась с «Единой Россией» и выдвинулась по одномандатному округу, составив конкуренцию действующему депутату от ЕР В. Дворниченко. Другие тяжеловесы из «Единой России» тоже предпочли идти по округам, поскольку зачастую это было дешевле проходного места в партийном списке (кроме того, самостоятельное прохождение в ЗС дает депутату больше независимости).

4.3.3. Избирательная кампания

Раньше всех избирательную кампанию в Законодательное собрание начала «Единая Россия». Примерно за 6-7 месяцев до дня голосования в области стали появляться плакаты со стихами и изречениями в духе популярной в регионе областнической тематики (т.е. подчеркивавшими сибирскую идентичность). Тему подхватили СМИ, организовывались посвященные сибирским писателям и деятелям культуры конкурсы, конференции и т.п. Так как партийная агитация формально еще не была разрешена, на плакатах не обозначалась причастность «Единой России», они лишь были выдержаны в светло-голубом цвете. Технологи ЕР планировали заявить тему сибирской идентичности как исконно «единороссовскую» позже, с началом агитационного периода, однако в итоге все обернулось конфузом.

Областническая тема была оперативно перехвачена «Гражданской

платформой», оформившей собственные плакаты и символику тем же светло-голубым фоном. «Единороссы» попытались вернуть свою интеллектуальную собственность», потерпели неудачу, и тема сибирской идентичности стала прочно ассоциироваться с «Гражданской платформой».

В июне 2013 г. «Единая Россия» провела сначала молодежные, а затем и «взрослые» праймериз. Замысел состоял в том, чтобы выявить наиболее популярных кандидатов, мобилизовать избирателей и улучшить имидж партии. Победителю молодежного праймериз было обещано третье место в списке. Но и «взрослые», и молодежные «предвыборы» оказались малоэффективными из-за плохой организации. Сформированные в ходе них списки практически сразу же были нарушены и в дальнейшем не использовались. Молодежные праймериз вместо ожидаемых нескольких тысяч привлекли лишь несколько десятков молодых людей – в основном из актива «Молодой гвардии».

Третьим и наиболее прочным «столпом» кампании «Единой России» была идентификация с губернатором С. Ерошенко. Все кандидаты от ЕР (как и от «Гражданской платформы») сообщали о своем вхождении в некую «команду губернатора». Ключевым в идентификации партии с губернатором – бизнесменом и бывшим силовиком – стал лозунг «Под мою ответственность, под личный контроль!». Губернатор возглавил общеобластной список, вторую и третью позицию заняли спикер ЗС Л. Берлина и Н. Чекотова. Из-за непопулярности прежних губернаторов этот простой и очень действенный метод продвижения партии удалось задействовать только в 2013 г. Судя по социологическим данным, он принес хороший результат.

В связи с общим падением популярности «Единой России» многие одномандатники предпочитали договариваться с ОНФ или губернатором. В целом кампания ЕР была скучной и в крупных городах вполне заслуженно провалилась.

Стратегия КПрФ опиралась на традиционную критику «партии власти» слева, но появились в ней и новые элементы. Во-первых – достаточно неожиданный для партии лозунг «Делай как мы!». Дело в том, что в список КПрФ вошло немало крупных предпринимателей, в том числе И. Сумароков – владелец лучшего в регионе животноводческого комплекса. Коммунисты продвигали идею, что самые хорошие и ответственные бизнесмены – именно в их партии и что только они могут поднять промышленность и бизнес региона. Второй элемент стратегии был вынужденным: партия получила 14 место в бюллетене и оказалась в окружении КПСС и «Коммунистов России», поэтому ей пришлось объяснять избирателям, что она – это не они (и наоборот). Кампанию КПрФ можно считать относительно успешной. На пользу партии пошел и рост оппозиционных настроений и недовольства «Единой Россией».

Кампания ЛДПР привычно строилась вокруг фигуры В. Жириновского, который в это время посетил Иркутск. Кроме того, партия вела активную уличную агитацию. Основной ее фронт был развернут в Братске и Братском районе, причем ЛДПР предлагала конкретные решения проблем города и района, от партии были выдвинуты известные в городе депутаты горсовета. Благодаря всему этому ЛДПР получила там хорошую прибавку голосов.

«Гражданская платформа» умело использовала «уведенную» у «Единой России» областническую тематику. Агитационная работа велась главным образом в Иркутске, поскольку именно там выдвигались в одномандатных округах оба лидера ИРО; наконец, партия просто не успела создать сеть местных отделений. ГП организовала множество благотворительных акций с раздачей продуктовых наборов и подарков, а также сбор подписей за возвращение в город Иркутского авиационного университета, по непонятным для горожан причинам переведенного в Воронеж (естественно, никаких последствий эта акция не имела, но была отличным PR-ходом). Теплые отношения М. Прохорова и С. Ерошенко позволили «Гражданской платформе» получить поддержку губернатора и войти в его «команду», что также помогло раскрутке партии, хотя и не в такой степени, как в случае с «Единой Россией».

Кампания «Справедливой России» сводилась к массовым митингам с участием депутатов Госдумы от СР, а также к другим стандартным методам агитации. Кроме того, «эсеры» придумали «блестящий» тактический ход: второе воскресенье сентября, на которое назначен единый день голосования, жители области обычно проводят на дачах, и в штабе СР решили, что если пообещать дачникам что-нибудь хорошее, то они в благодарность приедут на избирательные участки и поддержат партию. Исходя из этой логики, штаб сделал ставку на «дачную» тему, а именно на отмену земельного налога для участков до шести соток включительно. С этой идеей «Справедливая Россия» носилась все лето: депутат Госдумы от СР А. Крутов продвигал в Заксобрании законопроект об отмене налога, партия устраивала форумы садоводов и т.д. О результатах «дачной затеи» будет сказано ниже.

«Малые» партии из-за нехватки ресурсов не смогли провести полноценные кампании. «Коммунисты России» начали весьма активно, буквально завалив область листовками и плакатами, однако к концу июля у них кончились деньги, и агитационный поток иссяк. «Демократический выбор» сосредоточился на работе в социальных сетях, лидеры партии С. Беспалов и А. Петров размещали в Фэйсбуке свои программы и агитационные материалы. «ЯБЛОКО» с небольшим, но организованным активом сконцентрировало усилия на Шелеховском избирательном округе, чтобы провести в ЗС хотя бы одного кандидата. Партии-спойлеры никакой активности не проявляли.

Наиболее острая борьба среди кандидатов-одномандатников развернулась в Иркутске, где в нескольких округах столкнулись крупные и богатые политики. Самый скандальным оказалось противостояние А. Битарова с действующим депутатом от «Единой России», членом Президиума регионального Совета партии Г. Гайдаровым. Последний предпринял массовую скупку голосов пациентов подведомственной ему больницы. Данное мероприятие было вовремя обнаружено, а «Гражданская платформа» сумела раскрутить этот скандал и распространить разоблачительное видео. Репутация Гайдарова «промокла», от него отвернулось немало избирателей. Остальные кампании в округах были довольно корректными.

4.3.4. Результаты выборов

Как и ожидалось, явка 8 сентября оказалась очень невелика – 25%. Выше всего, как обычно, она была в бывшем Усть-Ордынском Бурятском автономном округе – 55%, а «Единую Россию» там поддержали 60% – «фактор Усть-Орды» проявил себя в полную силу. Самая низкая явка была в Усть-Илимске и Ангарске – 14–16%²³¹. Преодолеть 5%-ный барьер удалось только четырем партиям.

Итоги выборов в ЗС Иркутской области 8 сентября 2013 г.

«Единая Россия» набрала на 7% меньше, чем в 2008 г.; значительно прибавила КПРФ; «открытием сезона» стала «Гражданская платформа»;

Партия	Доля голосов по партийным спискам и разница с предыдущими выборами (%)	Число мандатов, полученных в округах, и разница с предыдущими выборами
Единая Россия	42,36 (-7,09)	17 (0)
КПРФ	18,87 (+5,62)	1 (-3)
ЛДПР	11,28 (-3,79)	1 (-3)
Гражданская платформа	8,51	2

ЛДПР, потеряв мощные финансовые ресурсы Н. Чекотовой, недосчиталась почти 4%.

Главным неудачником стала «Справедливая Россия». Обладая развитой сетью отделений, значительными финансовыми средствами и поддержкой двух депутатов Госдумы, она набрала лишь 4,07%. Ставка на садоводов и дачников оказалась ошибкой. Понадеявшись на успех по партийным спискам, СР не выдвинула сильных кандидатов-одномандатников. На думских выборах 2011 г. «Справедливая Россия» получила в Иркутской области 13,36%. Примерно такой же результат ожидался и на выборах в ЗС, однако СР не смогла провести в Заксобрание ни одного депутата.

То ли анекдотом, то ли издевательством над здравым смыслом ока-

²³¹Результаты выборов депутатов Законодательного собрания Иркутской области 2013 г. // Официальный сайт избирательной комиссии Иркутской области (<http://www.irkutsk.izbirkom.ru/WAY/7711745D-CC9F-4DCA-B44D-0B803B8AFCBE.html>).

зался результат КПСС, не проводившей абсолютно никакой агитационной кампании и получившей в итоге 3,27% – практически столько же, сколько и «Справедливая Россия», потратившая более 50 млн рублей. Остальные партии не смогли набрать больше 2%.

В одномандатных округах в Иркутске потерпели поражение три кандидата от «Единой России» (из пяти). Лидеры «Гражданской платформы» А. Битаров и В. Матиенко прошли в своих округах, а спикер Иркутской городской думы самовыдвиженец А. Лабыгин опередил члена Президиума регионального Совета «Единой России» действующего депутата Заксобрания Т. Семейкину. В Усолье-Сибирском у соперника из ЕР выиграл И. Сумароков, а в Братске лидер МО ЛДПР А. Любенков обошел (при поддержке А. Гаськова) главного местного «единоросса» действующего депутата С. Гришина. Во всех остальных округах победили кандидаты, сотрудничавшие с «партией власти»²³².

4.3.5. Выводы

Что же именно из новаций в избирательном законодательстве 2009–2012 гг. повлияло на выборы в Законодательное собрание Иркутской области? Следует отметить два главных фактора: введение единого дня голосования и упрощение регистрации политических партий.

Введение единого дня голосования можно объяснить желанием власти снизить накал предвыборной агитации, основная фаза которой приходится таким образом на лето – время отпусков. В этих условиях оппозиции (и особенно новым партиям) трудно привлекать сторонников, поскольку население находится на дачах и курортах. Кроме того, единый день голосования ломает график работы политтехнологов, которые уже не могут круглый год путешествовать из одного региона в другой по очереди. Теперь они вынуждены выбирать одного-двух клиентов, оставляя остальных без помощи. Наконец, второе воскресенье сентября – это время копать картошку, отсюда снижение явки, играющее в пользу власти, которая вполне оправданно рассчитывает административными методами привести на избирательные участки подконтрольный ей электорат.

В случае Иркутской области все эти соображения оправдались в полной мере: явка была рекордно низкой. Есть основания полагать, что от установления единого дня голосования выиграла только «Единая Россия».

Упрощение регистрации политических партий повлияло на избирательный процесс в Иркутской области двояким образом. С одной стороны, в выборах смогли принять участие новые силы, а следовательно, появились новые идеи, зарегистрироваться кандидатом стало намного проще, расширилось пространство для маневра. Но с другой стороны, упрощение

---

²³²Там же.

процедуры выдвижения отнюдь не увеличило вероятности выигрыша. Из всех новых сил («Гражданская платформа» – новая партийная этикетка со старым содержанием) и действительно независимых кандидатов пройти в Законодательное собрание не смог никто. Ближе всех к этому подошла, как ни странно, спойлерская КПСС, набравшая 3,26%. По системе Импералии голоса, поданные за не преодолевшие барьер партии (всего 19%), были перераспределены в пользу «Единой России».

Партии-спойлеры не продемонстрировали особой эффективности. Удачным оказалось только использование бренда КПСС для увода голосов у КПрФ. Вполне возможно, что, если бы не КПСС, КПрФ набрала бы больше 20% и получила еще один мандат. Остальные спойлеры, работавшие против «Справедливой России» и «Гражданской платформы», получили мизерное количество голосов, не исполнив своего назначения.

Выборы 2013 г. сохранили за «Единой Россией» большинство в Законодательном собрании. В ходе кампании в регионе впервые применялась технология «паровоза» (в роли последнего выступил популярный губернатор) и проведены праймериз. Стоимость успешной кампании в одномандатном округе составила в среднем 20–25 млн руб. – выборы в области практически сравнялись по расходам с думскими. Конкуренция была достаточно сильной. И хотя новые избирательные правила дали дополнительные преимущества «партии власти», Иркутская область подтвердила репутацию демократического региона, показав пример относительно чистой и конкурентной кампании.

4.4. Алтайский край: партии и выборы

Алтайский край является агропромышленным регионом с патриархально-подданически ориентированным населением. Он занимает первое место в Сибирском федеральном округе по производству сельхозпродукции. Промышленный сектор края к началу 1990-х гг. был представлен предприятиями ВПК и сельхозмашиностроения, развернутыми на основе производств, эвакуированных во время Великой Отечественной войны; в условиях рыночной экономики большинство из них утратили рентабельность. В 2005 г. производство промышленной продукции в регионе составляло только 39,6% от уровня 1991 г., в то время как в целом по стране этот показатель превышал 80%²³³. В 2012 г. Алтайский край занимал 40 место среди субъектов РФ по индексу промышленного производства²³⁴ и пятое

---

²³³Мищенко В.В. Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса. Барнаул, 2006. С. 50.

²³⁴Алтайский край (<http://spb-venchur.ru/regions/19.htm>).

по сельскохозяйственному. Кроме того, край лишен сырьевых ресурсов и здесь нет рендоориентированных отраслей, которые могли бы хотя бы отчасти компенсировать последствия экономического спада 1990-х гг.

4.4.1. Моноцентричная модель власти

В условиях ограниченных возможностей экономического маневра в крае сложилась моноцентричная модель власти²³⁵, призванная обеспечить максимальный контроль над ресурсами и стабильность политического процесса. Она представляет собой жесткую вертикаль, все уровни которой всецело зависят от первого лица, принимающего окончательные решения и контролирующего их исполнение. Такая модель предполагает наличие сильного лидера и отсутствие претензий на лидерство со стороны подчиненных. Способность последних влиять на процесс принятия решений не нарушает основного принципа – все рычаги управления у первого лица и никто не имеет права предпринимать не согласованные с ним шаги²³⁶.

В условиях моноцентричного режима исполнительная власть заполняет практически все политическое пространство. В 1996–2004 гг. и начиная с 2007 г. (т.е. за исключением периода губернаторства М. Евдокимова и времени, потребовавшегося губернатору-«варягу» А. Карлину для освоения) краевое Законодательное собрание (Совет народных депутатов) почти полностью контролировалось губернатором. Зависимы от исполнительной власти были и СМИ, к которым в случае необходимости применялись санкции от «выдавливания» неугодных редакторов и журналистов до отключения электричества в помещении редакций. В последнее время получила распространение практика покупки лояльным властью бизнесом франшиз федеральных СМИ – это позволило администрации края монополизировать информационное пространство региона. Подобная конструкция власти делает почти невозможным появление в регионе самостоятельных политических субъектов.

Важнейшим фактором формирования данной модели власти являются социокультурные особенности региона, сложившиеся под влиянием особенностей его экономики. Население Алтайского края проживает главным образом в сельской местности или малых городах²³⁷, основным источником

---

²³⁵Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М., 2000; Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика. М., 2002; Лапина Н.Ю. Региональное измерение российской политической трансформации // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник РАПН 2004. М., 2004. С. 268.

²³⁶Лапина Н.Ю. Региональное измерение российской политической трансформации... С. 268–269.

²³⁷В Алтайском крае в городах проживает 53,2% населения, в сельской местности – 46,8%.

дохода большей его части является заработная плата. Поэтому для него характерны отрицание (боязнь) новаторства, ориентация на традиционные институты и ценности, устойчивость политических предпочтений и высокая явка на выборы. Кроме того, оно склонно наделять руководителя ролью опекуна, «властью отца и хозяина»²³⁸. В связи с этим наиболее популярным типом политического лидера является «тип «хозяина-защитника», сочетающего в своем образе деловые и патерналистские характеристики, способного наладить нормальную жизнь в регионе и защитить его жителей от «внешнего натиска» (в первую очередь натиска Центра)»²³⁹.

Вместе с тем в условиях сокращения производства, высокого уровня безработицы и низкого – заработной платы население вынуждено искать дополнительные источники доходов. Многие выживают за счет натурального хозяйства: большинство сельских жителей имеет подсобное хозяйство, большинство городских – дачные участки. Работа на них требует времени и сил, которых уже не остается на общественную или политическую активность.

4.4.2. Эволюция партийной системы

Становление партийной системы в Алтайском крае началось чуть позднее, чем на федеральном уровне, – в начале 1990-х гг. Ориентиром выступали общероссийские партии, а стимулом – визиты их лидеров (в частности, в Новосибирск). Организационные структуры крупных «старых» партий КПРФ, АПР, ЛДПР, «Трудовой России» и др. оформились в крае в 1992–1994 гг. и активно проявили себя на выборах 1995 г. К концу первого электорального цикла (1996) в регионе было зарегистрировано 31 общественно-политическое объединение, в том числе 12 отделений политических партий и 19 общественно-политических движений и союзов.

С середины 1990-х гг. немаловажную, если не решающую роль в региональном партогенезе стала играть позиция власти, особенно исполнительной. Прокоммунистичность Алтайского края того времени была следствием не только напряженной социально-экономической ситуации, но и использования главой администрации А. Суриковым структур Народно-патриотического союза России (КПРФ, АПР и другие «левопатриотические» организации) для мобилизации избирателей и легитимизации своего режима.

Следствием моноцентричности власти явилось почти десятилетнее

---

²³⁸Лапина Н.Ю. Региональное измерение российской политической трансформации... С. 269.

²³⁹Трифонов А.Г. Власть и политический режим в современной России // Общество, политика, наука: новые перспективы. М., 2000. С. 229.

существование неизменной партийно-политической конфигурации – противостояние «народно-патриотического движения» и «демократических» партий, объединенных в два региональных общественно-политических движения: «Согласие» (образовано в 1995 г.) и «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда» (1993). В отличие от страны в целом Алтайский край не проходил через этап атомизированной партийной системы, когда количество партий столь велико, что не имеет значения, а сами партии почти не оказывают влияния на политический процесс. Партийную систему края нельзя считать и моделью крайнего плюрализма²⁴⁰, вид которой имела общероссийская партийная система во второй половине 1990-х гг., – ни одна краевая партийная организация никогда не выступала за изменение регионального режима (при этом по отношению к федеральному центру доминировавшие в регионе левые придерживались довольно жесткой линии).

Показательны в этом плане результаты федеральных и региональных выборов. Если на думских выборах 1993 г. наибольшее число голосов в крае получила ЛДПР (27,75%), то уже с 1995 г. лидировала КПРФ с 25,98% (1993 г. – 9,86%, 1999 г. 36,82%).

Кроме того, многие левые избиратели отдавали голоса Аграрной партии России: 23,4% в 1993 г., 12,38% в 1995-м, что существенно превышало общероссийский результат АПР и было одним из лучших показателей партии в регионах. В своей программе АПР апеллировала прежде всего к жителям аграрных регионов, а именно к таковым Алтайский край и относится. Проправительственные блоки «Выбор России» и «Наш дом – Россия» занимали в Алтайском крае только третье место. Ни одной демократической партии в 1993 и 1995 гг. не удалось преодолеть здесь 5%-ный барьер²⁴¹.

В 1999 г. в партийных предпочтениях регионального электората наметились определенные перемены. Впервые заградительный барьер удалось преодолеть либеральным организациям: «ЯБЛОКО» получило 5,72% голосов, СПС – 6,79%. Второе место заняло «Единство» с 23,24%

---

²⁴⁰Согласно теории Дж. Сартори, эта модель характеризуется присутствием на политическом пространстве 5–6 заметных партий и высоким уровнем идеологического противостояния, обусловленным наличием среди участников антисистемной оппозиции. См. Sartory G. *Parties and party systems: A framework for analysis*. N. Y., 1976. Vol. 1. P. 131–132.

²⁴¹Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному округу 12 декабря 1993 г. (http://www.cikrf.ru/newsite/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.jsp); Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва (http://www.cikrf.ru/newsite/vib_arhiv/gosduma/1995/index.jsp); Алтайская правда, 1995, 23 декабря.

– практически столько же, сколько на общенациональном уровне (23,3%). При этом блок «Отечество – Вся Россия», получивший по России 13,3%, в крае набрал всего 4,45%. Не помогло и вступление в ОВР Аграрной партии, так как алтайская организация АПР выступила против данного решения и фактически поддержала коммунистов. Отказ в регистрации списка ЛДПР и поспешное формирование «Блока Жириновского» привели к дезориентации избирателей и падению поддержки этой партии с 15,59 до 7,14%²⁴².

В 1990-х гг. левые доминировали и на региональных выборах, где конкуренцию им составляли почти равные по силе «промышленники», консолидировавшиеся в 2000-х под брендом «Единой России». В целом влияние политических партий на формирование и функционирование регионального парламента в тот период было более значительным, чем в соседних регионах. Это позволило А. Глубоцкому и А. Кыневу отнести край к группе регионов «с относительно низкой заявленной и относительно высокой реальной партийностью» органов власти²⁴³.

Данное состояние региональной партийной системы стабилизировалось в 2000-е гг., а затем трансформировалось в соответствии с общенациональными трендами. Наиболее заметными партийными организациями края в первой половине 2000-х гг. были КПРФ, АПР, «ЯБЛОКО», СПС, «Единая Россия», ЛДПР. В условиях моноцентричного режима каждая из них выполняла в региональном политическом процессе свои функции, и все они прямо или косвенно контролировались главой администрации А. Суриковым, который в обмен на полную и безоговорочную поддержку обеспечивал доминирование сначала КПРФ и АПР, а затем «Единой России».

Разрушение моноцентричного режима, последовавшее за проигрышем А. Сурикова на губернаторских выборах М. Евдокимову (2004), создало условия для перехода части партийных организаций под контроль бизнес-групп. Так, ФПГ «Сибма» контролировало краевые организации ЛДПР, СПС, «Родины» и частично «Единой России». В дальнейшем то же самое произошло с региональным отделением «Справедливой России».

Последний этап «переформатирования» партийно-электорального пространства региона пришелся на избирательный цикл 2007–2008 гг. Он окончательно закрепил ведущую роль четырех партийных организаций – КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России» и «Единой России» (при доминировании последней), а также ознаменовался восстановлением в крае моноцентричного режима – теперь с центром в лице А. Карлина.

---

²⁴²Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 1999. Электоральная статистика. М., 2000. С. 143, 151, 156.

²⁴³Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В. Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // Полис, 2003, № 6. С. 84.

4.4.3. Электоральный цикл 2011–2012 гг.

В ходе электорального цикла 2011–2012 гг. агитация на выборах в Госдуму и Законодательное собрание почти отмерла за ненужностью, уступив место кадровым согласованиям. Соискатели мандатов определяли желательный для себя уровень легислатуры, добивались административных гарантий, компромиссов с прочими выдвиженцами. Между группами интересов, спонсорами и партфункционерами шла невидимая, но очень жесткая борьба, обусловленная как сокращением каналов доступа к процессу принятия решений, так и увеличением срока полномочий депутатов. Агитационные же кампании были вялыми и тусклыми.

При этом партии достаточно активно формировали избирательные списки. На выборах в Госдуму наиболее обширным, естественно, оказался список «Единой России» (11 кандидатов), чуть уступал ему список «Справедливой России» (8). Списки остальных партий (КПРФ, ЛДПР, «Патриотов России» и «Правого дела») включали по четыре кандидата. Только «ЯБЛОКУ» не удалось сформировать отдельные региональные группы: Алтайский край был объединен с Республикой Алтай и Хакасией²⁴⁴.

Списки «Единой России» и «Справедливой России» на выборах в ЗС были открыты для представителей региональной и местной политической элиты и поэтому места в них становились объектами внутривнутрипартийной борьбы, тогда как КПРФ и ЛДПР формировали свои списки явно по «остаточному» принципу. Центральные части списков КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» полностью или в основном повторяли их списки кандидатов в Госдуму, состоявшие из известных депутатов АКЗС, которые не претендовали на федеральные мандаты.

Кроме того, начиная с 2011 г. партийные списки на выборах в ЗС обязательно должны были быть разбиты на региональные группы. В основу системы была положена модель горизонтальных списков, привязанных к одномандатным округам. В этих условиях КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» предпочли регистрировать своих кандидатов-одномандатников заодно и как лидеров списков.

«Единая Россия» же, стремясь увеличить рейтинг списка, поставила во главе региональных групп депутатов, уже зарекомендовавших себя в одномандатных округах, а по мажоритарной системе выдвинула в основном бизнесменов, финансировавших избирательную кампанию партии.

Всего на выборах в ЗС «Единая Россия» выдвинула 34 территориальные группы и 34 одномандатников, «Справедливая Россия» и ЛДПР – по

---

²⁴⁴Сведения о кандидатах в депутаты Государственной Думы Российской Федерации шестого созыва по Алтайскому краю (<http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/1DF30126-A527-4BFC-A9C1-7C956F7C0367.html>).

34 группы и 31 одномандатнику, КПРФ – 34 группы и 32 одномандатника. «ЯБЛОКО» сформировало 24 территориальные группы, но не выдвинуло ни одного одномандатника, а «Правое дело», наоборот, выдвинуло 10 одномандатников и ни одной территориальной группы²⁴⁵.

В итоге на думских выборах «Единая Россия» набрала в крае 37,2% голосов, ухудшив свои показатели по сравнению с 2007 г. на 17,5%²⁴⁶. Поддержка остальных парламентских партий, напротив, увеличилась – КПРФ набрала 24,7% (+7,8%), ЛДПР – 16,6% (+6,8%), «Справедливая Россия» – 16,1% (+7,4%). Даже «ЯБЛОКО» заручилось поддержкой 2,4% избирателей, хотя четырьмя годами ранее его электорат едва превышал 1%. Фактически не проводившие избирательных кампаний «Патриоты России» и «Правое дело» получили менее чем по 1% голосов²⁴⁷.

Результаты выборов в Законодательное собрание были почти такими же (к участию к ним, как и в 2008 г., допустили только четыре парламентские партии): 39,8% у «Единой России» (-13,6%²⁴⁸), 25,4% у КПРФ (+5,8%), 16,6% у ЛДПР (+0,1%) и 16% у «Справедливой России» (+8,3%)²⁴⁹. При этом мандаты смогли сохранить только 45% инкубентов, не последней причиной чего послужил низкий уровень доверия к партиям²⁵⁰.

Данные итоги следует расценивать не столько как показатель эффективности региональных партийных отделений, сколько как отражение протестных настроений, принявших в Алтайском крае («второй» и «третьей» России по классификации Н. Зубаревич²⁵¹) форму голосования за левые партии. Жители сельской местности и малых городов с их консерватив-

---

²⁴⁵Сведения о кандидатах в депутаты Алтайского краевого Законодательного собрания шестого созыва (<http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/486BE470-6A07-4F5C-B46D-FF0241FB8449.html>).

²⁴⁶Здесь и далее расчеты проведены на основании данных сводной таблицы ЦИК России о результатах выборов депутатов Государственной Думы 2007 г. (http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100021960186&vm=100100021960181&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vbid=100100021960186&type=233).

²⁴⁷Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва: протокол избирательной комиссии субъекта Российской Федерации об итогах голосования на территории Алтайского края // Избирательная комиссия Алтайского края (<http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/1DF30126-A527-4BFC-A9C1-7C956F7C0367.html>).

²⁴⁸Алтай в электоральном цикле 2007–2008 гг. Барнаул, 2008. С. 142.

²⁴⁹Итоги голосования по выборам депутатов Алтайского краевого Законодательного собрания шестого созыва // Избирательная комиссия Алтайского края (<http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/486BE470-6A07-4F5C-B46D-FF0241FB8449.html>).

²⁵⁰По данным опроса избирателей Алтайского края, проведенного Центром политического анализа и технологий АлтГУ в апреле 2012 г. (выборка составила 763 чел.), партиям доверяло 3,8% респондентов.

²⁵¹Зубаревич Н. Перспектива: четыре России // Ведомости, № 248, 30.12.2011 (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii).

ными ценностями (сильное государство и «порядок») и высокой степенью интереса к социальным проблемам вернулись к прежнему электоральному выбору. В 1990-е гг. они поддерживали коммунистов, в начале 2000-х гг. увидели в «Единой России» залог стабильности и улучшения социально-экономической ситуации. Отсутствие же этого улучшения породило в них недоверие к «партии власти».

4.4.3. Партийное строительство и итоги выборов 2012–2013 гг.

Традиционалистские установки жителей и специфика политического режима региона обеспечили сохранение конфигурации партийного пространства и в условиях интенсивного партстроительства 2012–2013 гг.

К сентябрю 2012 г. в Алтайском крае было зарегистрировано 25 отделений политических партий (АПР, «Города России», ДПР, Народная партия, Партия пенсионеров России, СДПР и др.). Их создание во многом стимулировалось стремлением принять участие в муниципальных выборах 14 октября 2012 г., в том числе в Барнаульскую, Рубцовскую и Каменскую городские собрания. Большую часть новых партоганизаций возглавили никому не известные персоны, что не могло не сказаться на результатах выборов.

Представительство получили в основном парламентские партии. «Единая Россия» набрала 50,17% голосов на выборах в Барнаульскую гордуму, 44,92% – на выборах в Каменскую, 45,09% – в Рубцовский горсовет; ее представители победили почти во всех одномандатных округах. КПРФ поддержали соответственно 16,57, 18,37 и 28,42% избирателей, «Справедливую Россию» – 11,09, 24,32 и 12,54%. За ЛДПР проголосовали 7,84% избирателей в Барнауле, 7,43% – в Камне-на-Оби, 8,38% – в Рубцовске. Из остальных партий только РПР-ПАРНАС набрала в Барнауле 5,44% и провела в БГД одного депутата. Не смогли преодолеть заградительный барьер «ЯБЛОКО» (2,55% в Барнауле и 2,07% в Рубцовске), РЭП «Зеленые» (1,85% в Барнауле) и «Патриоты России» (1,48% в Барнауле)²⁵².

Аналогичная картина наблюдалась и на выборах в Змеиногорское горсобрание (по мажоритарной системе) 8 сентября 2013 г. «Единая Россия» получила 9 мест из 16, «Справедливая Россия» – 3 и КПРФ – 1. Выборы же депутатов районных советов сельских районов (по мажоритарной системе) принесли «единороссам» в среднем по 75% мест. Некоторую конкуренцию им смогли составить только «справедливороссы» – 16%. Новые партии в этих выборах вообще не участвовали.

---

²⁵² Асеев С.Ю. Особенности и результаты применения пропорциональной избирательной системы на муниципальных выборах в Алтайском крае// Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. Барнаул, 2013. С. 5.

Таким образом, муниципальные выборы 2012–2013 гг. не внесли существенных корректив в расстановку политических сил в Алтайском крае даже в условиях растущего общественного запроса на либерализацию управления. Это связано с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, у многих новых партий в крае нет отделений. Например, в 2014 г. из-за истечения сроков регистрации или непредставления отчетности были ликвидированы РО 11 партий (сейчас в регионе официально действуют 52 партии)²⁵³.

Во-вторых, электоральные предпочтения традиционалистски ориентированного электората остаются прежними.

И наконец, граждане почти ничего не знают о новых партиях – ведь степень присутствия партий в информационном пространстве обусловлена главным образом их ролью в политическом процессе и объемом контролируемых ресурсов, а у новичков и то и другое крайне невелико.

Все это заставляет прогнозировать низкую электоральную эффективность новых образований, тем более что формально сложившаяся в 2000-е гг. модель массовых партий ставит их в заведомо неравные условия со «старыми» игроками. В такой ситуации большинство из них может быть только орудием в руках региональных элит.

4.5. Выборы и партии в Астраханской области

Астраханская область уступает остальным регионам юга России и по количеству населения, и по развитию социально-экономической инфраструктуры. Общее число избирателей – около 770 тыс. чел. В 1993–2003 гг., когда выборы в Госдуму проводились по смешанной системе, на территории области был всего один одномандатный округ.

От большинства российских регионов Астраханская область отличается наличием относительно сильной оппозиции («группа О. Шеина»), доставляющей реальные неудобства власти на местных и региональных выборах. Однако правящие группировки никогда не упускали из рук контроль над регионом.

Во второй половине 2000-х гг. главным политическим конфликтом в области было соперничество губернатора А. Жилкина и мэра областного центра С. Боженова (впоследствии губернатор Волгоградской области). Но и после ухода С. Боженова (2011) губернатору не сразу удалось консолидировать власть. Новым оппонентом А. Жилкина выступило новое

---

²⁵³«Союз горожан», «Родная страна», «Гражданская сила»: за полгода в Алтайском крае закрылось 11 партийных реготделений (<http://www.bankfax.ru/news/93475>).

руководство Астрахани; противостояние закончилось арестом мэра М. Столярова (ноябрь 2013 г.).

4.5.1. Электоральная история региона

По электоральным тенденциям Астраханская область близка к Волгоградской области. Поддержка «партии власти» здесь всегда была относительно невелика, поддержка оппозиции – выше, чем в среднем по стране. Оппозиция неоднократно добивалась успеха на выборах в Госдуму по Астраханскому одномандатному округу. В 1995 г. победу на них одержал лидер астраханских коммунистов В. Зволинский, в 1999 и 2003 гг. – другой деятель левой оппозиции, О. Шеин (в 1990-е гг. он представлял Объединенный фронт трудящихся, позже – «Родину» и «Справедливую Россию»). О. Шеину вообще принадлежит несколько выдающихся достижений в электоральной истории региона. В частности, на региональных выборах 2006 г. он обеспечил возглавляемому им отделению партии «Родина» лучший результат по России.

На думских выборах 2007 г. АРО «Справедливой России» выступило лучше остальных региональных отделений партии – 20% (при общероссийских 7,7%).

В 2004 г. на выборах мэра действующий глава Астрахани И. Безрукавников, которого поддержали все партии, проиграл оппозиционному политику – представителю Партии жизни депутату областной думы С. Боженову. Это был единственный значимый случай смены власти в регионе на конкурентных выборах.

Определенным водоразделом в электоральной истории области стала президентская кампания 2008 г. Начиная с нее (включительно) официальные результаты выборов перестали быть достоверными. Следующая избирательная кампания (2009, выборы мэра Астрахани) помимо махинаций при подведении итогов голосования сопровождалась прямым насилием по отношению к наблюдателям и представителям оппозиции. Беспрецедентные нарушения на федеральных и местных выборах 2011–2012 гг. привели к тому, что Астрахань сделалась одним из центров протестного движения.

4.5.2. Федеральные выборы 2011–2012 гг.

Федеральные избирательные кампании 2011–12 гг. прошли в обстановке вопиющего административного произвола.

На думских выборах 2011 г. Астрахань была одним из средоточий электоральных нарушений и фальсификаций. Мэр города С. Боженов планировал пройти в Госдуму по списку «Единой России», чтобы потом стать где-нибудь губернатором, однако в региональном списке ЕР его поместили не только позади губернатора В. Жилкина, исполнявшего роль «парово-

за», но и оперной певицы М. Максаковой, имевшей, как оказалось, более влиятельных покровителей. При таких условиях С. Боженов мог пройти в парламент, лишь если бы «Единая Россия» получила исключительно высокий результат, каковой и был обеспечен путем грубейших подтасовок.

Нарушения декабря 2011 г. получили гораздо больший общественный резонанс по сравнению с «ущербными» выборами 2008–2010 гг. Вследствие безнаказанности наглость фальсификаторов вышла за рамки всяческих приличий – но при этом в разы возросло число свидетелей электоральных махинаций. 4 декабря 2011 г. одновременно с думскими проходили выборы в областную легислатуру – по смешанной несвязанной системе: 29 депутатов избирались в одномандатных округах, 29 – по партийным спискам. Множество наблюдателей засвидетельствовали крайнюю степень деградации избирательного процесса.

Астрахань стала единственным крупным городом страны, где «Единая Россия» улучшила свой результат по сравнению с 2007 г. (с 53 до 70%), а область – единственным регионом, в котором результат «партии власти» в сельских районах оказался существенно ниже, чем в областном центре (в такой же неправдоподобной пропорции – 50 к 70%).

Применение КОИБов позволило выявить масштабы фальсификаций. Астрахань стала рекорсменом по разнице в результатах голосования на участках с КОИБаами и с ручным подсчетом. Разброс был ровно в два раза – соответственно 38 и 75%²⁵⁴.

Не менее удивительными оказались и территориальные особенности голосования за «Справедливую Россию». Эта типично «городская партия» набрала в сельских районах – 17,3%, а в Астрахани – 13% (на участках с КОИБаами – 25%). Таким образом, в сельских районах результат партии по сравнению с 2007 г. вырос вдвое, а в крупнейшем городе вдвое уменьшился.

В итоге в региональном списке «Единой России» образовалось второе проходное место, и, поскольку А.Жилкин от этого мандата отказался, С. Боженов стал депутатом Госдумы (через месяц он пересел в губернаторское кресло). О. Шейн, напротив, впервые не получил мандата. Сомнение в официальных результатах выборов высказал даже действующий депутат ГД от «Единой России» П. Гужвин, написавший в своем блоге: «Мне почему-то кажется, что на мандат Шейну избиратели проголосовали...»²⁵⁵

Таким образом, по официальным данным, на думских выборах 2011 г. «Единая Россия» получила в Астраханской области 60,2%, «Справедливая Россия» – 14,6%, КПРФ – 13,3%, ЛДПР – 8,3%.

---

²⁵⁴Гришин Н.В. Электоральный кризис и политический протест в Астрахани в 2012 г. Астрахань: Альфа Принт, 2013.

²⁵⁵Гужвин П. После выборов (<http://petr-guzhvin.livejournal.com/8557.html>).

Итоги президентских выборов 4 марта 2012 г. тоже внушали сомнения. В среднем по области официальный результат В. Путина (68,8%) был заметно выше, чем на 35 участках с КОИБаами (59,5%). Однако на фоне состоявшихся одновременно выборов мэра Астрахани это был сущий пустяк.

4.5.3. Региональные и муниципальные выборы 2011–2012 гг.

Последние выборы в областной парламент проводились совместно с думскими в декабре 2011 г. Результаты голосования по пропорциональной системе были следующими: «Единая Россия» – 52,5%, «Справедливая Россия» – 15,9%, КПРФ – 15%, ЛДПР – 11,6%. Соответственно, в областной думе были образованы четыре фракции: «Единая Россия» получила 42 места (вместе с одномандатниками), «Справедливая Россия» – 6, КПРФ – 5, ЛДПР – 4.

Переход к смешанной системе на выборах в облдуму сыграл на руку оппозиции. До 2006 г. ОД формировалась по одномандатным округам, и от «группы Шеина» в нее не попадал никто. В 2006 г. «Справедливая Россия» сформировала в облдуме фракцию из шести человек – все они прошли по партийному списку. Исключительно пропорциональной системе обязана своей фракцией ЛДПР – за 20 лет лишь один представитель партии смог избраться по одномандатному округу.

Хотя смешанная система существенно улучшила положение оппозиции, партийное представительство все равно осталось перекошенным в сторону «партии власти»: «Единая Россия», получив в 2011 г. по спискам 52,5% голосов, заняла в ОД 72% мест. Главная причина этого – несвязанный вариант смешанной избирательной системы, при котором партия-лидер получает дополнительные места в одномандатных округах. Кроме того, при распределении мандатов между партиями используется дискриминационный метод делителей Имперали, «благодаря» которому ЛДПР в 2011 г. потеряла в ОД один мандат, перешедший «Единой России».

Выборы в городское собрание Астрахани проводились только по одномандатным округам. Вплоть до 2010 г. абсолютное большинство в гордуме было беспартийным, и лишь в указанном году доля партийных депутатов превысила половину. Впрочем, в настоящее время почти все депутаты представляют одну партию – «Единую Россию». Этот факт весьма удивителен, если учесть, что в 2007 г. «Справедливая Россия» получила на думских выборах 26% голосов. По всей видимости, это тоже следствие использования мажоритарной системы.

На городских выборах 2010 г. кандидаты от «Справедливой России» заняли вторые места в 14 округах (средний уровень поддержки – 16%), средний же результат кандидатов от «Единой России», доминирующей в гордуме, составлял 58%. Таким образом, применение мажоритарной

системы на муниципальных выборах в Астрахани явилось для оппозиции исключительно неблагоприятным обстоятельством. В 2013 г. выборы в городскую думу Астрахани были переведены на смешанную несвязанную систему. Данная реформа противоречила интересам правящих группировок и стала возможной исключительно в силу изменения федерального законодательства.

Досрочные выборы мэра Астрахани состоялись 4 марта 2012 г. и повлекли череду скандалов. Власти выдвинули на этот пост М. Столярова, не обладавшего ни популярностью, ни опытом политического лидерства. В отличие от выборов 2009 г., не предпринималось никаких попыток завоевать расположение электората – в очевидном расчете на административный ресурс и махинации при подсчете голосов. Избирательная кампания М. Столярова была пассивной и невыразительной, однако принесла ему, как было объявлено, 60% голосов. Этому мало кто поверил – согласно результатам опроса, проведенного через месяц после выборов, 52% астраханцев считали выборы мэра прошедшими с нарушениями, и только 19% – честными²⁵⁶.

4.5.4. Изменения в партийном спектре

Роль партий в политическом и избирательном процессе Астраханской области в целом типична для большинства российских регионов. До институциональных преобразований 2000-х гг. она была весьма незначительной, абсолютное большинство депутатов облдумы и муниципальных представительных органов в партиях не состояло. Только реформы 2000-х гг. вынудили астраханскую политическую элиту выбрать себе место в партийном спектре.

Региональное отделение «Единой России» достаточно сильно консолидировано и целиком контролируется административной элитой. Как и в большинстве регионов, астраханское отделение ЕР представляет собой конгломерат местных элитных группировок, между которыми есть некоторые трения, но которые полностью солидарны в отношении к оппозиции. У «партии власти» три четверти мест в областной думе, она единственная имеет фракцию в городской думе Астрахани.

Главной оппозиционной организацией области является региональное отделение «Справедливой России» (вторая по численности после ЕР фракция в облдуме). При этом «группа Шеина» не ограничена рамками одной партии – среди ее ключевых активистов есть представители КПРФ, «Другой России» и пр. Сам О. Шеин выступает за переход от мажоритар-

---

²⁵⁶Консалтинг АБВ: треть астраханцев хотят перевыборов (http://www.punkt-a.info/view_page/view/15616).

ной к смешанной системе на выборах в Астраханскую городскую думу, поскольку данная реформа позволит оппозиции создать в муниципальных собраниях свои депутатские группы.

КПРФ являлась ведущей оппозиционной силой региона в середине 1990-х гг., но в дальнейшем сдала позиции и проиграла О. Шеину в борьбе за протестный электорат (особенно в областном центре). В бытность С. Боженова мэром Астрахани КПРФ входила в сферу его влияния. В последние же годы коммунисты часто выступают союзником О. Шеина; в частности, они активно поддерживали протестные акции весной 2012 г.

ЛДПР никогда не обладала в области значительным политическим весом. В 2009 г. ее РО возглавил москвич А. Старовойтов и при поддержке В. Жириновского несколько оживил деятельность ЛДПР в Астрахани. В расстановке политических сил А. Старовойтов примыкает к лагерю правящих группировок.

Другие политические партии не влияют на астраханскую политику.

В 2011 г. в Астраханской области было семь отделений политических партий, в 2013-м их стало 43²⁵⁷. Большинство из них контролируются администрацией и потенциально могут играть на выборах роль спойлеров или партнеров «партии власти».

4.5.5. Протестная активность

В последние годы Астрахань является одним из центров протестного движения в России.

Начиная с 2009 г. астраханские власти проводили политику жесткого давления на оппозицию. Помимо прямого насилия в 2009–2011 гг. была проведена серия судебных процессов против оппозиционных активистов. Уголовные дела, возбужденные в отношении ряда сторонников О. Шеина, вполне можно расценить как политические репрессии. Масштабные нарушения на выборах и преследование оппозиции вызвали подъем протестного движения и электоральный кризис.

Крупные протестные акции состоялись осенью 2009 г. после скандальных выборов мэра Астрахани (действующий мэр С. Боженов против О. Шеина).

Как и по всей России, в декабре 2011 г. в Астрахани наблюдался резкий всплеск протестов. В отличие от Москвы, пик электорального кризиса пришелся здесь на весну 2012 г. – выборы мэра Астрахани (март) представляли собой ярчайший образец профанации избирательного процесса.

Политическая голодовка О. Шеина и его сторонников, а также акции

---

²⁵⁷Социально-экономическое развитие Астраханской области в 2013 г. Астрахань, 2014. С. 18.

марта–апреля 2012 гг. в Астрахани стали главным событием российского протестного движения между зимними «стояниями» на Болотной и пр. Сахарова и «маршем миллионов» 6 мая 2012 г. На некоторое время Астрахань, по словам либеральных журналистов, сделалась «политической столицей России». Митинг 14 апреля 2012 г. был самым многочисленным протестным мероприятием в постсоветской истории города (около 5 тыс. участников)²⁵⁸. Уникальность астраханских протестов заключалась в объединении усилий левых (ядро «группы Шейна») и либералов.

Судебный процесс по иску об отмене результатов выборов мэра Астрахани (2012) показал полное бессилие существующих правовых механизмов защиты выборов. Видеозаписи с камер наблюдения заставили суд признать нарушения при подсчете голосов на 75% избирательных участков Астрахани, на отдельных участках признаны нарушения не менее чем 12 норм закона²⁵⁹. Тем не менее результаты выборов не были отменены ни на одном из них.

После электорального кризиса весны 2012 г. уровень общественного доверия к выборам в Астрахани упал почти на дно. В октябре явка на довыборах депутатов областной думы составила 8%.

Усугубило ситуацию и бесславное завершение политической карьеры М. Столярова, грубо навязанного горожанам в качестве мэра. За полтора года пребывания в должности он рассорился с теми людьми, которые лоббировали его назначение, и в ноябре 2013 г. был арестован.

4.5.6. Выводы

Среди особенностей политического процесса в Астраханской области – не только свойственное всей России падение доверия к власти и институтам, но и глубокий кризис политического лидерства. Если в начале 2000-х гг. областной и городской парламенты выращивали перспективных и амбициозных лидеров, то к настоящему времени эти органы власти превратились в питомник «серых мышей». Закрытые и неконкурентные методы рекрутирования элиты, преобладавшие в последнее десятилетие, привели к почти полному исчезновению в правящих группировках сколько-нибудь ярких личностей.

Астраханский случай являет пример (один из многих) институционального разрыва между общественно-политической активностью и деятельностью власти. Местная оппозиция обладает существенной под-

---

²⁵⁸Гришин Н.В. Информационная борьба в ходе электорального кризиса в Астрахани в 2011–2012 гг. // PolitBook. Журнал политической науки, 2012, № 1. С. 61–74.

²⁵⁹Гришин Н.В. «Суд Олега Шейна»: астраханский опыт обжалования результатов выборов // Публичная политика-2012 / Под ред. М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова. СПб: Норма, 2013. С. 203–212.

держкой в обществе, но изолирована от процесса принятия решений и не имеет шансов увеличить свое властное представительство. При этом именно популярность местной оппозиции послужила главной причиной электоральных махинаций властей.

Остается надеяться, что в будущем правящие группировки скорректируют свою политику и озаботятся повышением своей популярности.

4.6. Политические партии после региональных выборов 2013 г. в Башкортостане²⁶⁰

Изменения 2012–2014 гг. в партийном и избирательном законодательстве стимулировали бурный рост партстроительства как на федеральном, так и региональном уровне. Поскольку федеральные выборы состоятся только в 2016 г., говорить о месте новых партийных структур в российском политическом пространстве пока сложно. Однако выборы в регионах позволяют сделать некоторые выводы в этом отношении.

4.6.1. Характеристика политического процесса

При М. Рахимове, который руководил Башкирией с 1993 (а фактически с 1990-го) по 2010 г., регион считался классическим образцом этнократического авторитаризма. Политическая система полностью контролировалась лояльной Рахимову элитой, становление институтов гражданского общества было де-факто заморожено, но при этом в регионе сохранялся относительно высокий по сравнению с большинством других субъектов РФ уровень жизни.

В 2010 г. М. Рахимова на посту президента Башкортостана сменил руководитель Федерального агентства водных ресурсов Р. Хамитов, не связанный ни с одной из властных группировок республики. Предполагалось, что это позволит новому президенту произвести «перезагрузку» всей общественной жизни Башкортостана.

Смена главы РБ повлекла серьезные кадровые перестановки в органах власти. Они начались с администрации президента и правительства, а к концу первого года президентства Р. Хамитов почти полностью обновил руководство муниципальных районов и городских округов. Несколько позже, в начале 2012 г., сменился и глава администрации Уфы. Во власть пришли новые люди. Это породило определенные ожидания и обеспечило новому президенту известный кредит доверия, который не исчерпан до сих пор.

---

²⁶⁰ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Особенности развития региональных отделений политических партий в полиэтнических регионах (на примере Республики Башкортостан)», № 13-13-02017.

Р. Хамитов провозгласил курс на политическую и социально-экономическую модернизацию. В политической сфере предполагалось оживить институты гражданского общества, в том числе через повышение открытости самой власти. Кардинально изменился имидж первого лица региона. Новый президент активно работает со средствами массовой информации, ведет страничку в «живом журнале». Требование «повысить открытость» предъявлено всем государственным органам.

Серьезное внимание уделено республиканскому парламенту. Уже в ходе осенней сессии 2010 г. Р. Хамитов, обозначив основные приоритеты развития республики, «попросил» депутатов Госсобрания внести соответствующие изменения в законодательство. Менее чем за полгода было принято 54 закона, касающихся различных сфер общественной жизни, в том числе направленных на совершенствование местного самоуправления и законодательства о выборах, урегулирование деятельности общественных объединений и т.п.²⁶¹

Изменилась и сама модель региональной власти. Летом 2012 г. Р. Хамитов вернулся к оперативному управлению правительством, как в первый год своего руководства республикой, когда он совмещал должности президента и главы правительства (ранее для Башкортостана подобное было нехарактерно). Премьер-министр А. Илимбетов практически лишился полномочий, а еще через два месяца, в октябре 2012 г., правительство было отправлено в отставку и утверждена его новая структура: должность премьер-министра была ликвидирована, а руководителем республиканского правительства стал президент.

Эти новации следует расценивать не столько как отставку правительства (его персональный состав не слишком изменился), сколько как попытку «переформатировать» его деятельность, эффективность которой не устраивала главу региона.

4.6.2. Электоральная история и изменения в партийном спектре

Развитие институтов гражданского общества в республике идет сложно. Митинги за честные выборы и в поддержку В. Путина, прошедшие в Уфе в декабре 2011 г. – марте 2012 г., были частью общефедерального тренда и повторяли сценарий столичных мероприятий. Во многом это объяснялось тем, что в постсоветский период все общественные организации РБ находились под контролем власти, а нередко и управлялись ею.

Несмотря на то что закон о политических партиях был принят в Башкортостане на семь лет раньше, чем аналогичный федеральный, – 21

---

²⁶¹О деятельности Государственного Собрания – Курултая в период осенней сессии 2010 года (http://gsrb.ru/ru/press_center/news/6155/?sphrase_id=8549).

июня 1994 г.²⁶², роль и вес партий в политической жизни республики были крайне незначительны. Если в начале 1990-х гг. в Башкортостане было зарегистрировано 236 общественных движений и организаций, то к 1997 г. их число сократилось до семи²⁶³.

В конце 1990-х гг. в региональном электорате вычленился либеральный сегмент, появились новые политические силы, активизировалось участие партий в избирательном процессе, был либерализован порядок выборов в республиканский парламент. Однако исполнительная власть осталась практически единственным субъектом на электоральном поле. Влияние центра в этот период выражалось лишь в некотором изменении нормативной базы общефедеральных выборов²⁶⁴.

В начале 2000-х гг. в республиканском избирательном процессе наметились те же тенденции, что и в стране в целом, а именно – резкое снижение результатов оппозиции при значительном росте поддержки «партии власти» в лице «Единой России». На думских выборах 2003 г. Башкортостан практически продублировал общефедеральные результаты: «Единая Россия» набрала 38,9% голосов, КПРФ – 13%, ЛДПР – 11%, «Родина» – 6,5%.

На думских выборах 2007 г. региональная «Единая Россия» заметно обогнала федеральную, получив 83,2% голосов. КПРФ поддержали 7,4% избирателей, «Справедливую Россию» – 4,16%²⁶⁵.

Не особенно изменилась ситуация и на выборах 2011 г. «Единая Россия» набрала 70,5% голосов (на 12% меньше, чем в 2007 г., но в целом примерно столько же, сколько на выборах в муниципальные органы в марте 2011 г.). Зато КПРФ получила на этих выборах вдвое больше – 15,65% голосов²⁶⁶.

Более заметные изменения произошли в 2013 г. – в связи с новациями в партийном законодательстве. Новые правила игры способствовали увеличению числа партий, и это частично отразилось на ходе и результатах выборов в Госсобрание.

4.6.3. Региональные выборы 2013 г.

Выборы состоялись 8 сентября 2013 г. Число их участников существенно возросло, что привело к обострению политической борьбы и появлению

---

²⁶² Аюпов М.А. Региональные политические трансформации в современной России. Уфа: Гилем, 2003. С. 323.

²⁶³ Никифоров Ю.Н. Конституирование многопартийности // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность. Уфа, 1997. С. 84.

²⁶⁴ Чувилина Н.Б. Электоральные процессы в Республике Башкортостан в постсоветский период: роль институтов гражданского общества // Глобализация и социальные изменения в современной России: тезисы докладов III Всерос. социол. конгресса. М.: Альфа М, 2006. С. 194.

²⁶⁵ Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан (<http://www.bashkortostan.vybory.izbirkom.ru/region/bashkortostan>).

²⁶⁶ Там же

в политическом контингенте новых лиц. При этом актуализировался вопрос об эффективности новых партий, их способности составить конкуренцию «старым», прежде всего «Единой России».

В выборах приняло участие 12 политических партий, хотя в Башкортостане на тот момент было зарегистрировано около четырех десятков. Большинство партий либо опоздали с регистрацией, либо не имели достаточных ресурсов для проведения кампании. Впрочем, и многие участники выборов руководствовались олимпийским лозунгом – «главное не победа, а участие». Семипроцентный барьер сумели преодолеть лишь две партии – «Единая Россия» и КПРФ. Если бы не возврат к голосованию по одномандатным округам, где оппозиции удалось провести нескольких кандидатов, то полностью бы воспроизвелась картина, сложившаяся по итогам предыдущих выборов. Однако присутствие в депутатском корпусе представителей ЛДПР, РЭП «Зеленые», «Патриотов России» и Партии социальной солидарности не изменило расстановки сил. «Единая Россия» по-прежнему обладает абсолютным большинством, а оппозицию в региональном парламенте представляют лишь 16 депутатов (из 110).

4.6.4. Партийно-политический спектр

Электоральному пространству Башкортостана свойственны те же черты, что и России в целом: высокая управляемость партийно-политическими процессами со стороны федеральной власти, превращение «Единой России» в инструмент мобилизации электората и борьбы с политическими соперниками, жесткий контроль власти над информационными потоками, использование государственных СМИ для наращивания поддержки «партии власти» и т.д.

«Единая Россия» появилась в республике в 2002 г., сразу как лидер партийного спектра, и в дальнейшем только укрепляла свои позиции. Располагая мощным административным ресурсом, она создала в регионе разветвленную сеть местных отделений, подконтрольных районным и городским властям. ЕР занимает первое место в республике по партийной численности – более 80 тыс. человек²⁶⁷ – и безусловно доминирует в представительных органах всех уровней.

Оппозиционные партии влияния на республиканскую политику практически не оказывают. Все они, как правило, организационно неразвиты и чрезвычайно слабы в кадровом плане, не пользуются поддержкой населения, а потому не способны составить сколько-нибудь заметную конкуренцию провластным структурам.

---

²⁶⁷Региональные отделения всероссийских политических партий (<http://www.cikrb.ru/PP/ListPP/index.php>).

Наиболее хорошо в избирательной кампании 2013 г. был представлен левый фланг политического спектра, к которому мы отнесли восемь партий: КПРФ, «Справедливая Россия», Российская экологическая партия «Зеленые», Партия социальной солидарности, Патриоты России, «Альянс зеленых – Социал-демократы», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Рожденные в СССР». Это объясняется двумя основными факторами. Во-первых, в массовом сознании и частично в сознании политически активной общественности бытует убеждение, что российские избиратели в большинстве своем тяготеют к левому флангу. На наш взгляд, это ложный стереотип, который весьма далеко ушел от реальности. Во-вторых, левая оппозиция представляет для правящей группы бóльшую опасность, чем правая, где не заметно партий, способных уже сегодня бросить вызов «Единой России». Соответственно, власть заинтересована во внедрении в левую часть спектра партий-спойлеров – таковыми и является целый ряд участников последних выборов в республиканское Госсобрание.

На выборах 2013 г. левые партии получили в сумме 17,58%, что следует оценить как крайне низкий результат – даже с учетом использования против них административного ресурса и прочих способов дискриминации.

Башкирское региональное отделение КПРФ было создано еще в 1993 г. На сегодняшний день оно насчитывает более 3 тыс. человек. Это четвертое по численности региональное отделение после «Единой России», «Справедливой России» и ЛДПР. В думской фракции КПРФ Башкирия представлена двумя депутатами – бизнесменом А. Тычининим и пресс-секретарем Г. Зюганова А. Ющенко. Ни тот ни другой прямого отношения к республике не имеет. В республиканском парламенте КПРФ представлена восемью депутатами, сформировавшими собственную фракцию. Руководителем рескома КПРФ с 2006 г. является бывший министр образования республики член ЦК КПРФ Р. Гарданов.

Однако в целом рейтинг КПРФ в республике ниже, чем в среднем по стране, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, несколько лет назад региональное отделение Компартии пережило тяжелый внутренний кризис, закончившийся расколом и уходом части руководителей к конкурентам (в частности, в «Справедливую Россию»). Во-вторых, из-за отсутствия внутреннего единства отделение не имеет четко выраженной позиции по многим актуальным вопросам общественно-политической жизни региона. В частности, в Башкортостане коммунисты не являются оппозицией в привычном понимании. В-третьих, БРО КПРФ более активно в период общероссийских выборов, нежели республиканских, что связано в том числе с тем, что федеральные кампании финансируются значительно лучше, чем региональные.

Вполне объяснимы и не слишком высокие результаты ЛДПР. Последовательная критика В.Жириновским и его сторонниками идей федерализма и

их призывы ликвидировать национальные республики, включая Башкортостан, сделала лидера партии персоной нон грата в регионе. Республиканская организация ЛДПР получила регистрацию в Министерстве юстиции РБ в 1996 г. (годом раньше администрация Уфы зарегистрировала общественное объединение «Соколы Жириновского»). Сегодня в БРО ЛДПР состоит более 3 тыс. человек, в том числе депутат Госдумы и бывший координатор республиканского отделения партии И. Сухарев. В Государственном собрании ЛДПР представляют три депутата, избранные по одномандатным округам. Партии также удалось провести двух человек, в том числе нового координатора В. Рябова, в Уфимский городской совет. Позиции либерал-демократов в Уфе несколько прочнее, чем в целом по республике, что и позволило им добиться этого результата.

Но как и в случае КПРФ, ЛДПР в республике существенно слабее, чем в среднем по стране. Объясняется это не столько внутрипартийными причинами, сколько отсутствием у националистически ориентированной партии серьезной электоральной поддержки в полиэтническом и поликонфессиональном регионе. Особенно это касается сельской местности, где доля нерусского населения больше, а поддержка региональной власти наиболее высока.

Становление «Справедливой России» в республике проходило очень трудно. Региональное отделение СР было создано в начале 2007 г. на базе БРО «Родины», Российской партии жизни и Партии пенсионеров. Объединение совершенно разных по идеологическим и электоральным характеристикам структур привело к конфликту бюрократических аппаратов и партийной элиты, что, в свою очередь, на несколько лет сделало региональное отделение СР практически недееспособным. За пять лет в БРО СР сменилось три руководителя, и естественно, это не способствовало организации работы на местах. Кроме того, «Справедливая Россия» так и не смогла наладить работу с широкими слоями населения и до сих пор воспринимается многими как искусственное образование. На сегодняшний день численность регионального отделения СР превышает 6 тыс. человек – второе место после «партии власти». Руководителем РО является бывший активист Российской партии жизни К. Шагимуратов. По описанным выше причинам региональное отделение «Справедливой России» очень слабо выступило на последних федеральных и региональных выборах.

Ничего удивительного нет и в том, что на выборах-2013 отсутствовали кандидаты от правых партий («Правое дело», «ЯБЛОКО»). У них просто нет местных отделений за пределами Уфы и ряда крупных городов, а потому их активного участия в выборах никто и не ожидал.

Республиканское отделение партии «ЯБЛОКО» действует в регионе с начала 1990-х гг. и в настоящее время насчитывает более 1,5 тыс. человек. Возглавляет его С. Наумкин, получивший широкую известность в респу-

блике во время протестных митингов в Уфе зимой–весной 2012 г. Однако в целом электоральная поддержка «ЯБЛОКА» незначительна, поэтому в органах власти оно не представлено.

Хуже всего обстоят дела у «Правого дела». Его региональное отделение было образовано в начале 2009 г. на базе РО СПС, сегодня в нем состоит около 1 тыс. человек. БРО не представлено в государственных и муниципальных органах Башкортостана, что связано не столько с общим внутривнутрипартийным кризисом и постоянной кадровой чехардой в региональном отделении, сколько с «исторически сложившимся» недоверием жителей республики к праволиберальным идеям.

Республиканское отделение партии «Патриоты России» является правопреемником Евразийской партии России. Оно насчитывает более 1,1 тыс. человек. При создании РО ПР массовый прием в его ряды был проведен на общереспубликанском собрании татарской общественности Башкортостана (декабрь 2005 г.), поэтому большинство башкирских «патриотов» принадлежит к означенной татарской общественности, весьма радикально настроенной. Это относится и к руководителю ПР в Башкортостане З. Хакимову, который начинал свою политическую деятельность в качестве лидера молодежного татарского движения. Популярность партии в Башкортостане невысока, однако З. Хакимов смог пройти в Курултай по одномандатному округу. Других депутатов в РО ПР нет.

Все сказанное позволяет сделать вывод о невысоком уровне поддержки оппозиции в республике. Данная ситуация характерна, впрочем, не только для Башкортостана, и вызвана следующими обстоятельствами: а) оппозиция, даже будучи представлена в парламенте, не имеет реальной возможности влиять на принятие политических решений; б) оппозиционные партии ориентированы исключительно на электоральную функцию; в период между выборами работа не ведется; как результат – низкая узнаваемость лидеров оппозиции.

4.6.5. Выводы и прогнозы

Итак, характер избирательной системы играет на региональных выборах второстепенную роль. Для оппозиции неприципиально, по пропорциональной или смешанной системе проводятся выборы. Ее политический статус зависит не столько от результатов выборов, сколько от адекватного определения социальной базы и наличия внятной идеологии. В настоящее время большинство программ оппозиционных партий в Башкортостане лишены каких-либо признаков политической самоидентификации, что свидетельствует о низком уровне их развития на региональном уровне.

Учитывая общие эволюционные тенденции в партийной системе региона, можно предположить, что и на следующих парламентских выборах в республике не произойдет кардинальных изменений. Парламентские партии, прежде всего «Единая Россия» и КПРФ, с высокой долей вероятности сохранят свое положение. Иные партии (в том числе новые), связанные с нелояльными местной власти оппозиционными группами, вероятнее всего, не добьются успеха.

Сведения об авторах

Белинский Андрей Викторович,
канд. полит. наук, belinskii_andrei@mail.ru

Борисов Николай Александрович,
канд. полит. наук, доц., заведующий
кафедрой теоретической и прикладной
политологии факультета истории,
политологии и права РГГУ, nborisov@rggu.ru

Вольхина Маргарита Владимировна,
соискатель Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина,
margaritavolkhina@gmail.com

Грачев Михаил Николаевич,
д-р полит. наук, проф., профессор кафедры
теоретической и прикладной политологии
факультета истории, политологии и права РГГУ,
grachev62@yandex.ru

Гришин Николай Владимирович,
д-р полит. наук, проф., профессор кафедры
политологии факультета социальных коммуникаций
Астраханского государственного университета,
nvgrishin@mail.ru

Гришина Анна Михайловна,
канд. полит. наук, докторант Института
научной информации по общественным
наукам РАН, palikova_am@mail.ru

Девятиярова Анастасия Игоревна,
преподаватель кафедры политологии
Алтайского государственного университета,
igorevnanastya@mail.ru

Евдокимов Николай Анатольевич,
канд. полит. наук, начальник отдела
политических исследований Башкирской академии
государственной службы и управления,
rodina_kirovo@mail.ru

Ирхин Юрий Васильевич,
д-р филос. наук, проф., профессор кафедры
теоретической и прикладной политологии
факультета истории, политологии и права РГГУ,
профессор кафедры политологии и политического
управления факультета государственного
управления РАНХиГС при Президенте
Российской Федерации, irkhine@mail.ru

Киселев Константин Викторович,
канд. филос. наук, ведущий научный
сотрудник Института философии и права
УрО РАН, доцент Уральского федерального
университета имени Б.Н. Ельцина

Коргунюк Юрий Григорьевич,
д-р полит. наук, руководитель отдела
политологии регионального общественного фонда
«Информатика для демократии»,
partinform@mail.ru

Любарев Аркадий Ефимович,
канд. юрид. наук, член совета Движения
в защиту прав избирателей «Голос»,
эксперт Комитета гражданских инициатив,
lyubarev@yandex.ru

Михалева Галина Михайловна,
д-р полит. наук, доц., профессор кафедры культуры
мира и демократии факультета истории,
политологии и права РГГУ,
G_Mihaleva@mail.ru

Перфильев Юрий Сергеевич,
аспирант кафедры культуры мира
и демократии факультета истории,
политологии и права РГГУ, магистрант НИУ
«Высшая школа экономики»,
perforator.2007@mail.ru

Трофимова Ирина Николаевна,
д-р полит. наук, ведущий научный
сотрудник Института социологии РАН,
itnmv@mail.ru

Шашкова Ярослава Юрьевна,
д-р полит. наук, проф., заведующая
кафедрой политологии Алтайского
государственного университета, yashashkova@mail.ru

Шпагин Сергей Александрович,
канд. полит. наук, доц., доцент кафедры политологии
философского факультета
Национального исследовательского
Томского государственного университета, shpagin@
sibmail.com

Abstract

The monograph is devoted to the 'party reform' of 2012-14 and its influence on parties, party system, electoral and political space of Russia.

The main subjects covered by the book are changes in the status of political parties all around the world in the last decade; the prerequisites, contents and course of the 'party reform' (first of all, changes in the legislation); the situation with registration of new parties and principles of classification of these parties; the impact of the reform on the regional elections results in 2012–2014 (successes and failures of the new and 'old' parties, changing party alignment in the regional legislatures, transformation of the cleavage structure of the political and electoral space) and on the regional party systems.

The book is recommended for professors in political science, postgraduates, undergraduates, and anyone interested in the problems of parties and elections.

Contents

INTRODUCTION	4
SECTION 1. INSTITUTIONAL INNOVATIONS IN PARTY SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES	
1. Modern Social Democracy: in Search of the «Third Way» (I.N. Trofimova)	6
2. Internet Parties as a New Type of Party Organization (on Example of the Pirate Party) (Yu.V. Irkhin)	13
3. The Transformation of the German Party System: Old Problems and New Challenges (A.V. Belynskii)	20
4. 'Parties of Power' on the Post-Soviet Space: Russia and Kazakhstan (A.M. Grishina)	29
5. Institutional Innovations in the Party and Electoral Systems of Ukraine in 2012–2014 (N.A. Borisov)	38
SECTION 2. THE IMPACT OF THE PARTY REFORM ON THE INSTITUTION OF POLITICAL PARTIES	
1. Changing Electoral Institutions and Parties in the Transformational Context (G.M. Mikhaleva)	49
2. Party and Election Legislation: 25 Years of Throwing	53
(A.E. Liubarev, Yu.G. Korgunyuk, G.M. Mikhaleva)	
3. Party Building in 2012–2014 (A.E. Liubarev)	63
4. Classification of New Political Parties (A.E. Liubarev, M.V. Vol'khina)	71
5. Specifics of the Institutional Role of Political Parties in the Russian Federation (Ya.Yu. Shashkova, A.I. Deviatyarova)	78
SECTION 3. PARTY REFORM AND THE OUTCOME OF THE REGIONAL ELECTIONS IN 2012–2014	
1. Party Reform and the Dynamics of the Inter-Party Competition in Regional Elections of 2012–2014 (A.E. Liubarev, S.A. Shpagin)	90
2. Party Reform and Changes in the Structure of Electoral Cleavages (Yu.G. Korgunyuk, M.N. Grachiov)	106
SECTION 4. PARTY REFORM AND REGIONAL PARTY SYSTEMS	
1. Elections in Moscow: between Total Control and Return to Competition (G.M. Mikhaleva)	143
2. The Sverdlovsk Region: an Atypical Typicality (K.V. Kiseliyov)	155
3. Elections to the Legislative Assembly of the Irkutsk Region in 2013 (Yu.S. Perfiliev)	165
4. The Altai Territory: Parties and Elections (Ya.Yu. Shashkova)	175
5. Elections and Parties in the Astrakhan Region (N.V. Grishin)	183
6. Political Parties after the Regional Elections of 2013 (Experience of Bashkortostan) (N.A. Yevdokimov)	190
About the authors	197